

The Holy See

Послесинодальное
Апостольское обращение
Amoris Laetitia
Святейшего Отца
Франциска
к епископам,
пресвитерам и диаконам,
людям, посвященным Богу,
супругам-христианам
и всем верным мирянам
О любви в семье

1. Радость любви, переживаемая в семьях, есть также ликование Церкви. Как указали Отцы Синода, несмотря на множественные признаки кризиса брака, «жажда семьи по-прежнему жива, особенно у молодых людей, и это вдохновляет Церковь»^[1]. Будучи ответом на это стремление, «христианское учение о семье представляет собой поистине благовест»^[2].
2. Путь, по которому следовал Синод, позволил начать размышление о положении семей в нынешнем мире, расширить наш кругозор и восстановить наше осознание важности брака и семьи. Одновременно в силу сложности предложенных тем мы увидели, что необходимо свободно продолжать углубленный разбор некоторых доктринальных, моральных, духовных и пастырских проблем. Размышления пастырей и богословов, при условии верности Церкви, честности, реалистичности и созидательности, поможет нам достигнуть большей ясности. Споры в средствах массовой коммуникации, в публикациях и даже среди служителей Церкви обусловлены как безудержным желанием все поменять, без достаточного осмысления, безосновательно, так и подходом, претендующим разрешить все трудности с помощью общих предписаний или даже чрезмерных заключений, выведенных из некоторых богословских течений.
3. Помня, что время выше пространства, я хочу повторить, что не все доктринальные,

моральные и пастырские дискуссии нужно разрешать при посредничестве Учительства. Естественно, единство доктрины и практики в Церкви является необходимым, но не препятствует разнообразной интерпретации некоторых аспектов доктрины и не отменяет какие-либо выведенные из нее заключения. Так будет происходить, пока Святой Дух не поможет нам достичь полноты истины (ср. Ин 16, 13), то есть, пока Дух не введет нас совершенным образом в тайну Христову, чтобы мы все увидели Его взглядом. Кроме того, в любой стране или регионе можно искать наиболее инкультурированные решения, внимательные к местным традициям и вызовам. Так, «культуры очень различаются между собой, и всякий общий принцип [...] нуждается в инкультурации, для того, чтобы его соблюдали и применяли»^[3].

4. Во всяком случае, должен сказать, что путь, проделанный на Синоде, принес заключенную в нем неисчерпаемую красоту и пролил много света. Благодарю за многосторонний вклад, помогший мне широко взглянуть на проблемы семей всего мира. Вся совокупность выступлений Отцов, а я их слушал с постоянным вниманием, представилась мне драгоценным многогранником, сформированным множеством справедливых опасений, честных и искренних вопросов. Поэтому я счел целесообразным составить Послесинодальное Апостольское обращение, обобщающее вклады двух последних Синодов о семье, присовокупив иные замечания, могущие направить размышление, диалог и пастырскую практику и одновременно укрепить мужество, стать для семей стимулом и помощью при выполнении их долга и преодолении трудностей.

5. Настоящее Апостольское обращение обретает особое значение в нынешний Юбилейный год Милосердия. Во-первых, потому что я понимаю его как призыв к христианским семьям, побуждающий ценить дары брака и семьи, хранить крепкую любовь, наполненную такими ценностями, как бескорыстие, самоотдача, верность и терпение. Во-вторых, потому что цель этого обращения – воодушевить всех стать знаками милосердия и близости там, где семейная жизнь реализуется несовершенным образом либо лишена мира и радости.

6. Если говорить о структуре текста, то я начну его с главы, вдохновленной Священным Писанием и задающей соответствующий тон. На этой основе я рассмотрю нынешнее положение семей, с тем, чтобы не «отрываться от земли». Далее вспомню некоторые существенные элементы учения Церкви о браке и семье, подготовив тем самым почву для двух центральных глав, посвященных любви. Затем я выделю некоторые пастырские направления, ориентирующие нас на создание крепких и плодovitых семей, согласно замыслу Божию, посвящу также главу воспитанию детей. Затем я остановлюсь на призыве к милосердию и пастырской рассудительности в ситуациях, не в полной мере отвечающих тому, что нам предлагает Господь, и, наконец, кратко очерчу семейную духовность.

7. В силу богатства двухлетних размышлений, накопленного на пути, проделанном Синодом, настоящее Обращение в разных стилях рассматривает множество не похожих

тем. Этим объясняется неизбежный объем текста. Поэтому не советую читать его поверхностно, поспешно. И семьи, и работники, занимающиеся пастырством семей, смогут лучше оценить его, если будут терпеливо погружаться в одну главу за другой или же если будут искать в нем то, что им необходимо в любых конкретных обстоятельствах. Например, супруги, вероятно, больше узнают о себе в четвертой и пятой главах, а работникам, занимающимся пастырством семей, покажется особо интересной шестая глава, в восьмой же все найдут обращенный ко всем настойчивый призыв. Надеюсь, что каждый благодаря чтению почувствует себя призванным с любовью заботиться о жизни семей, так как они «не проблема, а, в первую очередь, возможность»[4].

ГЛАВА I

В СВЕТЕ СЛОВА

8. Библия полна семей, поколений, историй о любви и о семейных неурядицах, начиная с первой же страницы, где на сцену выступает семейство Адама и Евы, отягченное бременем насилия, но и силой продолжающейся жизни (см. Быт 4), и до последней страницы, где представлен брак Невесты и Агнца (см. Откр 21, 2.9). Описанные Иисусом два дома – один построен на камне, другой на песке (см. Мф 7, 24-27) – изображают множество семейных ситуаций, обусловленных свободой проживающих в этих домах, ведь, по словам поэта, «каждый дом... это подсвечник»[5]. Давайте сейчас войдем в один из этих домов вслед за псалмопевцем, через песнопение, по сей день звучащее как в иудейском, так и в христианском обряде бракосочетания:

«Блажен всякий боящийся Господа,
 ходящий путями Его!
 Ты будешь есть от трудов рук твоих:
 блажен ты, и благо тебе!
 Жена твоя, как плодовая лоза,
 в доме твоём;
 сыновья твои, как масличные ветви,
 вокруг трапезы твоей:
 так благословится человек, боящийся Господа!
 Благословит тебя Господь с Сиона,
 и увидишь благоденствие Иерусалима
 во все дни жизни твоей;
 увидишь сыновей у сыновей твоих.
 Мир на Израиля!» (Пс 128 (127), 1-6).

Ты и твоя жена

9. Итак, переступим порог этого спокойного дома, где семья сидит за праздничной трапезой. В центре мы видим пару – отца и мать, всю их историю любви. В них исполнился изначальный замысел, о котором настойчиво напоминает Сам Христос: «Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их?» (Мф 19, 4). Затем Он повторяет заповедь Книги Бытия: «Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью» (Быт 2, 24).

10. Две первые величественные главы Книги Бытия предлагают нам описание человеческой пары в ее основополагающей реальности. Во вступительном тексте Библии сияют несколько решающих утверждений. Первое, обобщенно процитированное Иисусом, гласит: «Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт 1, 27). Удивительно, что поясняющей параллелью к «образу Божию» выступает именно пара «мужчина и женщина». Означает ли это, что Самому Богу присущи половые признаки и что Его сопровождает Божественная спутница, согласно учениям ряда древних религий? Конечно, нет, ведь мы знаем, насколько ясно Библия отвергает – как идолопоклонство – подобные верования, некогда распространенные среди хананеев Святой Земли. Защищается трансцендентность Бога, но, поскольку Бог одновременно – Творец, плодovitость человеческой пары есть живой и убедительный «образ», видимый знак акта творения.

11. Любящая пара, рождающая жизнь, представляет собой настоящее, живое «изображение» (а не запрещенные Декалогом изваяния из камня либо золота), способное явить собой Бога – Творца и Спасителя. Поэтому плодovitая любовь становится символом сокровенных Божиих реалий (см. Быт 1, 28; 9, 7; 17, 2-5.16; 28, 3; 35, 11; 48, 3-4). Именно это обусловило, в соответствии с так называемой «священнической традицией», насыщение повествования Книги Бытия разнообразными перечнями родословий (см. Быт 4, 17-22.25-26; 5; 10; 11, 10-32; 25, 1-4.12-17.19-26; 36): человеческая пара способна порождать жизнь, и с этим связано развитие истории спасения. В свете этого плодovitая связь пары становится образом для раскрытия и описания тайны Бога, фундаментальной в христианском видении Троицы, то есть в созерцании Бога – Отца, и Сына, и Святого Духа любви. Бог-Троица – это общение любви, а семья – Его живое отражение. Нас просвещают слова святого Иоанна Павла II: «Наш Бог, в Своей сокровеннейшей тайне, не одиночество, а, скорее, семья, ведь Он заключается в Себе отцовство, сыновство и сущность семьи, которая есть любовь. Любовь в Божественной семье – Святой Дух»^[6]. Итак, семья – не что-то чуждое собственно Божественной сущности^[7]. В богословии св. Павла тринитарный аспект пары представлен по-новому: Апостол увязывает его с «тайной» союза Христа с Церковью (см. Еф 5, 21-33).

12. Но Иисус в Своем размышлении о браке отсылает нас и к другой странице Книги Бытия, ко 2-й главе, где появляется чудесный портрет пары, насыщенный светозарными деталями. Выберем из них только две. Первая деталь – беспокойство человека, ищущего «помощника,

соответственного ему» (см. Быт 2, 18.20), способного развеять мучающее его одиночество, не утихающее, хотя рядом с ним животные и все творение. Оригинальное еврейское выражение указывает нам на прямую связь, можно сказать, «фронтальную» – глаза в глаза – в диалоге, в том числе безмолвном, поскольку в любви молчание чаще красноречивее слов. Это встреча с ликом, с «ты», отражением Божественной любви и с «первым из благ, соответствующим помощником, столпом опоры» (*Vlg.*: Сир 36, 26), как гласит библейская мудрость. И как воскликнет Невеста из Песни Песней в своем изумительном исповедании любви и отдачи во взаимности: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему [...] Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне» (Песн 2, 16; 6, 3).

13. Из этой исцеляющей одиночество встречи проистекают рождение и семья. И мы можем отметить вторую деталь: Адам, будучи также мужем на все времена и во всех регионах нашей планеты, вместе со своей женой дает начало новой семье, как повторяет Иисус, цитируя Книгу Бытия: «Прилепится к жене своей, и будут два одною плотью» (Мф 19, 5; ср. Быт 2, 24). Глагол «прилепляться» в еврейском оригинале указывает на полную гармонию, физическое и внутреннее соприкосновение до такой степени, что используется для описания союза с Богом: «К Тебе прилепилась душа моя» (Пс 63 (62), 9), – воспевают молящийся. Поэтому брачный союз вызывает мысли не исключительно о сексуальном и телесном измерении, но о добровольной самоотдаче любви. Плод такого союза – «стать одною плотью» – как в физическом объятии, так и в единстве двух сердец, жизни и, возможно, в ребенке, который родится у двоих и понесет в себе, объединяя и генетически, и духовно, две «плоти».

Сыновья твои, как масличные ветви

14. Вернемся к песни Псалмопевца. В тексте упомянуты дети, окружающие сидящих в доме за трапезой мужа и жену, «как масличные ветви» (Пс 128 (127), 3), то есть энергичное и наполненное жизненной силой потомство. И если родители олицетворяют собой основания дома, то дети – словно «живые камни» семьи (ср. 1 Петр 2, 5). Показательно, что в Ветхом Завете чаще всего, после Божественного определения (*YHWH*, «Господь»), используется слово «сын» [*ben*] – понятие, восходящее к еврейскому глаголу «созидать» [*banah*]. Поэтому в Псалме 127 (126) дарование детей прославляется с помощью образов строительства дома, социальной и экономической жизни, которая в то время кипела у городских ворот: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его [...] Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева. Что стрелы в руке сильного, то сыновья, рожденные в молодости. Блажен человек, который наполнил ими колчан свой! Не останутся они в стыде, когда будут говорить с врагами в воротах» (*Vlg.*: стихи 1, 3-5). Да, эти образы отражают культуру древнего общества, однако присутствие детей всегда – знак полноты семьи в непрерывности самой истории спасения, от поколения к поколению.

15. В эту перспективу мы можем поставить другое измерение семьи. Мы знаем, что в Новом

Завете говорится о «домашней Церкви» (см. 1 Кор 16, 19; Рим 16, 5; Кол 4, 15; Фил 2). Место жительства семьи можно было преобразить в домашнюю церковь, в пространство совершения Евхаристии и присутствия Христа, севшего с семьей за один стол. В Апокалипсисе запечатлена незабываемая сцена: «Стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр 3, 20). Так обрисован дом, наполненный присутствием Бога, совместной молитвой и потому несущий в себе благословение Господа. Именно это утверждается в Псалме 128 (127), взятом нами за основу: «Так благословится человек, боящийся Господа! Благословит тебя Господь с Сиона» (стихи 4-5).

16. Библия рассматривает семью и как место катехизации детей. Эта мысль проблескивает в описании празднования Пасхи (ср. Исх 12, 26-27; Втор 6, 20-25) и позже была выражена в иудейской аггаде [*haggadah*], в диалогичном повествовании, сопровождающем обряд пасхальной вечерней трапезы. Более того, псалом прославляет семейное возвешение веры: «Что слышали мы, и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил. Он постановил устав в Иакове и положил закон в Израиле, который заповедал отцам нашим возвещать детям их, чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтобы они в свое время возвещали своим детям...» (Пс 78 (77), 3-6). Поэтому семья – пространство, где родители становятся для своих детей первыми наставниками в вере. Это «домашняя» задача, от одной личности к другой: «Когда после спросит тебя сын твой [...] скажи ему...» (Исх 13, 14). Так, разные поколения воспоют свою песнь Господу, «юноши и девицы, старцы и отроки» (Пс 148, 12).

17. На родителей возложен долг серьезно выполнять миссию воспитания, согласно множеству наставлений библейских мудрецов (см. Притч 3, 11-12; 6, 20-22; 13, 1; 22, 15; 23, 13-14; 29, 17). Дети призваны усвоить и воплощать в жизнь заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою» (Исх 20, 12), здесь глагол «почитать» указывает на выполнение семейных и социальных обязанностей во всей их полноте, без пренебрежения и без надуманных религиозных оправданий (см. Мк 7, 11-13) – ведь «почитающий отца очистится от грехов, и уважающий мать свою – как приобретающий сокровища» (Сир 3, 3-4).

18. Евангелие также напоминает нам, что дети – не собственность семьи, что им уготован свой собственный жизненный путь. Безусловно, Иисус – образец послушания родителям на земле, Он был у них в подчинении (см. Лк 2, 51), но верно и то, что Он показывает нам: жизненный выбор ребенка и само его христианское призвание могут требовать отделения от родителей ради воплощения преданности Царству Божию (ср. Мф 10, 34-37; Лк 9, 59-62). Более того, Он Сам в двенадцать лет отвечает Марии и Иосифу, что на Него возложено высшее служение, которое Ему надлежит нести вне исторической семьи (см. Лк 2, 48-50). Вот почему Он восхваляет потребность в иных, более глубинных узах, в том числе в семейных отношениях: «Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и

исполняющие его» (Лк 8, 21). С другой стороны, уделяя внимание детям – а в древнем обществе Ближнего Востока те были бесправными и считались семейной собственностью, – Иисус доходит до того, что за прямодушное и бесхитрое доверие к другим приводит их в пример взрослым, почти в качестве наставников: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф 18, 3-4).

Дорога страдания и крови

19. Идиллия, представленная в Псалме 128 (127), не отрицает горькой реальности, которой отмечено все Священное Писание. В семье находят место скорбь, зло, насилие, ранящие ее жизнь, и сокровенное общение жизни и любви. Отнюдь не случайно наставление Христа о браке (см. Мф 19, 3-9) обрамляет спор о разводе. Слово Божие – неизменный свидетель того темного измерения, что открывается уже с самого начала, когда из-за грехопадения любовная и чистая связь между мужчиной и женщиной превращается в господство: «К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт 3, 16).

20. Через многие страницы Библии проходит дорога страдания и крови: начиная с жестокого убийства Каином брата Авеля, ссор по разным поводам между детьми и женами патриархов Авраама, Исаака и Иакова, через трагедии, залившие кровью семью Давида, до, наконец, бесчисленных семейных трудностей, оставивших шрамы на повествовании о Товите или на горькой исповеди оставленного Иова: «Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. [...] Дыхание мое опротивело жене моей, и я должен умолять ее ради детей чрева моего» (Иов 19, 13.17).

21. Сам Иисус рождается в скромной семье, которой довольно быстро приходится бежать в чужую страну. Он приходит домой к Петру, чья теща лежит в болезни (см. Мк 1, 30-31); Он разделяет трагедию смерти в домах Иаира и Лазаря (см. Мк 5, 22-24.35-43; Ин 11, 1-44); слышит отчаянный крик Наинской вдовы рядом с ее умершим сыном (см. Лк 7, 11-15); в маленькой деревушке принимает просьбу отца отрока, страдающего эпилепсией (см. Мк 9, 17-27). Встречается с мытарями, например, с Матфеем и Закхеем, в их домах (см. Мф 9, 9-13; Лк 19, 1-10) и даже с грешниками, например, с женщиной, ворвавшейся в дом фарисея (см. Лк 7, 36-50). Он знает тревоги и трудности семей, включает примеры в свои притчи: дети, ушедшие из дома в поиске приключений (см. Мф 21, 28-31), трудные дети, совершающие необъяснимые поступки (см. Мф 21, 28-31), вплоть до детей, ставших жертвами насилия (см. Мк 12, 1-9). А еще Он беспокоится о свадебных пирах, где возникла опасность осмеяния из-за недостатка вина (см. Ин 2, 10) либо из-за отказа приглашенных (см. Мф 22, 1-10), и знает, как страшно бедной семье потерять монету (см. Лк 15, 8-10).

22. В этом кратком обзоре мы видим, что Слово Божие проявляет себя не как последовательность абстрактных тезисов, а, скорее, как спутник, в том числе для семей,

переживающих кризис, то или иное горе, и указывает им цель пути, где «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля» (Откр 21, 4).

Труд рук твоих

23. В начале Псалма 128 (127) отец представлен как труженик, который делом своих рук может поддерживать физическое благосостояние и спокойствие семьи: «Ты будешь есть от трудов рук твоих: блажен ты, и благо тебе» (стих 2). То, что работа – фундаментальная часть достоинства человеческой жизни, очевидно с первых страниц Библии, где сказано, что «взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт 2, 15). Так представлен труженик, преобразующий материю и пользующийся энергией творения, готовя «хлеб печали» (Пс 127 (126), 2), не говоря о совершенствовании самого себя.

24. Труд делает возможными развитие общества, пропитание семьи, ее стабильность и плодovitость одновременно: «Увидишь благоденствие Иерусалима во все дни жизни твоей; увидишь сыновей у сыновей твоих» (Пс 128 (127), 5-6). В Книге Притчей также представлена задача матери семьи, чей труд описан во всех повседневных деталях и вызывает у супруга и детей похвалу (см. Притч 31, 10-31). Сам апостол Павел гордился тем, что жил, не обременяя других, так как трудился своими руками, обеспечивая себе пропитание (см. Деян 18, 3; 1 Кор 4, 12; 9, 12). Он был настолько убежден в необходимости трудиться, что установил для своих общин железное правило: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес 3, 10; ср. 1 Фес 4, 11).

25. Говоря об этом, становится понятно, что безработица и непостоянная занятость приносят страдание, об этом написано в маленькой Книги Руфи, об этом напоминает Иисус в притче о работниках, сидящих на площади города из-за вынужденного безделья (см. Мф 20, 1-16), Он Сам неоднократно сталкивался с этим фактом, когда Его окружали нуждающиеся и алчущие. Именно эту ситуацию общество трагически переживает во многих странах, отсутствие работы по-разному бьет по спокойствию в семьях.

26. Ни в коем случае нельзя забывать о деградации, приносимой в общество грехом, когда человеческое существо ведет себя как тиран по отношению к природе, опустошая ее, эгоистично и даже грубо используя окружающую среду. Последствия этого – истощение почвы (см. Быт 3, 17-19) и одновременно экономическое и социальное неравновесие, против чего со всей ясностью возвышают свой голос пророки от Илии (см. *Vlg.*: 1 Цар 21 (Синодальный перевод: 3 Цар 21)) до слов Самого Иисуса против несправедливости (см. Лк 12, 13-31; 16, 1-31).

Нежность объятия

27. Христос ввел в качестве отличительного знака Своих учеников, в первую очередь, закон любви и самоотдачи другим людям (см. Мф22, 39; Ин 13, 34). Он сделал это с помощью принципа, о котором отец и мать часто свидетельствуют собственной жизнью: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15, 13). Плоды любви – также милосердие и прощение. В связи с этим очень показательна сцена с прелюбодейкой, сначала окруженной на площади у Иерусалимского храма обвинителями, а затем оставшейся один на один с Иисусом, Тот же ее не осуждает, а призывает вести более достойную жизнь (см. Ин 8, 1-11).

28. На горизонте любви, сущностной в христианском опыте брака и семьи, выделяется еще одна добродетель, совершенно игнорируемая в наши времена необузданных и поверхностных взаимоотношений: нежность. Обратимся к нежному и насыщенному Псалму 131 (130). Здесь, как и в других текстах (см. Исх 4, 22; Ис49, 15; Пс 27 (26), 10), союз верного с Господом приобретает черты отцовской и материнской любви. Здесь проявляется деликатная и нежная близость, существующая между матерью и новорожденным ребенком, спящим у нее на руках после кормления. Здесь речь идет – как указывает еврейское слово *gamul* – о ребенке, уже отнятом от груди, но осознанно прильнувшем к матери, которая прижимает его к себе. То есть это сознательная близость, а не исключительно биологическая. Поэтому псалмопевец воспевает: «Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери?» (Пс 131 (130), 2). Параллельно можно обратиться к другой сцене, в которой пророк Осия вкладывает в уста Бога, как отца, эти волнующие слова: «Когда Израиль был юн, Я любил его [...] Я Сам приучал... [его] ходить, держа за руку [...]. Узами благодати влек Я его, узами любви, и был для него как бы поднимающий младенца к Своей щеке, Я склонялся над ним, дабы напитать его» (Vlg. – 11, 1.3-4).

29. Взглядом, наполненным верой и любовью, благодатью и обязательством, человеческой семьей и Божественной Троицей, будем созерцать семью, которую Слово Божие вверяет в руки мужчины, женщины и детей, чтобы они образовали союз личностей, представляющий собой образ единства, связывающего Отца, Сына и Святого Духа. В свою очередь, продолжение рода и воспитательная деятельность – это отражение деяния Отца-Творца. Семья призвана разделять друг с другом ежедневную молитву, чтение Слова Божия и Евхаристическое общение, чтобы возрастая в любви и непрерывно все более становиться храмом, где обитает Святой Дух.

30. Перед каждой семьей стоит икона Назаретской семьи, с ее повседневной жизнью, наполненной трудами и даже страхами, например, когда пришлось пережить необъяснимое насилие Ирода. И сегодня этот опыт трагически повторяется во множестве семей отверженных беженцев и беззащитных. Подобно волхвам, семьи должны созерцать Младенца и Матерь, падая перед Ним ниц и поклоняясь Ему (см. Мф 2, 11). Подобно Марии, они призваны мужественно и спокойно переносить вызовы в семье, печальные и

радостные события, и сохранять, размышляя, в своем сердце чудеса Божии (ср. Лк 2, 19.51). В сокровищнице сердца Марии сокрыты все другие события, происходящие в каждой из наших семей, и Она заботливо хранит их. Поэтому Она может помочь нам интерпретировать их, чтобы распознать в семейной истории послание от Бога.

ГЛАВА II

РЕАЛИИ СЕМЕЙ И ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД СЕМЬЯМИ

31. Благо семьи имеет решающее значение для будущего мира и Церкви. Брак и семья, их трудности и нынешние вызовы анализировались бесчисленное множество раз. Здорово уделять внимание конкретной реальности, так как «отзвук требований и призывов Святого Духа можно расслышать также в событиях истории», поэтому «Церковь может глубже понять неисчерпаемую тайну брака и семьи»^[8]. Я не претендую на то, чтобы представить здесь все, что можно было бы сказать на разные темы, касающиеся семьи в нынешних условиях. Но поскольку Отцы Синода охватили взглядом реалии семей всего мира, считаю целесообразным собрать вместе некоторые их пастырские соображения, дополнив замечаниями о том, что вызывает опасения лично у меня при рассмотрении этих реалий.

Нынешнее положение семьи

32. «Верные учению Христову, давайте посмотрим на сегодняшние реалии семьи во всей их сложности, на светлые и темные стороны. [...] Сегодня антропологическо-культурные перемены влияют на все аспекты жизни, поэтому необходим аналитический, дифференцированный подход»^[9]. Несколько десятилетий назад, в тогдашнем контексте, епископы Испании уже признавали, что в домашних реалиях стало больше пространства для свободы, «обязанности, ответственность и задачи распределяются поровну [...] Все больше ценится личное общение супругов, вносится вклад в гуманизацию всего семейного сосуществования [...] Ни общество, в котором мы уже живем, ни общество, к которому мы движемся, не допускают бездумного выживания форм и моделей прошлого»^[10]. Но «мы осознаем основное направление антропокультурных перемен, из-за которых индивиды получают меньшую, чем в прошлом, поддержку социальных структур в эмоциональной и семейной жизни»^[11].

33. Но, с другой стороны, «точно так же необходимо признавать усугубляющуюся опасность чрезмерного индивидуализма, искажающего природу семейных отношений: в итоге каждый член семьи воспринимается как самостоятельный «островок». В некоторых случаях даже превалирует представление о субъекте, созидающем себя согласно личным желаниям, возведенным в абсолют»^[12]. «Трения, вызванные не ограничиваемой индивидуалистической культурой обладания и удовольствия, порождают внутри семей ситуацию нетерпимости и агрессивности»^[13]. Я хотел бы добавить к этому ритм

современной жизни, стресс, организацию социальной и трудовой сфер, так как эти культурные факторы ставят под угрозу возможность принимать неизменное решение. При этом мы находим двойственные феномены. Например, ценится персонализация, нацеленная на аутентичность, а не на воспроизведение заданного поведения. Эта ценность может содействовать развитию разных способностей и спонтанности, но при неверных ориентирах создает атмосферу постоянной подозрительности, поощряет бегство от обязательств, закрытость в комфорте, спесь. Свобода выбора позволяет проецировать свою жизнь и развивать лучшие качества, но при отсутствии благородных задач и личной дисциплины вырождается в неспособность к бескорыстной самоотдаче. Так, во многих странах, где число браков снижается, растет число людей, сожительствующих, не имея с партнером постоянного места жительства. Можно также выделить похвальное чувство справедливости; однако при неверном понимании оно трансформирует граждан в клиентов, претендующих исключительно на получение услуг.

34. При переносе этих угроз на способ понимания семьи последняя может трансформироваться в переходное место, куда обращаются только тогда, когда это представляется удобным, либо куда идут отстаивать свои права, а узы остаются отданными на произвол переменчивых желаний и обстоятельств. В конце концов, сегодня легко спутать истинную свободу с идеей, что каждый судит на свой лад, словно помимо индивидуумов не существуют ни истина, ни ценности, ни направляющие нас принципы, словно все равноценно и следует позволять все что угодно. В таких условиях брачный идеал, требующий взять на себя обязательство исключительности и постоянства, в итоге разрушается случайными сожительствиями либо капризами чувственности. Люди боятся одиночества, жаждут пространства защиты и верности, но при этом все сильнее опасаются, что их накрепко свяжут отношениями, исключающими удовлетворение личных стремлений.

35. Будучи христианами, мы не можем отказаться от учения о браке ради того, чтобы не противоречить современной чувственности, чтобы следовать моде или из-за чувства неполноценности перед лицом нравственной и человеческой деградации. Иначе мы лишим мир тех ценностей, которые мы можем и должны предлагать. Конечно, бессмысленно останавливаться на риторическом обличении нынешних бедствий, как будто тем самым мы можем что-то изменить. Бесполезно и претендовать на то, чтобы навязывать нормы силой авторитета. От нас требуется более ответственное и бескорыстное усилие, заключающееся в представлении оснований и мотивирующих факторов, способствующих выбору в пользу брака и семьи, чтобы тем самым люди были более расположены отвечать на благодать, предлагаемую им Богом.

36. При этом нужно быть смиренными реалистами, признавать, что порой наш метод подачи христианских убеждений и отношение к людям спровоцировали то, на что мы теперь жалуемся, поэтому необходима реакция в виде здоровой самокритики. С другой стороны, мы часто представляли брак таким образом, что его связующая цель, призыв возрастать в

любви и идеал взаимопомощи оставались в тени из-за почти исключительного акцентирования внимания на долге продолжать род. Мы не занимались качественным сопровождением молодоженов в первые годы после бракосочетания, с учетом распорядка их жизни, стиля общения, конкретных забот. В других случаях мы предлагали богословский идеал брака – идеал слишком абстрактный, практически искусственно составленный, далекий от конкретной ситуации и действительных возможностей семей, таких, какими они есть. Такая чрезмерная идеализация, особенно если нам не удалось заново пробудить доверие к благодати, привела не к тому, что брак стал более желанным и привлекательным, а к прямо противоположному следствию.

37. Долгое время мы были убеждены, что лишь делая акцент на проблемах учения, биоэтики и морали, не побуждая к открытости для принятия благодати, мы тем самым оказывали достаточную поддержку семьям, укрепляли связь супругов и наполняли смыслом их совместную жизнь. Нам трудно представлять брак, в большей мере как динамичный процесс возрастания и реализации, нежели как бремя, которое надлежит нести всю оставшуюся жизнь. Мы также неохотно отводим место совести верных, хотя они, несмотря на свои ограничения, зачастую наилучшим образом – как только могут – отвечают на слово Евангелия и способны продолжать личный процесс распознавания в ситуациях, ломающих любые схемы. Мы призваны воспитывать совесть, а не претендовать на ее замещение.

38. Нам следует благодарить за то, что большая часть народа уважает семейные отношения, целенаправленно поддерживающиеся долгое время и обеспечивающие уважение к другому. Поэтому люди ценят, что Церковь предлагает возможности для сопровождения и помощь по проблемам, связанным с возрастанием любви, преодолением конфликтов и воспитанием детей. Многие ценят силу благодати, испытанную в таинстве Примирения и в Евхаристии, позволяющую им преодолевать трудности в браке и в семье. В некоторых странах, особенно – в разных регионах Африки, секуляризму не удалось ослабить ряд традиционных ценностей, там по-прежнему после заключения брака создается крепкий союз родственников обоих супругов, сохраняющий четко определенную систему решения конфликтов и трудностей. В современном мире ценится и свидетельство супругов, которые не только долгое время остаются вместе, но и продолжают развивать общие планы и хранить любовь. Это открывает путь для позитивного, гостеприимного пастырства, позволяющего постепенно углубляться в требования Евангелия. Тем не менее мы неоднократно действовали с позиций защиты и сейчас растрчиваем пастырские силы, умножая нападки на деградирующий мир, недостаточно предприимчиво указываем пути к счастью. Многие не улавливают, что проповедь Церкви о браке и семье – четкое отражение проповеди и поступков Иисуса, предлагавшего требовательный идеал и, одновременно, никогда не отказывавшегося от сострадающей близости к слабым людям, например, к самарянке и к женщине, взятой в прелюбодеянии.

39. Это не предполагает отказа от признания падения культуры, не способствующей любви

и преданности. Консультации, предшествовавшие двум последним Синодам, выявили различные симптомы «культуры временного». Я имею в виду, например, стремительность, с которой люди переходят от одной чувственной связи к другой. Они верят, что любовь, как в социальных сетях, можно активировать либо дезактивировать и даже немедленно заблокировать по усмотрению потребителя. Думаю и о страхе, вызываемом перспективой вечного обязательства, страсти к свободному времени, об отношениях с подсчетом расходов и доходов – отношениях, сохраняющихся исключительно в качестве средства против одиночества, ради чувства защищенности или ради получения какой-нибудь услуги. На чувственные отношения переносится отношение к предметам и к окружающей среде: все можно выбросить, каждый кем-то и чем-то пользуется и выкидывает, не дорожит и ломает, эксплуатирует и выжимает весь потенциал до конца, пока кто-то или что-то окончательно не придет в негодность. И тогда – прощай. Нарциссизм делает личность неспособной глядеть вне себя самой, вне собственных желаний и потребностей. Однако использующий других рано или поздно сам окажется в положении используемого, манипулируемого и отвергнутого в силу точно такой же логики. Стоит отметить множество случаев разрыва отношений между взрослыми людьми, стремящимися к своеобразной «автономии» и отбрасывающими идеал совместного старения в атмосфере заботы друг о друге и взаимной поддержки.

40. «Рискуя упростить, можно сказать, что мы живем в культуре, подталкивающей молодежь не создавать семью из-за нехватки возможностей в будущем. Но эта же культура другим предлагает многосторонние возможности, убеждающие не создавать семью»^[14]. В некоторых странах многие юноши и девушки «часто вынуждены отложить бракосочетание из-за проблем экономического характера, работы или учебы. А порой – по иным соображениям, например, под влиянием идеологий, обесценивающих брак и семью, после наблюдения за расставанием других пар, т.е. опыта, который не хочется повторять, из-за трепета перед чем-то невероятно великим и священным, из-за социальных возможностей и экономической выгоды, извлекаемых из совместного проживания, чисто эмоционального и романтического представления о любви, страха утратить свободу и независимость, отказа от всего, что воспринимается как институциональное и бюрократическое»^[15]. Нам необходимо найти слова, мотивацию и свидетельства, помогающие затронуть сокровенные переживания юношей и девушек, уголки личности, открытые для бескорыстия, обязательства, любви и даже героизма, чтобы призвать их с энтузиазмом и мужеством принять вызов, бросаемый браком.

41. Отцы Синода отметили современные «направления культуры, которые, как представляется, навязывают чувственность без границ [...]; нарциссическая чувственность, неустойчивая и переменчивая, не всегда помогает субъекту достичь зрелости». По их словам, вызывают беспокойство «распространение порнографии и коммерциализации тела, чему, в том числе, способствует неупорядоченное использование Интернета», равно как и «положение людей, вынужденных заниматься проституцией». В этих условиях «пары порой

испытывают неуверенность, колеблются, им трудно найти пути для развития. Многие склонны останавливаться на первичных этапах чувственной и сексуальной жизни. Кризис пары дестабилизирует семью и может из-за расставания и развода серьезно отразиться на взрослых, детях и обществе, ослабляя индивида и социальные связи»[16]. Супружеские кризисы часто преодолеваются «поспешно, без мужественного терпения, испытания, взаимного прощения, примирения и, тем более, жертвы. Разорванные отношения дают начало новым связям, новым парам, новым союзам и новым бракам, создавая тем самым сложные семейные ситуации и проблемы с христианским выбором»[17].

42. «Демографический спад, обусловленный антинаталистическим мышлением и поощряемый всемирной политикой в сфере репродуктивного здоровья, не только определяет положение дел, при котором смена поколений больше не гарантирована, но и со временем угрожает материальным обеднением и утратой надежды на будущее. Кроме того, на рождаемость сильно повлияло развитие биотехнологий»[18]. Могут добавляться иные факторы, такие как «индустриализация, сексуальная революция, боязнь перенаселения, экономические проблемы [...]. Общество потребления способно даже отговорить людей от рождения детей лишь ради сохранения личной свободы и образа жизни»[19]. Да, искренняя совесть супругов, щедро принявших дар передачи жизни, может направить их к решению ограничить число детей по весьма серьезным причинам, но «из любви к достоинству совести Церковь всегда всеми своими силами отвергает принудительное вмешательство государства, нацеленное на распространение контрацепции, стерилизации и, тем более, аборт»[20]. Все это неприемлемо даже в регионах с высоким уровнем рождаемости, однако следует подчеркнуть, что политики поощряют подобные меры даже в ряде стран, переживающих трагедию очень низкого уровня рождаемости. Как указали епископы Кореи, такая политика означает «противоречивое действие и неисполнение своего долга»[21].

43. Ослабление веры и религиозной практики в некоторых обществах оказывает эффект на семьи и все чаще оставляет их один на один с трудностями. Отцы Синода заявили, что «в нынешней культуре одним из самых серьезных проявлений бедности является одиночество – плод отсутствия Бога в жизни личности и результат хрупкости взаимоотношений. Присутствует и общее чувство бессилия перед лицом социально-экономических реалий, которое в итоге нередко разбивает семьи. [...] Часто из-за безразличия и невнимания учреждений семьи чувствуют себя оставленными. Негативные последствия для организации общества очевидны: от демографического кризиса до образовательных проблем, от нежелания принять зарождающуюся жизнь до отношения к пожилым людям как к бремени, в итоге распространяется эмоциональная нестабильность, порой выливающаяся в насилие. Именно государство ответственно за обеспечение законодательных условий и рабочих мест, гарантирующих молодежи будущее и помогающих реализовать планы по созданию семьи»[22].

44. Нередко формализация отношений откладывается из-за отсутствия достойного либо подходящего жилья. Следует напомнить, что «у семьи есть право на приличествующее жилье, подходящее для жизни семьи пропорционально числу ее членов, в районе, где предоставляются основные услуги для жизни семьи и сообщества»[23]. Семья и дом – взаимосвязанные понятия. Этот пример показывает, что нам нужно отстаивать права семьи, а не только права индивидуума. Семья – благо, от которого общество не может отказаться, однако это благо нуждается в защите[24]. Защита этих прав – «пророческий призыв на благо института семьи, который следует уважать и защищать от любых проявлений узурпации»[25], особенно в современных условиях, когда семье, как правило, отводится мало места в политических проектах. Помимо прочих прав, семья обладает правом «рассчитывать на надлежащую семейную политику, проводимую государственными властями в юридической, экономической, социальной и налоговой сферах»[26]. Часто семьям приходится преодолевать трагедии и лишения – например, кто-то из близких болеет, а у семьи нет доступа к необходимым медицинским услугам или же длительное время не удается найти достойное место работы. «Материальное давление исключает доступность для семьи образования, культурной жизни, активной социальной жизни. Нынешняя экономическая система порождает разнообразные формы исключения из социума. Семьи особенно страдают из-за проблем, касающихся работы. У молодежи мало возможностей, предложения на рынке труда очень требовательные и непостоянные. Рабочий день долгий, нередко отягощен длительными переездами. Это не способствует совместному времяпрепровождению родных друг с другом и с их детьми, и препятствует ежедневному развитию их отношений»[27].

45. «Многие дети рождаются вне брака, особенно в целом ряде стран, многие дети растут лишь с одним из родителей или же в «расширенной семье» либо в «восстановленной семье». [...] Сексуальное использование детей – еще одно из наиболее скандальных извращений современного общества. В обществах, пронизанных насилием из-за войны, терроризма, организованной преступности, семьи разрушаются, и, как следствие, в огромных мегаполисах и на их окраинах усугубляется так называемый феномен «детей улицы»»[28]. Сексуальное насилие над детьми тем более скандально, если совершено там, где дети должны находить защиту, например, в семьях, в образовательных учреждениях, в общинах и христианских организациях[29].

46. Миграция – «еще один признак времени [...], необходимо рассмотреть это явление и понять важность его последствий для семейной жизни»[30]. Последний Синод счел эту проблему очень важной и заявил, что она «затрагивает различным образом целые народы в разных частях мира. В этой сфере Церковь играла роль первого плана. Необходимость поддерживать и развивать евангельское свидетельство (см. Мф 25, 35) сегодня представляется как никогда необходимой. [...] Человеческая мобильность, соответствующая естественному историческому передвижению народов, может проявить себя подлинным богатством как для эмигрирующей семьи, так и для принимающей ее страны. Но иное дело

– вынужденная миграция семей вследствие военного положения, преследования, бедности, несправедливости; миграция, отмеченная перипетиями путешествия, нередко подвергающего опасности жизнь, травмирующего людей и дестабилизирующего семьи. Сопровождение мигрантов требует особого пастырства мигрирующих семей, равно как и членов этих семей, оставшихся на родине. Сопровождение нужно осуществлять при уважении к их культурам, религиозной и человеческой формации, из которой они происходят, к духовному богатству их обрядов и традиций, в том числе – посредством особого пастырства. [...] Миграция оказывается особенно драматичной и опустошающей для семей и для отдельных людей в условиях отсутствия законности, при поддержке международных кругов, занимающихся торговлей человеческими существами. То же самое можно сказать о женщинах и детях без сопровождения, вынужденных подолгу пребывать во временных убежищах, в лагерях для беженцев, где невозможно начать процесс интеграции. Крайняя бедность и другие формы деградации порой заставляют семьи продавать собственных детей для занятия проституцией либо для изъятия у них органов на продажу»[31]. «Преследование христиан, равно как и этнических и религиозных меньшинств, в разных странах, особенно на Ближнем Востоке, стали серьезным испытанием не только для Церкви, но и для всего международного сообщества. Следует поддерживать любые усилия, содействующие сохранению семей и христианских общин на родных для них землях»[32].

47. Отцы Синода уделили особое внимание и «семьям, где есть люди с ограниченными возможностями здоровья, семьям, которым ворвавшаяся в жизнь инвалидность бросает глубокий и неожиданный вызов, разрушает равновесие, желания, ожидания. [...] Семьи, воспитывающие ребенка-инвалида и с любовью принимающие это трудное испытание, заслуживают безграничного восхищения. Они приносят Церкви и обществу драгоценное свидетельство верности дару жизни. Семья вместе с христианской общиной может открыть новые знаки и формы общения, понимания и идентичности в ходе принятия тайны хрупкости и заботы о ней. Лица с ограниченными возможностями здоровья – дар для семьи и возможность возрасть в любви, взаимопомощи и единстве. [...] Семья, обращающая взгляд, исполненный веры, на присутствие людей с ограниченными возможностями здоровья, сможет признать и обеспечить качество и ценность любой жизни, с ее потребностями, правами и возможностями. Она будет напоминать службам о необходимости заботиться об инвалидах и стремится к тому, чтобы на любом этапе жизни те были окружены сопровождением и любовью»[33]. Хочу подчеркнуть, что внимание, уделяемое как мигрантам, так и лицам с ограниченными возможностями здоровья, – знамение Святого Духа. Ведь обе ситуации парадигматичны: они особенно ставят на первый план то, как сегодня воспринимается логика милосердного гостеприимства и интеграции слабых людей.

48. «Большинство семей уважает пожилых людей, окружает их любовью и считает их благословением. Особо стоит оценить ассоциации и семейные движения, работающие на

благо пожилых людей в духовном и социальном аспекте [...]. В высокоразвитых индустриальных обществах, где отмечается тенденция увеличения числа пожилых людей при сокращении рождаемости, есть опасность, что к ним будут относиться, как к бремени. С другой стороны, требуемый пожилыми людьми уход часто подвергает их близких суровому испытанию»[34]. «Сегодня признание ценности заключительного этапа жизни более чем необходимо, так как общество настойчиво стремится любыми средствами отсрочить минуту ухода из этого мира. Слабость и зависимость пожилого человека порой нечестно эксплуатируются ради чисто экономической выгоды. Многие семьи учат нас тому, что к последним этапам жизни можно относиться, как к исполнению Пасхальной тайны, соединяя с ней все свое существование. Огромное число пожилых людей приняты церковными структурами, где могут жить в спокойной и семейной обстановке в материальном и духовном плане. Эвтаназия и содействие суициду – страшные угрозы для семей во всем мире. Их применение узаконено во многих государствах. Церковь не только настойчиво противодействует этой практике, но и понимает свой долг помогать семьям, заботящимся о пожилых и больных членах семьи»[35].

49. Хотел бы выделить положение семей, раздавленных нищетой, терпящих всевозможные ущемления – семьи, где стесненные обстоятельства переживаются наиболее остро. И если все люди встречаются с трудностями, то в очень бедном доме проблемы воспринимаются еще тяжелее[36]. Например, если женщине приходится в одиночку растить ребенка из-за расставания с мужчиной либо по другим причинам и она вынуждена работать, не имея возможности доверить ребенка кому-то другому, то ребенок растет в атмосфере оставленности, подвергающей его всевозможным рискам, а личностное развитие оказывается под угрозой. В трудных ситуациях, переживаемых самыми нуждающимися людьми, Церковь должна особенно стараться понять, утешить, объединить, избегая навязывания им нерушимых, словно окаменевших, правил; в противном случае Церковь добьется того, что такие люди будут чувствовать лишь осуждение и отвержение со стороны Матери, на самом деле призванной нести им милосердие Божие. То есть вместо того, чтобы предложить исцеляющую силу благодати и свет Евангелия, некоторые стремятся «научить» Евангелию, превратив его в «мертвые камни, чтобы бросаться в других»[37].

Некоторые вызовы

50. В ответах, полученных на двух консультациях в ходе Синода, приведены самые разнообразные ситуации, бросающие новые вызовы. Помимо перечисленных выше, многие обращали внимание на проблемы с воспитательной функцией, так как, помимо прочего, родители возвращаются домой уставшие, не хотят разговаривать, во многих семьях не сохранилась даже привычка совместно принимать пищу, увеличивается разнообразие предлагаемых развлечений, не говоря об усугубляющейся зависимости от телевидения. Это затрудняет передачу веры от родителей к детям. Другие отмечали, что семьи зачастую переживают сильнейшую тревогу. Кажется, что они больше заботятся о том, как избежать

проблем в будущем, вместо того, чтобы жить настоящим. Это культурная проблема, отягчаемая неуверенностью в профессиональном будущем, экономической нестабильностью, страхом за завтрашний день детей.

51. В числе язв нашей эпохи также упоминалась наркотическая зависимость, причиняющая многим семьям страдания и в итоге зачастую разрушающая их. Подобное происходит при алкоголизме, игромании и других формах зависимости. Семья должна быть местом профилактики и добропорядочных правил, но общество и политика не в состоянии понять, что неблагополучная семья «утрачивает способность отреагировать помощью своим членам [...]». Мы замечаем тяжелые последствия распада разрушенных семей: дети, оторванные от корней, брошенные старики, дети-сироты при живых родителях, дезориентированные, не соблюдающие правила подростки и молодые люди»[38]. Епископы Мексики указали на печальные ситуации семейного насилия, оказывающиеся плодородной почвой для произрастания новых форм социальной агрессии, так как «предрасположенность к жестокому складу личности объясняется, помимо прочего, семейными отношениями. На это влияют семьи, где отсутствует коммуникация; где доминирует защитная позиция и где члены не опираются друг на друга; где нет совместных семейных дел, способствующих взаимной сопричастности; где отношения между родителями зачастую конфликтные и жестокие, где связь родителей и детей характеризуется враждебностью. Внутрисемейное насилие – школа обид и ненависти в фундаментальных межчеловеческих отношениях»[39].

52. Никто не может думать, что ослабление семьи как естественного общества, основанного на браке, идет на пользу обществу. Напротив: тем самым причиняется вред созреванию личности, заботе об общих ценностях и этическому развитию городов и загородных населенных пунктов. Люди уже больше ясно не осознают, что только исключительный и нерасторжимый союз мужчины и женщины выполняет полноценную социальную функцию, будучи постоянным обязательством и тем самым делающим возможной плодотворность. Нужно признавать огромное разнообразие семейных ситуаций, которые возможно считать определенным правилом жизни, но фактические союзы либо союзы лиц одного пола, например, нельзя просто уравнивать с браком. Никакой временный союз либо союз, закрытый для передачи жизни, не обеспечит будущее общества. Но кто сегодня занимается поддержкой супругов, помогает им преодолеть нависшую угрозу, сопровождает в процессе воспитания, поддерживает стабильность супружеского союза?

53. «В некоторых обществах до сих пор практикуется полигамия; в других условиях сохраняется практика брака по сговору. [...] Во многих местах, не только на Западе, широко распространяется практика добрачного сожительства или даже сожительства, не нацеленного на приобретение в будущем формы институциональной связи»[40]. В разных странах законодательство облегчает развитие множества альтернатив браку; тем самым брак, которому присущи исключительность, нерасторжимость и открытость жизни, в итоге

оказывается лишь устаревшим вариантом среди прочих. Во многих странах на первый план выходит юридическое разрушение семьи при одновременном усвоении семьей форм, основанных почти исключительно на парадигме независимости воли. Хотя отказ от старых форм «традиционной» семьи, отмеченной авторитаризмом и даже насилием, оправдан и справедлив, он должен вести не к пренебрежению браком, а, скорее, к открытию заново его истинного смысла и к его обновлению. Сила семьи «заключается, по сути, в ее способности любить и учить любви. Как бы семья ни была изранена, она всегда может восстановиться, исходя из любви»[\[41\]](#).

54. Охватив беглым взглядом реальность, я желаю подчеркнуть, что, насколько бы ни улучшилось признание прав женщины и ее участия в общественной сфере, во многих странах для этого по-прежнему необходимо изменить очень многое. Все еще не до конца искоренены неприемлемые обычаи. Прежде всего – постыдное насилие, порой применяемое в отношении женщин, дурное обращение в семье и всевозможные формы рабства, демонстрирующие не мужскую силу, а, скорее, трусливую деградацию. Обрушенное в некоторых парах на женщин вербальное, физическое и сексуальное насилие противоречит самой природе супружеского союза. Я думаю о распространенной в некоторых культурах практике уродовать женские половые органы, но также и о неравноправии в доступе к достойной работе и к местам, где принимаются решения. История подражает злоупотреблениям патриархальных культур, где женщина считалась вторым классом, однако вспомним и о практике «суррогатного материнства» или об «использовании и низведении женского тела до уровня товара в современной медийной культуре»[\[42\]](#). Некоторые считают, что многие нынешние проблемы проявились вследствие эмансипации женщины. Но этот аргумент неверен, «это ложь, неправда. Это проявление мужского сексизма»[\[43\]](#). Идентичное достоинство мужчины и женщины позволяет нам радоваться преодолению старых форм дискриминации, развитию в лоне семьи взаимности. Хотя проявляются формы феминизма, которые нельзя считать адекватными, мы восхищаемся деянием Святого Духа, воплощающемся в более ясном признании достоинства женщины и ее прав.

55. Мужчина «играет также решающую роль в семейной жизни, именно ему надлежит заботиться о защите и поддержке супруги и детей. [...] Многие мужчины осознают важность своей роли в семье, выполняют ее благодаря особым качествам мужского характера. Отсутствие отца серьезно влияет на семейную жизнь, на воспитание детей и их интеграцию в общество. Его отсутствие может быть физическим, эмоциональным, когнитивным и духовным. Это отсутствие лишает детей необходимого образца отцовского поведения»[\[44\]](#).

56. Другой вызов бросают разные формы идеологии, обычно называемой *гендерной*, «отрицающей естественное различие и общность мужчины и женщины. Она стремится к обществу без половых различий, опустошает антропологический базис семьи. Эта идеология вводит образовательные программы и законодательные ориентиры,

выдвигающие на первый план личную идентичность и чувственную интимность, полностью оторванные от биологических различий между мужским и женским полом. Человеческая идентичность отдается на волю индивидуалистического выбора, в том числе, меняющегося со временем»[45]. Беспокоит и то, что некоторые идеологии такого типа, претендуя на ответ на определенные, порой понятные, ожидания, стремятся навязать себя в качестве единственного мировоззрения, определяющего, в том числе, воспитание детей. Нельзя игнорировать, что «биологический пол [sex] и социокультурная роль пола [gender] могут различаться, но не разделяться»[46]. С другой стороны, «биотехнологическая революция в сфере человеческого воспроизводства предоставила возможность манипулировать актом продолжения рода, отделив его от сексуальной связи мужчины и женщины. Таким образом, человеческая жизнь и родительство стали сочетаемыми и разобщаемыми реалиями, подчиненными, преимущественно, желаниям отдельных лиц или пар»[47]. Одно дело – понимать человеческую слабость и сложность жизни, а другое дело – принимать идеологии, претендующие на раздел двух нераздельных аспектов реальности. Не будем впадать в грех и стремиться подменить собой Творца. Мы творения, мы не всемогущи. Творение предшествует нам, и следует принимать его как дар. Одновременно мы призваны хранить нашу человечность, что, в первую очередь, значит принимать и уважать ее такой, какой она сотворена.

57. Я благодарю Бога за то, что многие семьи, вовсе не считая себя совершенными, живут в любви, исполняют свое призвание и идут вперед, несмотря на множество падений на своем пути. Во время размышлений на Синоде развеян стереотип идеальной семьи, появилась требующая внимания мозаика, составленная из множества разных реалий, исполненных радости, трагедий и мечтаний. Реалии, с которыми связано наше беспокойство, являются вызовами. Давайте не попадать в ловушку и не растрчивать себя в самозащитных жалобах, вместо того, чтобы развивать в себе миссионерскую изобретательность. В любых ситуациях «Церковь ощущает необходимость произнести слово истины и надежды. [...] Великие ценности брака и христианской семьи отвечают поиску, пронизывающему бытие человека»[48]. Мы констатируем множество трудностей, но они, как утверждали Епископы Колумбии, представляют собой призыв «освободить в нас силы надежды, воплотив их в пророческих мечтах, преображающих действиях и образах милосердия»[49].

ГЛАВА III

ВЗГЛЯД, ОБРАЩЕННЫЙ НА ИИСУСА: ПРИЗВАНИЕ СЕМЬИ

58. Вокруг семей и среди них всегда должно вновь и вновь звучать первичное благовестие, то, которое «прекраснее, величественнее, привлекательнее и одновременно нужнее всего»[50] и которое «должно быть центром евангелизаторской деятельности»[51]. Это первичное благовестие «всегда нужно снова и снова слышать в разных формах и всегда снова и снова возвещать в той или иной форме в ходе катехизации»[52], ибо «нет ничего

серьезнее, глубже, надежнее, содержательнее и мудрее этого благовестия», и «вся христианская формация – это, в первую очередь, развитие *керигмы*»^[53].

59. Наше учение о браке и семье не может отказаться от вдохновения и преображения в свете благовестия о любви и нежности, иначе оно станет всего лишь защитой холодной, безжизненной доктрины. Действительно, невозможно полноценно понять тайну христианской семьи вне света сокровенной любви Отца, явленной во Христе, Который отдал Себя до конца и живет среди нас. Поэтому я хотел бы созерцать Живого Христа, присутствующего в стольких историях любви, и призвать огонь Святого Духа на все семьи мира.

60. В этой картине настоящая краткая глава обобщает учение Церкви о браке и семье. И в связи с этим я процитирую мысли Отцов Синода, озвученные в размышлениях о свете, предлагаемом нам верой. Они вдохновлялись взглядом Иисуса и указали, что Он «с любовью и нежностью обращал Свой взгляд на встреченных жен и мужей, сопровождал их шаги истиной, терпением и милосердием, возвещая требования Царствия Божия»^[54]. Точно так же Господь сопровождает сегодня нас в нашей обязанности жить по Евангелию о семье и передавать его.

Иисус восстанавливает и доводит до завершения Божественный замысел

61. Вопреки тем, кто запрещал брак, Новый Завет учит, что «всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно» (1 Тим 4, 4). Брак – «дар» Господа (ср. 1 Кор 7, 7). При этом, в силу столь положительной оценки, ставится сильный акцент на обязанности заботиться об этом Божественном даре: «Брак у всех да будет почитаем, и брачное ложе да будет непорочно» (*Vlg.*: Евр 13, 4). Божий дар включает в себя сексуальность: «Не уклоняйтесь друг от друга» (1 Кор 7, 5).

62. Синодальные Отцы напомнили, что Иисус, «говоря о первоначальном замысле о человеческой паре, подтверждает нерасторжимость союза мужчины и женщины, хотя и отмечает, что «Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так» (Мф 19, 8). Нерасторжимость брака («Что Бог сочетал, того человек да не разлучает», Мф 19, 6) следует понимать отнюдь не как наложенное на людей «бремя», а как «дар» для личностей, соединенных в браке. [...] Благосклонность Бога всегда сопутствует человеку, исцеляет и преображает ожесточенное сердце благодатью, направляя его к своему началу посредством крестного пути. Евангелия ясно представляют пример Иисуса [...]. Он провозгласил весть о смысле брака как полноту Откровения, восстанавливающего изначальный замысел Бога (см. Мф 19, 3)»^[55].

63. «Иисус примирил в Себе все, вернул браку и семье их изначальную форму (см. Мк 10, 1-12). Семья и брак искуплены Христом (см. Еф 5, 21-32), восстановлены по образу

Пресвятой Троицы – Тайны, из которой проистекает всякая истинная любовь. Супружеский союз, установленный в творении и открытый в истории спасения, получает полноту откровения о своем смысле во Христе и в Его Церкви. От Христа через Церковь брак и семья приобретают благодать, необходимую для свидетельства о любви Божией и для жизни в единстве. Евангелие о семье пронизывает историю мира от самого сотворения человека по образу и подобию Бога (см. Быт 1, 26-27) и вплоть до исполнения тайны Завета во Христе в конце времен на брачной трапезе Агнца (см. Откр 19, 9)»[\[56\]](#).

64. «Пример Иисуса – парадигма для Церкви. [...] Он начал Свое общественное служение со знамения в Кане, совершенного на брачном пире (см. Ин 2, 1-11). [...] Он разделял минуты повседневной жизни в дружбе с семьей Лазаря и его сестер (см. Лк 10, 38) и с семьей Петра (см. Мф 8, 14). Он слышал родителей, оплакивающих своих детей, возвращал детей к жизни (см. Мк 5, 41; Лк 7, 14-15), тем самым являя подлинный смысл милосердия, требующего восстановить Завет (см. Иоанн Павел II, *Dives in misericordia*, 4). Это со всей ясностью проявилось во встречах с самарянкой (см. Ин 4, 1-30) и с женщиной, взятой в прелюбодеянии (см. Ин 8, 1-11), когда понятие греха отступает перед бескорыстной любовью Иисуса»[\[57\]](#).

65. Воплощение Слова в человеческой семье, в Назарете, всколыхнуло своей новизной историю мира. Нам необходимо погрузиться в тайну рождения Иисуса, в «да» Марии в ответ на благовестие Ангела, когда в Ее лоне было зачато Слово; и в «да» Иосифа, давшего Иисусу имя и принявшего на себя заботу о Марии; в празднование пастухов у яслей; в поклонение волхвов; в бегство в Египет, где Иисус разделит скорбь Своего изгнанного народа, гонимого и унижаемого; в религиозное ожидание Захарии и в радость, окружающую рождение Иоанна Крестителя; в исполнившееся в храме обетование, данное Симеону и Анне; в восхищение учителей Закона, слушающих мудрость отрока Иисуса. А затем – проникнуть в долгие тридцать лет, во время которых Иисус зарабатывал хлеб трудом Своих рук, шепча молитвы и соблюдая традиции верований Своего народа, учась вере Своих отцов, пока, благодаря Ему, она не начала приносить плоды в тайне Царствия. Таковы таинство Рождества Христова и тайна Назарета, благоухающего семьей! Это таинство, которое так восхищало Франциска Ассизского, Терезу Младенца Иисуса и Шарля де Фуко и в котором утоляют жажду христианские семьи для обновления своей надежды и радости.

66. «Завет любви и верности, переживаемый Святым Семейством из Назарета, освещает принцип, сообщающий форму каждой семье, и делает ее способной лучше преодолевать превратности жизни и истории. На этом основании каждая семья, несмотря на свою слабость, может стать светом во тьме мира. “Здесь мы понимаем, как жить в семье. Назарет напоминает нам, что такое семья, что такое общение любви, ее суровая и простая красота, ее священный и неприкосновенный характер; он позволяет нам увидеть, насколько приятно и незаменимо воспитание в семье, учит нас ее естественной функции в социальном

порядке» (Павел VI, *Речь в Назарете*, 5 января 1964 г.)»[\[58\]](#).

Семья в документах Церкви

67. II Ватиканский Собор в Пастырской конституции *Gaudium et spes* обратился к защите достоинства брака и семьи (см. пп. 47-52). «Собор определил брак как общение жизни и любви (см. п. 48), поставив любовь в центр семьи [...]. «Истинная любовь между мужем и женой» (п. 49) влечет за собой взаимную самоотдачу, включает и дополняет сексуальное и эмоциональное измерения, в соответствии с Божественным замыслом (см. пп. 48-49). Кроме того, в *Gaudium et spes* подчеркивается укорененность супругов во Христе: Господь Иисус Христос «выходит навстречу христианским супругам в таинстве брака» (п. 48) и пребывает с ними. В Воплощении Он приемлет человеческую любовь, очищает и ведет ее к полноте, дарует супругам Своим Духом способность жить этой любовью, пронизывая всю свою жизнь верой, надеждой и милосердием. Тем самым супруги уподобляются посвященным Богу и, с помощью своей особой благодати, созидают Тело Христово и устанавливают домашнюю церковь (см. *Lumen gentium*, 11). Поэтому Церковь, чтобы в полной мере понять свою собственную тайну, взирает на христианскую семью, в которой эта тайна проявляется самым естественным образом»[\[59\]](#).

68. Позже «блаженный Павел VI, следуя II Ватиканскому Собору, глубже развил учение о браке и семье. В частности, Павел VI в Энциклике *Humanae vitae* высветил теснейшую связь супружеской любви с зарождением жизни: «Любовь супругов требует от них должным образом знать их миссию ответственного родительства, на которой сегодня с полным основанием так настаивают и которую нужно ясно понимать. [...] Ответственное исполнение родительских обязанностей предполагает, что супруги признают свои обязанности перед Богом, перед самими собой, перед семьей и перед обществом, в рамках правильной иерархии ценностей» (п. 10). В Апостольском обращении *Evangelii nuntiandi* Павел VI выделил связь семьи и Церкви»[\[60\]](#).

69. «Святой Иоанн Павел II уделил семье особое внимание в катехетических беседах о человеческой семье, в Послании к семьям *Gratissimam sane* и, прежде всего, в Апостольском обращении *Familiaris consortio*. В этих документах Понтифик назвал семью «путем Церкви»; в общих чертах описал призвание мужчины и женщины к любви; наметил основные направления пастырского попечения о семье и присутствия семьи в обществе. Так, говоря о супружеской любви (см. *Familiaris consortio*, 13), он описал, каким образом супруги в их взаимной любви получают дар Духа Христова и переживают свое призвание к святости»[\[61\]](#).

70. «Бенедикт XVI в Энциклике *Deus caritas est* вернулся к теме истины любви мужчины и женщины, которая полностью освещается только в свете любви Христа Распятого (см. 2). Он настаивает: «Брак, основанный на исключительной и окончательной любви, становится

образом отношений Бога со Своим народом, и наоборот: любовь Бога – способ, которым Он ее проявляет – становится мерой любви человеческой» (п. 11). Кроме того, в Энциклике *Caritas in veritate* он подчеркивает важность любви как принципа жизни в обществе (см. п. 44), как места, где человек приобретает опыт общего блага»[62].

Таинство брака

71. «Писание и Предание открывают нам путь к познанию Троицы, являющейся нам с семейными чертами. Семья – образ Божий, который [...] есть общение людей. В крещении Христовом голос Отца называет Иисуса Своим возлюбленным Сыном, и в этой любви нам дано узнать Святого Духа (см. Мк 1, 10-11). Иисус примирил в Себе всё и искупил человека от греха; Он не только вернул браку и семье их изначальную форму, но и возвысил брак до сакраментального знака Своей любви к Церкви (ср. Мф 19, 1-12; Мк 10, 1-12; Еф 5, 21-32). В человеческой семье, собранной Христом, восстановлен «образ и подобие» Пресвятой Троицы (ср. Быт 1, 26), тайна, из которой проистекает всякая истинная любовь. От Христа посредством Церкви брак и семья обретают благодать Святого Духа, чтобы свидетельствовать о Евангелии любви Божией»[63].

72. Таинство брака – не общественный договор, пустой обряд или всего лишь внешний символ принимаемого обязательства. Таинство – дар на благо освящения и спасения супругов, поскольку «их принадлежность друг другу является реальным отображением, посредством знака таинства, отношения Христа к Своей Церкви. Поэтому для Церкви супруги – постоянное напоминание о том, что произошло на Кресте; они служат друг для друга и для детей свидетелями спасения, участниками которого соделались в таинстве»[64]. Брак – призвание, так как он отвечает на особый призыв переживать супружескую любовь как незавершенное знамение любви между Христом и Церковью. Поэтому решение вступить в брак и создать семью должно быть плодом распознавания своего призвания.

73. «Взаимный дар, лежащий в основе сакраментального брака, укоренен в благодати крещения, устанавливающего фундаментальный завет каждой личности со Христом в Церкви. Во взаимном принятии, с благодатью Христа, вступающие в брак обещают друг другу принести себя полностью в дар, хранить верность и открытость жизни, признают созидающими элементами дары, данные им Богом, серьезно принимают взаимное обязательство во имя Бога и перед лицом Церкви. В вере можно рассматривать блага брака как обязательства, которые намного лучше исполнять с помощью благодати таинства. Церковь обращает свой взгляд на супругов как на сердце всей семьи, глядящей, в свою очередь, на Иисуса»[65]. Таинство – не «нечто» и не какое-то «принуждение», поскольку в действительности Сам Христос «идет навстречу христианским супругам через таинство брака. Он дает им силу следовать за Ним, нести свой Крест, подниматься после падений, прощать друг друга, нести тяготы друг друга»[66]. Христианский брак – знак, не только

показывающий, насколько Христос возлюбил Свою Церковь в Завете, скрепленном на Кресте, но и сообщающий присутствие этой любви в супружеском общении. Соединяясь в одну плоть, супруги символизируют обручение Сына Божия с человеческой природой. Поэтому «в радостях их любви и семейной жизни Он дает им уже здесь, на земле, предвкушение брачного пира Агнца»[67]. Хотя «аналогия между парами муж–жена и Христос–Церковь» является «несовершенной аналогией»[68], супруги призваны молить Господа излить Его любовь в ограниченные пределы супружеских отношений.

74. Сексуальный союз, переживаемый по-человечески и освященный таинством, для супругов – путь возрастания в жизни по благодати. Это «таинство брака»[69]. Ценность телесного союза выражена в словах согласия, посредством которых супруги принимают друг друга и взаимно отдают себя, чтобы разделить друг с другом всю жизнь. Эти слова придают и сексуальности значение, свободное от какой бы то ни было двусмысленности. Однако на самом деле вся совместная жизнь супругов, вся сеть отношений, сплетающаяся между ними, с их детьми и с миром, будет насыщена и укреплена благодатью таинства, истекающей из тайны Воплощения и Пасхи, в которой Бог выразил всю Свою любовь к человечеству и тесно соединился с ним. Они никогда не будут предоставлены сами себе и не будут преодолевать бросаемые им вызовы исключительно своими силами. Они призваны отвечать на дар Божий своим обязательством, творчеством, стойкостью и повседневной борьбой, при этом они всегда могут взывать к освятившему их союз Святому Духу, молясь, чтобы полученная благодать вновь и вновь проявлялась в каждой новой ситуации.

75. Согласно латинской традиции Церкви, в таинстве брака служителями выступают брачующиеся мужчина и женщина[70], которые, заявляя об обоюдном согласии и выражая его во взаимном телесном даре, принимают великий дар. Согласие и союз тел – орудия Божественного деяния, соединяющего их в одну плоть. Крещением освящена их способность соединиться в браке в качестве служителей Господа, чтобы ответить на призыв Божий. Поэтому, когда два супруга-нехристианина принимают крещение, им нет необходимости обновлять брачное обещание, достаточно того, что они от него не отказываются, так как по причине получаемого крещения их союз тем самым становится сакраментальным. Каноническое право также признает действительность других браков, заключенных без присутствия рукоположенного служителя[71]. Естественный порядок был пронизан искуплением Иисуса Христа таким образом, что «между крещеными не может состояться такой действительный брачный договор, который тем самым не был бы таинством»[72]. Церковь может настаивать на публичности акта, присутствии свидетелей и других условиях, менявшихся в течение истории, но тем самым два супруга не лишаются характера служителей таинства, а центральное значение согласия мужчины и женщины не приуменьшается; все это само по себе устанавливает именно узы таинства. В любом случае, следует продолжать размышлять о Божественном действии в обряде бракосочетания, роль которого подчеркивается в Восточных Церквях, не забывая об особой

важности благословения – как знамения дара Святого Духа – сторонам, заключающим брак.

Семена Слова и несовершенные ситуации

76. «Евангелие семьи питает также семена, которым еще следует созреть, и должно заботиться о засыхающих деревьях, которыми нельзя пренебрегать»^[73], так, чтобы, исходя из дара Христа в таинстве семьи, они «были терпеливо ведомы далее – от того, что они уже получили от тайны Христовой, ко все более богатому ее познанию и полному воплощению ее в своей жизни»^[74].

77. На основе библейского учения, согласно которому все сотворено Христом и ради Христа (ср. Кол 1, 16), Отцы Синода напомнили, что «порядок искупления просвещает и завершает порядок творения. Поэтому естественный брак полностью понятен в свете своего сакраментального завершения: лишь неотрывно взирая на Христа, можно до конца понять истину о человеческих отношениях. “В самом деле, тайна человека истинно проясняется лишь в тайне воплотившегося Слова. [...] Христос, новый Адам, в Откровении тайны Отца и Его любви полностью являет человека самому человеку и открывает ему его высочайшее призвание” (*Gaudium et spes*, 22). Следовательно, как никогда, целесообразно понять в христоцентрическом ключе естественные качества, присущие браку и составляющие благо супругов [*bonum coniugum*]»^[75], включая единство, открытость в отношении жизни, верность и нерасторжимость, а в христианском браке – также взаимную помощь на пути к более полной дружбе с Господом. «Распознавание присутствия *семян* Слова в других культурах (см. *Ad gentes*, 11) можно применить и к реалиям брака и семьи. Помимо истинного естественного брака, положительные элементы присутствуют в брачных формах других религиозных традиций»^[76], несмотря на темные моменты. Можно утверждать, что «любой человек, желающий создать в этом мире семью, учащую детей радоваться каждому делу, направленному на искоренение зла – семью, показывающую, что Святой Дух жив и действует, – обретет благодарность и уважение, из какого бы народа, какой бы религии или региона он ни был»^[77].

78. «Взгляд Христа, Чей свет просвещает каждого человека (см. Ин 1, 9; *Gaudium et spes*, 22), вдохновляет пастырское попечение Церкви о верных, которые просто сожительствуют, заключили только гражданский брак или вступили в новый союз после развода. В перспективе Божественной педагогики Церковь с любовью обращается к тем, кто несовершенным образом участвует в ее жизни: вместе с ними она взывает о благодати обращения, побуждает их творить добро, с любовью заботиться друг о друге и служить общине там, где они живут и работают. [...] Когда союз достигает значительной стабильности через установление публичной связи – и отмечен глубокой любовью, ответственностью в отношении потомства, способностью преодолевать испытания, он открывает возможности для сопровождения партнеров к таинству брака, везде, где это возможно»^[78].

79. «При встрече с трудными ситуациями и израненными семьями следует всегда помнить общий принцип: “Пусть пастыри знают, что из любви к истине они обязаны глубоко вникать в каждую конкретную ситуацию” (*Familiaris consortio*, 84). Степень ответственности не равна во всех случаях, могут присутствовать факторы, ограничивающие способность вынести решение. Поэтому, хотя учение следует озвучивать со всей ясностью, необходимо избегать суждений, не учитывающих сложность разных ситуаций; необходимо внимание к тому, как люди живут и страдают из-за своего состояния»[79].

Передача жизни и воспитание детей

80. Брак – это, в первую очередь, «глубокая общность жизни и супружеской любви»[80], представляющей собой благо для самих супругов[81], а сексуальность «предназначена для супружеской любви мужчины и женщины»[82]. Поэтому даже «супруги, которым Бог не дал детей, могут, тем не менее, вести супружескую жизнь, наполненную смыслом с чисто человеческой и христианской точек зрения»[83]. Несмотря на это, такой союз предназначен для продолжения рода «по своему естественному характеру»[84]. Рожденный ребенок «появляется не извне, чтобы присоединиться к взаимной любви супругов; он вырастает прямо в недрах этого обоюдного дара, плодом и венцом которого он является»[85]. Супруги не получают ребенка в итоге некоторого процесса, напротив, ребенок присутствует с самого начала их любви, как ее основное качество, от которого невозможно отказаться, не изуродовав тем самым любовь. С самого начала любовь отвергает любое побуждение закрыться в себе, а открывается плодности, сохраняющей, собственно, взаимную любовь и за пределами способности зачать потомство. Следовательно, ни один сексуальный акт супругов не может терять своего содержания[86], хотя в силу разных причин не всегда получается дать начало новой жизни.

81. Ребенок требует быть рожденным именно от такой любви, а не просто так, ведь он «не что-то должное, а дар»[87], он есть «плод особого акта супружеской любви своих родителей»[88]. «Согласно порядку творения, супружеская любовь мужчины и женщины и передача жизни починены друг другу (см. Быт 1, 27-28). Тем самым Творец приобщил мужчину и женщину к Своему делу творения и одновременно преобразил их в орудия Своей любви, доверив им ответственность за будущее человечества посредством передачи человеческой жизни»[89].

82. Отцы Синода заявили, что «нетрудно констатировать распространение менталитета, сводящего рождение новой жизни к некоему изменчивому плану – индивидуальному или супружеской пары»[90]. Учение Церкви «помогает гармонично и осознанно переживать единение супругов во всех его измерениях, вместе с ответственностью за рождение потомства. Нужно открыть заново послание Энциклики *Humanae vitae* Павла VI, подчеркивающей необходимость уважать достоинство личности при нравственной оценке методов регуляции рождаемости. [...] Решение усыновить либо взять под опеку ребенка

выражает особую плодотворность супружеского опыта»^[91]. Церковь особенно благодарна супругам и «поддерживает семьи, принимающие, воспитывающие и окружающие любовью детей с ограниченными возможностями здоровья»^[92].

83. В связи с этим не могу не подчеркнуть, что семья как святилище жизни и пространство, где жизнь зарождается и окружена заботой, решительно противоречит своему фактическому превращению в пространство, где жизнь отрицается и разрушается. Ценность человеческой жизни настолько высока, а право на жизнь невинного ребенка, развивающегося в лоне матери, настолько неотъемлемо, что возможность принимать решения в отношении его жизни никоим образом нельзя представлять как право распоряжаться своим телом. Жизнь ребенка ценна сама по себе и ни при каких условиях не может становиться объектом, подчиненным власти другого человеческого существа. Семья защищает жизнь на всех ее этапах, включая ее закат. Поэтому «сотрудникам структур здравоохранения напоминаем о нравственной обязанности отказа по убеждениям совести. При этом Церковь не только ощущает настоятельную потребность подтвердить право человека на естественную смерть с отказом от терапевтической настойчивости и эвтаназии», но и «решительно отвергает смертную казнь»^[93].

84. Отцы Синода пожелали подчеркнуть, что «один из фундаментальных вызовов, с которым сегодня столкнулись семьи, это, безусловно, вызов образования, ставшего из-за нынешних культурных реалий и огромного влияния масс-медиа более требовательным и сложным»^[94]. «Церковь выполняет важную роль по поддержке семей, начиная с христианского посвящения, с помощью принимающих общин»^[95]. Тем не менее мне представляется очень важным напомнить, что целостное воспитание детей – «важнейшая обязанность» и, при этом, «преимущественное право» родителей^[96]. Речь идет не о всего лишь поручении или о бремени, но о сущностном и незаменимом праве, которое родители призваны защищать и которого никто не имеет права их лишить. Государство субсидиарно предлагает образовательные услуги, сопровождая родителей в выполнении их не подлежащей передаче функции. У родителей есть право свободно выбирать тип образования – доступного и качественного, – которое они намерены дать детям в соответствии с личными убеждениями. Школа не подменяет родителей, а, скорее, дополняет их. Базовый принцип таков: «Любой другой сотрудник в процессе воспитания должен действовать от имени родителей, с их согласия и, в определенной мере, по их поручению»^[97]. Однако «образовался разрыв между семьей и обществом, семьей и школой, сегодня образовательный договор расторгнут; итак, соглашение общества с семьей о воспитании настиг кризис»^[98].

85. Церковь призвана сотрудничать, содействуя через соответствующую пастырскую деятельность исполнению родителями воспитательной миссии. Выполнять это необходимо, помогая в любых ситуациях ценить особую родительскую роль, признавая, что верные, получившие таинство брака, становятся настоящими служителями воспитания, поскольку,

воспитывая своих детей, созидают Церковь^[99] и, выполняя эту обязанность, принимают предложенное Богом призвание^[100].

Семья и Церковь

86. «С нежной радостью и глубоким утешением Церковь взирает на семьи, остающиеся верными наставлениям Евангелия, воодушевляя их и благодаря за свидетельство, которое они несут. Благодаря им красота нерасторжимого брака и верности обретают фактическую достоверность. В семье, «которую можно называть домашней Церковью» (*Lumen gentium*, 11), созревает первый церковный опыт общения личностей, в чем по благодати отражается тайна Пресвятой Троицы. «Именно здесь учатся терпеливому труду и его радости, братской любви, щедрому прощению, даже многократному, но прежде всего – поклонению Богу в молитве и жертве собственной жизни» (*Катехизис Католической Церкви*, 1657)»^[101].

87. Церковь есть семья семей, непрерывно обогащаемая жизнью всех домашних Церквей. Поэтому «в силу таинства брака каждая семья полноценно становится благом для Церкви. Безусловно, в этом русле для сегодняшней жизни Церкви необходимо считать драгоценным даром и взаимную близость семьи и Церкви: Церковь – благо для семьи, семья – благо для Церкви. Сохранность сакраментального брака Господа зависит не только от отдельной семьи, но от самой христианской общины»^[102].

88. Переживаемая в семьях любовь – постоянная сила жизни Церкви. «Соединительная цель брака представляет собой неизменный призыв к возрастанию и углублению этой любви. Супруги в своем любовном союзе переживают красоту отцовства и материнства; разделяют друг с другом планы и труды, желания и опасения; учатся заботиться друг о друге и взаимно прощать. В любви они прославляют нелегкие минуты и поддерживают друг друга на тяжелых этапах истории совместной жизни [...]. Красота взаимного безвозмездного дара, радость за рождающуюся жизнь, любящий уход за всеми членами семьи, от малых до пожилых, – вот лишь некоторые плоды, сообщающие ответу на призвание к созданию семьи уникальный и незаменимый характер»^[103] – как для Церкви, так и для всего общества.

ГЛАВА IV

ЛЮБОВЬ В БРАКЕ

89. Всего сказанного недостаточно для возвещения Евангелия о браке и семье, если особо не остановиться на *беседе о любви*, потому что мы не можем поощрять следование по пути верности и взаимной отдачи, не поддерживая возрастание, укрепление и углубление супружеской и семейной любви. Благодать таинства брака, прежде всего, предназначена «совершенствовать любовь между супругами»^[104]. И в этом случае не теряет ценности мысль, что «если имею всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, – то

я ничто. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор 13, 2-3). Однако слово «любовь» – одно из самых используемых, и зачастую его искажают^[105].

Наша повседневная любовь

90. В так называемом «гимне любви», написанном святым Павлом, мы встречаем некоторые характеристики истинной любви:

«Любовь долготерпит,
 милосердствует,
 любовь не завидует,
 любовь не превозносится,
 не гордится,
 не бесчинствует,
 не ищет своего,
 не раздражается,
 не мыслит зла,
 не радуется неправде,
 а сорадуется истине;
 все покрывает,
 всему верит,
 всего надеется,
 все переносит» (1 Кор 13, 4-7).

Вот что переживается и сохраняется в жизни, разделяемой супругами во все дни друг с другом и с детьми. В попытке применения этого текста к конкретному существованию любой семьи очень важно остановиться на уточнении смысла его словосочетаний.

Терпение

91. В первом словосочетании используется понятие *macrothymēi*. Переводится оно не просто как «все переносит», так как эта мысль звучит в конце 7-го стиха. Смысл передан в греческом переводе Ветхого Завета, где сказано, что Бог «долготерпелив» (Исх 34, 6; Числ 14, 18). Долготерпение проявляется, когда человек не позволяет побуждениям управлять собой и избегает агрессии. Таково качество Бога Завета, призывающего подражать Ему и в условиях семейной жизни. Тексты, где Павел использует этот термин, следует читать на фоне Книги Премудрости (см. Прем 11, 23; 12, 2.15-18): в ней прославляется умеренность Бога в наказании и одновременно подчеркивается Его могущество в милосердном деянии. Долготерпение Бога – воплощение милосердия к грешнику и проявление подлинного могущества.

92. Быть терпеливым не значит – допускать постоянное дурное обращение с собой, переносить физическую агрессию или позволять обращаться с собой как с вещью. Проблема возникает, когда мы считаем отношения идиллическими, а людей совершенными, либо когда ставим в центр собственные желания и ожидаем исключительно исполнения нашей воли. Тогда все нервирует нас, заставляет реагировать агрессивно. Если мы не будем развивать терпение, то всегда найдем оправдание для гневного ответа и, в конце концов, превратимся в людей, не умеющих вести совместную жизнь, в антисоциальных, неспособных владеть импульсивными побуждениями, и семья превратится в поле битвы. Вот почему Слово Божие увещевает нас: «Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф 4, 31). Терпение укрепляется при признании того, что другой человек также обладает правом жить на этой земле вместе со мной – такой, каков он есть. Неважно, раздражает ли он меня, меняет ли мои планы, докучает ли мне своим образом жизни или своими идеями, если он совсем не такой, как я ожидал. Любовь всегда содержит в себе чувство глубокого сострадания, позволяющего принять другого как частицу этого мира, даже когда он ведет себя совсем иначе, чем мне хотелось бы.

Милосердное отношение

93. Далее следует слово *chresteuetai*, уникальное для всей Библии, производное от *chrestos* (добрый человек, проявляющий благость в деяниях). Однако в силу своего местоположения оно совершенно параллельно предыдущему глаголу и дополняет его. Тем самым Павел хочет прояснить, что «терпение», упомянутое на первом месте – не совершенно пассивная позиция, наоборот, терпение сопровождается деятельностью, динамичной и изобретательной реакцией по отношению к другим. Указано, что любовь творит добро другим и поддерживает их. Поэтому в переводе мы видим «милосердствует».

94. В совокупности текста очевидно, что Павел намеренно настаивает на том факте, что любовь – не просто чувство, что ее нужно понимать в значении, присущем глаголу «любить» в еврейском языке, то есть: «творить добро». Как говорил святой Игнатий Лойола, «любовь нужно больше вкладывать в дела, нежели в слова»^[106]. Тем самым глагол «любить» может проявить всю свою плодотворность и позволяет нам испытать радость дара, благородство и величие щедрой самоотдачи, без меры, без требования воздаяния, совершаемой лишь из радости отдавать и служить.

Исцеление зависти

95. Далее – как противоположность любви – отвергается позиция, выраженная термином *zelos* («ревность» или «зависть»). Это означает, что в любви нет места для чувства недовольства из-за блага другого (см. Деян 7, 9; 17, 5). Зависть – огорчение из-за чужого блага, показывающее, что нас не интересует счастье других из-за того, что мы

концентрируемся исключительно на личном благосостоянии. И если любовь позволяет нам отказаться от себя самих, то зависть заставляет фокусироваться на самом себе. Истинная любовь ценит успехи других, не воспринимает их как угрозу себе, свободна от горького привкуса зависти. Она принимает тот факт, что у каждого свои, отличные от других дары и разные пути в жизни. Поэтому она позволяет открыть собственную дорогу к счастью, позволяя другим найти свою.

96. В общем, речь идет об исполнении требований двух заключительных заповедей Закона Божия: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх 20, 17). Любовь ведет нас к искреннему мнению о каждом человеческом существе и признанию его права на счастье. Я люблю этого человека, вижу его взглядом Бога Отца, дарующего нам все «для наслаждения» (1 Тим 6, 17), следовательно, я принимаю в глубине, что он может наслаждаться удачным моментом. В любом случае, именно сам корень любви побуждает меня отказаться от несправедливости, порождаемой тем, что у одних всего много, а у других нет ничего, вдохновляет меня поступать так, чтобы отвергнутые обществом испытали немного радости. Однако это не зависть, а жажда равенства.

Не превозноситься и не гордиться

97. Затем следует выражение *perpereuetai*, подразумевающее тщеславие, беспокойное стремление показать себя высшими, чтобы произвести впечатление через сухое и довольно агрессивное отношение. Любящий не только старается не говорить слишком много о себе, но, концентрируясь на других, умеет занять свое место, не претендуя на то, чтобы быть в центре. Следующее слово – *physioutai* – очень соответствует этому, так как показывает, что любовь не спесива. Термин буквально указывает на то, что любящий не «возвеличивается» перед другими, но имеет и более тонкое значение. Подразумевается не только одержимая демонстрация личных качеств, но и утрата чувства реальности. Здесь более великими перед остальными себя выставляют считающие себя более «духовными» либо «мудрыми». Павел в других случаях использует этот глагол, например, предупреждая: «Знание надмевает, а любовь назидает» (1 Кор 8, 1). Стоит сказать, что некоторые считают себя великими потому, что знают больше других, изо всех сил требуют чего-то от других и стремятся контролировать их, хотя на самом деле великими делает нас любовь – понимающая, заботящаяся, поддерживающая слабого. В другом стихе это слово использовано для критики тех, кого «распирает гордыня» (ср. 1 Кор 4, 18), но на самом деле такие люди голословны, а не наделены истинной «силой» Святого Духа (см. 1 Кор 4, 19).

98. Важно, чтобы христиане не превозносились в своем отношении к родственникам, мало наставленным в вере, слабым или же неуверенным в своих убеждениях. Порой случается обратное: тот, кто в семье считает себя более зрелым, оказывается высокомерным и невыносимым. Но любви присуще смиренное отношение, так как чтобы понять, простить

близких и служить другим от всего сердца, обязательно нужно исцелить в себе гордость и развить смирение. Иисус напоминал ученикам, что в мире власти каждый стремится доминировать над другими, вот почему Он говорит: «Но между вами да не будет так» (Мф 20, 26). Логика христианской любви не в том, чтобы считать себя выше прочих и нуждаться в том, чтобы остальные ощущали твою власть; эта логика такова: «кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф 20, 27). В семейной жизни не может править логика власти одних над другими либо состязание в том, чтобы показать, кто умнее и сильнее, поскольку такая логика ослабляет любовь. Для семьи важен и такой совет: «Все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Петр 5, 5).

Доброжелательность

99. Любить – значит стать приветливыми, вот в чем суть понятия *aschemonei*. Оно указывает на то, что любовь не действует грубо, не проявляет себя неучтиво, не жестока в обращении к другому. Ее проявления, слова, жесты доброжелательны, а не жестки и суровы. Ей ненавистно заставлять других страдать. Доброжелательность – «школа чуткости и бескорыстия», заставляющая человека «развивать свое сознание и чувства, учиться слушать, говорить, а когда нужно – промолчать»^[107]. Доброжелательность – не стиль поведения, который христианин может предпочесть либо отвергнуть: это одно из неотъемлемых требований любви, поэтому «каждое человеческое существо обязано быть обходительным с теми, кто его окружает»^[108]. Ежедневное «погружение в жизнь другого, даже если этот другой – частица нашей жизни, требует деликатности ненавязчивого поведения, обновляющего доверие и уважение. [...] И чем теснее и глубже любовь, тем более необходимы уважение к свободе и способность ждать, пока другой отворит врата своего сердца»^[109].

100. Для готовности к подлинной встрече с другим человеком необходимо смотреть на него доброжелательно. Это невозможно при давлении пессимизма, выделяющего чужие недостатки и ошибки, развившегося, возможно, как компенсация собственных комплексов. Доброжелательный взгляд позволяет нам не подчеркивать недостатки другого, благодаря чему мы способны относиться к нему с терпением и объединяться в совместных планах, несмотря на нашу несхожесть. Доброжелательность рождает узы, развивает связи, налаживает новые сети для объединения, созидает крепкую социальную ткань. Таков механизм самозащиты общества, ведь без ощущения сопричастности нельзя поддерживать самоотдачу другим людям: любой человек в итоге ищет только собственную выгоду, следовательно, сосуществование оказывается невозможным. Антисоциальный человек уверен, что другие люди существуют для того, чтобы удовлетворять его потребности, и, поступая так, остальные лишь выполняют свой долг. Следовательно, не остается места для доброжелательной любви и ее самовыражения. Любящий умеет сказать слова ободрения, утешающие, дающие силы, успокаивающие, поощряющие. Посмотрим, с какими словами

Иисус обращался к людям, например: «Дерзай, чадо!» (Мф 9, 2). «Велика вера твоя!» (Мф 15, 28). «Встань!» (Мк 5, 41). «Иди с миром» (Лк 7, 50). «Не бойтесь» (Мф 14, 27). Эти слова не унижают, не огорчают, не раздражают, не обесценивают. В семье нужно научиться доброжелательному языку Иисуса.

Бескорыстное самоотречение

101. Мы много говорили: чтобы любить других, необходимо прежде возлюбить себя самого. Тем не менее «гимн любви» утверждает, что любовь «не заботится о себе», или «не ищет своего». Это выражение используется еще в одном тексте: «Не о себе [только] каждый заботься, но каждый и о других» (Фил 2, 4). Учитывая столь ясное утверждение Писания, не следует считать приоритетной любовь к себе как, якобы, более возвышенную, чем самоотдача другим людям. Определенный приоритет любви к себе можно понять лишь как психологическое состояние, так как человеку, неспособному любить себя самого, трудно полюбить и других: «Кто зол для себя, для кого будет добр? [...] Нет хуже человека, который недоброжелателен к самому себе» (Сир 15, 5-6).

102. Однако сам Фома Аквинский объяснил, что «любви более присуще намерение любить, нежели намерение быть любимой»^[110] и что, на самом деле, «матери, как любящие более всех, стремятся более любить, нежели чтобы их любили»^[111]. Поэтому любовь может устремляться за пределы справедливости и бескорыстно выходить из берегов, «не ожидая ничего» (Лк 6, 35), пока не станет той любовью, больше которой нет, то есть любви, «полагающей душу свою» за других (Ин 15, 13). По-прежнему ли возможно такое бескорыстие, позволяющее отдавать безвозмездно и отдавать до конца? Безусловно, возможно, так как именно этого требует от нас Евангелие: «Даром получили, даром давайте» (Мф 10, 8).

Без внутреннего ожесточения

103. Если первая строфа гимна призывала нас к терпению, избегающему грубой реакции на чужие слабости и ошибки, то теперь появляется другое слово – *paroxynetai* – относящееся к внутренней реакции возмущения, вызванной чем-то внешним. Речь идет о внутреннем ожесточении, о неявном раздражении, заставляющем нас защищаться от других, словно от назойливых врагов, от которых нужно скрыться. Культивирование такой скрытой агрессии ни к чему хорошему не приводит. Из-за него мы лишь заболеваем и в итоге изолируемся. Здоровое возмущение побуждает нас реагировать в условиях серьезной несправедливости, но если оно стремится пронизать собой наше отношение к другим людям, то причиняет лишь вред.

104. Евангелие призывает, в первую очередь, замечать бревно в собственном глазу (см. Мф 7, 5); будучи христианами, мы не можем игнорировать неизменное требование Слова

Божия не возвращать гнев: «Не будь побежден злом» (Рим 12, 21). «Делая добро, да не унываем» (Гал 6, 9). Одно дело – чувствовать силу врывающейся агрессивности, совсем другое – подчиниться ей, позволить стать постоянным состоянием: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф 4, 26). Поэтому ни в коем случае нельзя завершать день, не установив в семье мир. «И как я должен установить мир? Опуститься на колени? Нет! Всего лишь незначительный жест, нечто совсем малое, и семейная гармония возвращается. Достаточно просто ласки, без слов. Никогда не завершать день в семье, не установив мир!»^[112]. Внутренней реакцией на неудобство, доставленное другими, должно быть, в первую очередь, благословение в сердце, пожелание блага другому, молитва Богу о его освобождении и исцелении: «Благословляйте, зная, что вы к тому призваны Богом, чтобы наследовать благословение» (1 Петр 3, 9). Коль скоро мы должны бороться со злом, то будем исполнять это, но всегда говоря «нет» внутренней жестокости.

Прощение

105. Позволяя дурному чувству проникнуть вглубь нас, мы находим место для обиды, свивающей гнездо в сердце. Фраза *logizetai to kakono* означает «считается со злом», «носит память о нем», то есть склонный помнить обиду. Противовес – прощение, основанное на позитивном отношении, стремящемся понять чужую слабость и старающуюся найти извинение для другого человека, по словам Иисуса: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23, 34). Напротив, часто очевидна тенденция найти еще больше провинностей, вообразить еще больше злодеяний, предположить всевозможные дурные намерения; так усиливается и укореняется обида. Поэтому любая ошибка или падение одного из супругов может повредить узы любви и семейную стабильность. Проблема в том, что порой всему приписывается одинаковая тяжесть, при угрозе оказаться жестоким к какому бы то ни было заблуждению другого человека. Справедливое отстаивание своих прав трансформируется в устойчивую, неутомимую жажду отмщения, а не в здравую защиту собственного достоинства.

106. Если нас обидели или разочаровали, то прощение возможно и желательно, но никто не говорит, что это легко. Правда, что «семейное единение может быть сохранено и усовершенствовано только в духе жертвенности, ибо оно требует благородной готовности всех и каждого к пониманию, терпимости, прощению и примирению. Пусть каждая семья помнит о том, что эгоизм, разногласия, напряженная обстановка и конфликты жестоко угрожают, а иногда и наносят смертельную рану этому единению. Отсюда – разнообразные и множественные формы разделений в семейной жизни»^[113].

107. Сегодня мы знаем: чтобы суметь простить, нам нужно пройти через освобождающий опыт понимания и простить себя самих. Неоднократно наши ошибки или критический взгляд на любимых людей заставляли нас терять любовь к самим себе. В итоге мы начинаем

отгораживать себя от других, избегать привязанности, наполняться страхом в межличностных отношениях. Значит, способность обвинять других трансформируется в ложное облегчение. Нужно молиться, не отрицая свою историю, принимать себя, уметь сосуществовать со своими слабостями и даже прощать себя, чтобы научиться так же относиться к другим людям.

108. Но это предполагает опыт обретения Божьего прощения, безвозмездного, а не заслуженного оправдания. Нас окружает любовь, предшествующая любому нашему делу, всегда предлагающая новую возможность, поддерживающая и ободряющая. Если мы примем, что любовь Божия безусловна, что любовь Отца не нужно покупать, что за нее не нужно платить, то сможем любить, несмотря ни на что, прощать других, даже когда те несправедливы к нам. Иначе наша семейная жизнь перестанет быть пространством понимания, сопровождения и поддержки, став местом постоянной напряженности и наказания друг друга.

Радоваться с другими

109. Выражение *chairei epi te adikia* указывает на нечто отрицательное, тайком сохраняемое в сердце человека. Это ядовитое отношение того, кто радуется, наблюдая за несправедливостью в отношении кого-либо другого. Фраза дополняется следующей, описывающей положительное восприятие: *synchairei te aletheia*: сорадуется истине. То есть радуется чужому благу – признанию его достоинства, оценке его способностей и добрых поступков. А это невозможно для того, кому все время приходится сравнивать себя и состязаться, даже со своим супругом, вплоть до скрытой радости, вызванной его поражениями.

110. Когда любящий человек может сделать доброе другому или когда видит, что у другого все хорошо, он переживает это с радостью и тем самым прославляет Бога, ведь «доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор 9, 7), наш Господь особенно ценит радующегося чужому счастью. Если мы не развиваем способность наслаждаться благом другого и концентрируемся, в первую очередь, на наших потребностях, то приговариваем себя к безрадостной жизни, ведь, как сказал Иисус, «блаженнее давать, нежели принимать!» (Деян 20, 35). Семья всегда должна быть местом, где любой совершивший что-либо доброе в жизни, знает, что все прочие будут радоваться вместе с ним.

Все прощает

111. Список завершается четырьмя выражениями, говорящими о едином целом: «все». Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Тем самым решительно подчеркивается контркультурный динамизм любви, способной встретить лицом к лицу все, что может ей угрожать.

112. В первую очередь утверждается: «все покрывает» [*panta stegel*]. Это отлично от «не считаться со злом», так как этот термин относится к использованию языка; он может означать «хранить молчание» о плохом, что может быть в человеке. Он заставляет ограничивать суждение, сдерживать склонность бросить в другого жестокое и беспощадное обвинение. «Не судите, и не будете судимы» (Лк 6, 37). Поскольку это противоречит нашему обычному использованию языка, Слово Божие просит нас: «Не злословьте друг друга, братия» (Иак 4, 11). Останавливаться для нанесения ущерба образу другого человека – это способ укрепить свой собственный образ, выплеснуть обиду и зависть, не считаясь с тем, какой вред это приносит. Часто забывают, что диффамация может оказаться значительным грехом, серьезным оскорблением Бога, если глубоко уязвляется доброе имя других и им наносится ущерб, с трудом поддающийся восстановлению. Поэтому Слово Божие так сурово к языку, называя его «прикрасой неправды», «оскверняющим все тело и воспаляющим круг жизни» (Иак 3, 6), «неудержимым злом; исполненным смертоносного яда» (Иак 3, 8). Любовь заботится об образе других своей деликатностью, позволяющей сохранять даже доброе имя врагов. Защищая Божественный закон, никогда нельзя забывать это требование любви.

113. Любящие и взаимно преданные супруги хорошо говорят друг о друге, стараются показать хорошую сторону супруга, независимо от его слабостей и ошибок. Во всяком случае, они сохраняют молчание, чтобы не повредить его образ. Однако это не просто внешний поступок, а позиция, обусловленная внутренним отношением. И это не проявление неискренности закрывающего глаза на проблемы и слабые черты другого, а, скорее, широта взгляда того, кто учитывает контекст слабостей и ошибок другого; он помнит, что недостатки – лишь часть, а не полнота существа другого. Неприятный факт в отношениях – не целостность отношений. Следовательно, можно просто принять, что все мы – сложная комбинация светлых и темных сторон. Другой – не всего лишь тот, кто докучает мне, а намного больше. По той же логике я не претендую на то, чтобы его любовь была совершенной, иначе я не смогу ценить его. Он любит меня – такой, какой он есть и так, как он может, со всеми своими слабостями, но несовершенство его любви не означает, что его любовь ложная или не настоящая. Она реальная, но ограниченная, земная. Поэтому, когда я претендую слишком на многое, он каким-то образом дает мне это понять, так как не сможет и не захочет играть роль Божественного существа либо служить всем моим потребностям. Любовь уживается с несовершенством, извиняет его, умеет хранить молчание о слабостях любимого человека.

Доверяет

114. *Panta pisteuei*: «всему верит». В данном контексте не стоит понимать эту «веру» в богословском значении, а, скорее, как «доверие». Речь не только о том, чтобы не подозревать другого человека в обмане или введении в заблуждение. Такое основополагающее доверие видит скрытый темнотой свет, зажженный Богом, уголек, все

еще тлеющий под пеплом.

115. Такое доверие делает возможными свободные отношения. Нет потребности контролировать другого, скрупулезно следить за его шагами во избежание его бегства от наших объятий. Любовь доверяет, оставляет свободу, отказывается от полного контроля, от обладания, от доминирования. Свобода, открывающая пространство для самостоятельности, открытости миру и новому опыту, позволяет отношениям обогащаться, а не превращаться в бесперспективную эндогамию. Тем самым супруги, будучи вместе, могут с радостью делиться полученным и усвоенным вне семейного круга. Одновременно оказываются возможными искренность и прозрачность, так как, когда кто-то знает, что другие полагаются на него и ценят его глубинную благость, он проявляет себя таким, каков он есть, без утаивания. А тот, кто знает, что его всегда подозревают, осуждают без сострадания, не любят безоговорочно, предпочтет хранить в секрете свои тайны, прятать свои падения и слабости, показывать себя не тем, кто он есть на самом деле. Напротив, семья, где царит крепкое и любящее доверие, где несмотря ни на что всегда возвращается доверие, проявляет подлинную идентичность своих членов и учит спонтанно отказываться от обмана, нечестности и лживости.

Надеется

116. *Panta elpizei*: не унывает из-за будущего. В связке с предыдущим словом подразумевает надежду того, кто знает, что другой человек может измениться, всегда надеется на возможность созревания, на удивительный расцвет красоты другого, на то, что однажды прорастут его самые скрытые способности. Это не значит, что все в этой жизни переменится. Необходимо принимать, что определенные события произойдут иначе, чем нам хотелось бы, но, возможно, Бог напишет прямо на неровных строках личности и извлечет какое-то благо из зла, которое человеку не удастся преодолеть на этой земле.

117. Здесь надежда выступает в своем полном значении, так как предполагает уверенность в жизни после смерти. Личность со всеми своими слабостями призвана к полноте Небес. Там ее полностью преобразит воскресение Христово, а ее слабости, темные стороны и патологические проявления утратят существование. Там подлинное бытие личности просияет со всей силой добра и красоты. Благодаря этому среди земных невзгод мы сможем созерцать эту личность сверхъестественным взглядом, в свете надежды, ожидая, когда в Царстве Небесном личность однажды обретет свою пока невидимую завершенность.

Все переносит

118. *Panta hypomenei* – значит переносить все превратности в положительном ключе. Это значит – сохранять устойчивость во враждебной обстановке, что подразумевает не только

терпимость к некоторым раздражающим вещам, но и что-то большее: динамичное и постоянное противостояние, способное ответить на любой вызов. Это означает любовь несмотря ни на что, даже когда все вокруг побуждает к совершенно иному. Она проявляет некоторый упорный героизм, силу против любого негативного течения, выбор в пользу блага, которое ничто не может уничтожить. Об этом мне напоминают слова Мартина Лютера Кинга, подчеркивавшего выбор в пользу братской любви даже среди худших преследований и поруганий: «Человек, который больше всего тебя ненавидит, все равно имеет в себе нечто доброе; и нация, которая больше всего ненавидит, имеет в себе нечто доброе; и раса, которая больше всего ненавидит, имеет в себе нечто доброе. И когда ты начинаешь смотреть в лицо каждому человеческому существу и видеть в глубине его то, что религия называет «образом Божиим», начинай любить его, несмотря ни на что. Неважно, что он делает, ты смотри в нем на образ Божий. Существует элемент благодати, от которого ты никогда не сможешь освободиться [...] Иной способ любить твоего врага – следующий: когда представляется возможность сокрушить неприятеля, именно в эту минуту ты должен решить не делать этого [...] Когда ты поднимаешься на уровень любви, ее величественной красоты и мощи, единственное, что ты стремишься сокрушить – вредоносные системы. Людей, уловленных такой системой, люби, но старайся сокрушить систему [...] Ненависть ради ненависти лишь усиливает существование ненависти и зла во вселенной. Когда я ударяю тебя, а ты – меня, когда я отвечаю на твой удар, а ты отвечаешь на мой удар и так далее, очевидно, что так продолжается до бесконечности. Просто никогда не прекращается. На одной из сторон у кого-то должно быть немного здравого смысла, такова сильная личность. Сильная личность – личность, способная разбить цепь ненависти, цепь зла [...] У кого-то должно быть достаточно веры и нравственности, чтобы разорвать эту цепь и включить в саму структуру вселенной сильный и могущественный элемент любви»^[114].

119. В семейной жизни нужно возвращать эту силу любви, позволяющую бороться с угрожающей ей злом. Любовь препятствует главенству обиды, пренебрежению людьми, желанию ранить и заставлять за что-то заплатить. Христианский идеал, особенно в семье, это любовь несмотря ни на что. Например, порой я восхищаюсь отношением людей, которым пришлось расстаться с супругом, чтобы защититься от физического насилия, но, тем не менее, в силу супружеского милосердия преодолевающих собственные чувства и оказавшихся способными поступать ради блага супруга во время его болезни, страдания или в трудную минуту, пусть даже с помощью других. И это – любовь несмотря ни на что.

Возрастать в супружеском милосердии

120. Рассмотренный нами гимн святого Павла позволяет перейти к теме супружеского милосердия. Оно – любовь, соединяющая супругов^[115], освященная, обогащенная и просвещенная благодатью таинства брака. Оно – «союз чувственный»^[116], духовный и жертвенный, который, однако, объединяет в себе нежность дружбы и эротическую страсть,

чтобы быть в состоянии сохраниться даже при ослаблении чувств и страсти. Папа Пий XI учил, что такая любовь пронизывает все обязанности супружеской жизни и «считает первенствующим благородство»^[117]. Действительно, такая сильная любовь, излитая Святым Духом, есть отражение нерушимого Завета Христа с человечеством, кульминация которого – самоотвержение до конца, на кресте: «Дух, Которого дает Господь, дарует новое сердце и делает мужчину и женщину способными любить так, как возлюбил Христос. Супружеская любовь обретает ту полноту, которой внутренне подчинена, супружеское милосердие»^[118].

121. Брак – драгоценный знак, поскольку, «когда мужчина и женщина совершают таинство брака, Бог, если можно сказать, «отражается» в них, запечатлевает в них Свои черты и неизгладимый характер Своей любви. Брак – икона любви Бога к нам. Так, Сам Бог есть общение: три Ипостаси Отца, Сына и Святого Духа живут изначально и вечно в совершенном единении. Именно такова тайна брака: Бог соединяет двух супругов в одно единое бытие»^[119]. Это имеет очень конкретные и повседневные следствия, так как супруги, «в силу Таинства поставляются на самую настоящую миссию: исходя из простых, обыденных вещей видимым образом являть любовь, которой Христос возлюбил Свою Церковь, продолжая полагать за нее жизнь»^[120].

122. Тем не менее плохо смешивать разные планы: нельзя накладывать на двух слабых людей чудовищное бремя долга в совершенстве воспроизводить союз Христа с Церковью, поэтому брак как знак предполагает «динамичный процесс, который постепенно движется вперед со все более усиливающимся проникновением даров Божиих»^[121].

Вся жизнь, все вместе

123. После любви, соединяющей нас с Богом, супружеская любовь – «величайшая дружба»^[122]. Она – союз, обладающий всеми качествами доброй дружбы: поиск блага для другого, взаимность, близость, нежность, стабильность и схожесть друзей, постепенно создающаяся в разделенной друг с другом жизни. Однако брак добавляет ко всему этому нерасторжимую исключительность, выражающуюся в непоколебимом замысле разделить друг с другом и совместно созидать все бытие. Будем искренними и признаем знамения реальности: влюбленный не планирует, что такая связь устанавливается лишь на некоторое время; насыщенный переживающий радость супружества не думает о чем-то преходящем; те, кто сопровождают установление союза, наполненного любовью, пусть и хрупкого, надеются, что он сохранится во времени; дети не только хотят, чтобы родители любили друг друга, но и чтобы хранили верность и всегда оставались вместе. Эти и прочие признаки показывают, что в самой природе супружеской любви присутствует открытость окончательному. Союз, навсегда кристаллизовавшийся в супружеском обещании, нечто более чем общественная формальность или традиция, так как он укоренен в добровольных наклонностях человеческой личности; и для верующих этот союз – завет перед Богом,

требующим верности: «Господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, против которой ты поступил вероломно, между тем как она подруга твоя и законная жена твоя: [...] никто не поступай вероломно против жены юности своей. Ибо отречение Мне отвратительно» (*Vlg.*: Мал 2, 14.15.16).

124. Слабая или больная любовь, неспособная принять брак как вызов, требующий борьбы, возрождения, обновления и постоянного начинания заново до самой смерти, не в состоянии выдержать высокую планку обязательства. Она уступает культуре преходящего, препятствующей непрерывному процессу роста. Однако «обещание любви навсегда можно принести, только постигнув замысел, превосходящий собственные планы – замысел, укрепляющий нас и позволяющий нам подарить все будущее любимой личности»^[123]. Чтобы такая любовь смогла перенести все испытания и несмотря ни на что остаться верной, необходим укрепляющий и возвышающий ее дар благодати. Как говорил святой Роберт Беллармин, «то, что мужчина и женщина соединяются в исключительной и нерасторжимой связи так, что не могут расстаться, каковы бы ни были трудности, и даже когда растаяла надежда родить потомство, не может быть явью без великой тайны»^[124].

125. Брак – дружба, содержащая в себе черты, присущие страсти, но всегда нацеленная на союз, постепенно обретающий устойчивость и насыщенность. «Брак установлен не только ради деторождения», но для того, чтобы взаимная любовь «обретала свое верное выражение, развивалась и достигала зрелости»^[125]. Эта особая дружба мужчины и женщины приобретает итоговый характер, проявляющийся исключительно в супружеском союзе. Супруги всем делятся, включая сексуальность, неизменно при взаимном уважении. II Ватиканский Собор утверждал это, говоря, что «такая любовь, соединяя разом человеческие и Божественные ценности, приводит супругов к добровольному и взаимному дарению друг другу самих себя, выраженному посредством чувств и нежности и пронизывающему всю их жизнь»^[126].

Радость и красота

126. В браке хорошо заботиться о радости любви. Когда стремление к удовольствию становится одержимым, оно заключает нас в единственную сферу и не позволяет найти другие способы удовлетворения. Радость, напротив, расширяет способность наслаждаться и позволяет находить вкус в разных реалиях, даже на тех этапах жизни, когда удовольствие угасает. Поэтому святой Фома говорил, что слово «радость» используется в значении расширения границ сердца^[127]. Брачная радость, которую можно переживать даже в условиях скорби, предполагает согласие с тем, что брак – обязательная комбинация радостей и трудностей, трудов и отдыха, страданий и избавления, удовлетворения и поисков, неудобств и удовольствия, непременно – на пути дружбы, побуждающей супругов заботиться друг о друге: супруги «оказывают друг другу взаимную помощь и служат друг другу»^[128].

127. Любовь дружбы называется «милостью», если улавливается и постигается «высокая ценность» другого человека[129]. Красота – «высшая ценность» другого, не совпадающая с его физической или психологической привлекательностью – позволяет нам вкусить сакральность его личности без непреодолимой потребности обладать ею. В обществе потребления эстетическое чувство обедняется, и так угасает радость. Все существует ради приобретения, обладания и потребления; даже люди. Нежность, напротив, есть проявление любви, освобождающейся от эгоистичной жажды обладания. Она заставляет нас в безграничном уважении трепетать перед личностью, в некоторой степени опасаясь причинить ей вред или лишить ее свободы. Любовь к другому предполагает такую способность созерцать и ценить то, что прекрасно и священно в личностном существе, живущем независимо от моих потребностей. Это позволяет мне искать блага, даже когда я знаю, что это существо не может быть моим, или когда оно стало мне неприятным физически, враждебным или вызывает неприязнь. Поэтому «любовь, из-за которой одной личности приятна другая, обуславливает бескорыстную отдачу чего-нибудь другому»[130].

128. Эстетический опыт любви выражается во взгляде, видящем другого как «цель-в-себе», даже если другой болен, стар, лишен осязаемой привлекательности. Ценимый взгляд очень важен, а скупость во взгляде зачастую наносит ущерб. Сколько же всего порой делают супруги и дети, чтобы с ними считались и ценили их! Многие раны и кризисы появляются в минуту, когда мы перестаем созерцать друг друга. Именно такова суть звучащих в семьях жалоб и протестов. «Мой муж на меня не смотрит, словно я для него – невидимка». «Пожалуйста, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю». «Жена больше на меня не смотрит, теперь ее глаза прикованы к детям». «Дома мною никто не интересуется, они меня даже не видят, словно меня нет». Любовь открывает глаза и позволяет видеть, несмотря ни на что, насколько ценно человеческое существо.

129. Следует совершенствовать радость такой созерцательной любви. Коль скоро мы сотворены, чтобы любить, то знаем, что нет большей радости, чем делиться благом: «Давай и принимай, и утешай душу твою» (Сир 15, 16). Самые насыщенные радости жизни рождаются при возможности подарить счастье другим, как предвосхищение Небес. Заслуживает упоминания радостная сцена из фильма *Пир Бабетты*, когда щедрому повариху обнимают в знак признательности и хвалят: «Какое блаженство доставишь ты ангелам!». Это нежная и утешительная радость, извлекаемая из заботы об удовольствии других, когда видишь их наслаждение. Такая радость, как действие братской любви, не имеет ничего общего с тщеславием человека, смотрящего на самого себя. Это счастье любящего и сорадующегося благу любимого, изливаемому в другого и приносящего в нем плод.

130. С другой стороны, радость обновляется в скорби. Как говорил святой Августин, «чем сильнее была опасность в сражении, тем насыщеннее радость триумфа»[131]. После страданий и битвы плечом к плечу супруги ощущают, что это того стоило, ведь они обрели нечто доброе, вместе чему-то научились, либо начинают больше ценить то, что имеют.

Немногие человеческие радости такие же глубокие и ликующие, как радость двух любящих людей, вместе завоевавших нечто, что им стоило огромных совместных усилий.

Сочетаться браком по любви

131. Хочу сказать юношам и девушкам, что из перечисленного ничто не ослабеет, если любовь обретет форму института брака. В этом институте союз находит русло для сохранения устойчивости, реального и конкретного развития. Правда, что любовь намного больше внешнего согласия или формы брачного договора, но верно и то, что решение придать браку видимые очертания в обществе, взять на себя определенные обязательства проявляет ее значимость: это решение показывает серьезность отождествления с другим, свидетельствует о преодолении подросткового индивидуализма и выражает твердое решение принадлежать друг другу. Сочетаться браком – значит доказать, что материнское гнездо действительно оставлено ради установления иных крепких связей и взятия на себя новой ответственности по отношению к другому человеку. Это намного ценнее простого добровольного объединения ради взаимного удовлетворения, можно сказать, приватизации брака. Брак как общественный институт – защита и средство для взаимного обязательства, для созревания любви, чтобы решение в пользу другого возростало в устойчивости, конкретизировалось, углублялось и, одновременно, чтобы было возможным исполнить свою миссию в обществе. Поэтому брак долговечнее и устойчивее любой преходящей моды. Его суть укоренена в самой природе и в общественном характере человеческой личности. Брак предполагает ряд обязанностей, проистекающих, однако, из самой любви – любви очень решительной и щедрой и потому способной рискнуть будущим.

132. Тем самым выбор в пользу брака выражает реальное и действительное решение соединить две дороги в единую: пусть будет, что будет, несмотря на какие бы то ни было вызовы. В силу серьезности публичного обязательства любви решение не может быть поспешным, но по этой же причине нельзя его откладывать на неопределенный срок. Взятие на себя вместе с другим человеком исключительного и окончательного обязательства всегда предполагает долю риска и бесстрашного вызова. Отказ принять это обязательство – проявление эгоизма, заинтересованности, мелочности, неспособности признавать права другого. Отказ предполагает, что заинтересованный человек никогда не представит обществу другого как достойного безусловной любви. С другой стороны, те, кто по-настоящему влюблены, склонны показывать другим свою любовь. Любовь, конкретизированная в браке, заключенном перед другими, со всеми вытекающими из придания институциональной формы обязанностями, служит проявлением и защитой «да», данного без оговорок и ограничений. Сказать «да» – значит дать понять другому, что он может всегда полагаться, что его не бросят, если он утратит свою привлекательность, если столкнется с трудностями или если появятся новые возможности для получения удовольствия и потакания эгоистичным интересам.

Любовь проявляющаяся и возрастающая

133. Дружественная любовь соединяет все аспекты жизни в браке и помогает членам семьи не останавливаться на всех ее этапах. Поэтому проявления такой любви должны непрерывно развиваться, не скупиться, быть богатыми на щедрые слова. В семье «необходимо использовать три слова. Я хотел бы их повторить. Три слова: позволь, спасибо, прости. Три ключевые слова!»^[132]. «Если члены семьи не навязчивы и просят «позволь», если члены семьи не эгоисты и учатся говорить «спасибо», если в семье кто-то понимает, что поступил плохо и умеет сказать «прости», то в такой семье царят мир и радость»^[133]. Не будем скупиться на эти слова, давайте щедро повторять их день за днем, ведь, «бывает, порой в некоторых семьях довлеет молчание между мужем и женой, родителями и детьми, между братьями и сестрами»^[134]. Подходящие слова, сказанные в нужную минуту, защищают и питают любовь день ото дня.

134. Все это исполняется на пути постоянного возрастания. Такая особенная форма любви, как брак, призвана постоянно созревать, поэтому к ней всегда следует применять слова святого Фомы Аквинского о милосердии: «Милость по причине своей природы не имеет границ для расширения, так как сопричастна безграничной милости – Святому Духу. [...] И сам субъект не может поставить ей пределы, поскольку с развитием милости все более увеличивается и способность к внутреннему расширению»^[135]. Святой Павел с настойчивостью увещевает: «Вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем» (1 Фес 3, 12); и добавляет: «О братолюбии [...] умоляем же вас, братия, более преуспевать» (1 Фес 4, 9-10). И еще больше. Любовь в браке сохраняют, не говоря, в первую очередь, о нерасторжимости как об обязанности или повторяя учение, а укрепляя ее благодаря неизменному возрастанию под действием благодати. Не растущая любовь начинает подвергаться опасностям, мы можем развиваться, только соответствуя Божественной благодати через большее число проявлений любви, через более частые, насыщенные, бескорыстные, нежные, радостные проявления симпатии. Муж и жена «испытывают чувство единения и с каждым днем углубляют его»^[136]. Дар Божественной любви, изливаемый на супругов, одновременно представляет собой призыв к постоянному развитию этого дара благодати.

135. Фантазии о любви идиллической, совершенной и потому лишенной какого бы то ни было стимула к развитию, не служат на пользу. Небесная идея о земной любви забывает, что лучшее – это еще не достигнутое, вино, ставшее выдержанным с течением времени. Как напомнили епископы Чили, «не существует совершенных семей, которые нам предлагает обманная потребительская реклама. В них не проходят годы, не бывает болезней, скорби, смерти [...]. Потребительская реклама демонстрирует иллюзию, не имеющую ничего общего с реалиями, которые отцам и матерям семейства приходится преодолевать день за днем»^[137]. Намного здоровее принимать с реализмом ограничения, вызовы и несовершенства, прислушиваться к призыву расти в единстве, позволять любви созреть и

возделывать крепость союза: пусть будет, что будет.

Диалог

136. Диалог – привилегированный и неотъемлемый порядок переживать, выразить любовь и позволить ей созреть в супружеской и семейной жизни. Однако для него необходима длительная и требовательная тренировка. Мужчины и женщины, взрослые и молодежь по-разному общаются, пользуются разными средствами выражения, ориентируются на разные коды. Способ постановки вопросов, качество ответов, используемый тон, моменты и многие прочие факторы могут обуславливать коммуникацию. К тому же всегда необходимо развивать определенные подходы, выражающие любовь и делающие возможным искренний диалог.

137. Надо уделять время – качественное время, заключающееся в терпеливом и внимательном слушании, чтобы другой выразил все, что испытывал потребность высказать. Для этого необходим аскетический навык не начинать разговор до подходящего момента. С другой стороны, чтобы начать предлагать мнения и советы, следует убедиться в том, что ты выслушал все, что другому нужно сказать. Это предполагает внутреннее молчание, чтобы выслушать без шума в сердце и в мыслях: отказаться от поспешности, отложить собственные потребности и срочные дела, создать «пространство». Часто одному из супругов не обязательно нужно найти решение своих проблем, а просто чтобы его выслушали. Он должен ощутить, что его мучение, разочарование, страх, гнев, надежды, мечта приняты. Тем не менее нередко звучат подобные жалобы: «Супруг меня не слушает. Когда кажется, что он меня слушает, на самом деле думает о другом». «Говорю и чувствую, что он ждет, когда я добровольно остановлюсь». «Когда говорю, старается поменять тему либо дает поспешные ответы, чтобы завершить беседу».

138. Следует развивать привычку признавать реальную важность другого человека. Речь идет о том, чтобы ценить его личность, признавать право на существование, на самостоятельное мышление, на счастье. Никогда не следует недооценивать то, что он может сказать или потребовать, хотя необходимо выражать и свою точку зрения. Именно в этом подразумевается убежденность в том, что все могут внести свой вклад, поскольку у них иной жизненный опыт, поскольку они смотрят на положение дел с другого ракурса, поскольку у них сложились свои опасения и каждый наделен разными способностями и интуицией. Признавать истину другого, важность его самых сокровенных опасений и подтекст того, что он говорит, можно даже за агрессивными словами. Поэтому нужно стараться поставить себя на его место и понять глубину его сердца, определить, что зажигает в нем страсть и принять ее как отправную точку для развития диалога.

139. Необходима мировоззренческая широта, чтобы одержимо не замыкаться на нескольких идеях, а быть гибким для изменения или дополнения своего мнения. Возможно, что из моей

мысли и мысли другого проявится новый синтез, обогащающий нас обоих. Желаемое единство – не единообразие, а «единство в различии» или «примиренное различие». В таком обогащающем стиле братского единения разные люди встречаются, уважают и ценят друг друга, сохраняя при этом отличающиеся оттенки и акценты, обогащающие общее благо. Нужно освободиться от обязанности быть одинаковыми. И еще нам необходима осмотрительность, чтобы со временем приспособиться к возможным «помехам», чтобы те не разрушили процесс диалога. Например, следует распознавать возможность появления злых чувств, оградиться от них, чтобы они не поставили под угрозу общение. Важна способность выражать ощущаемое, не ранив другого; использовать такую форму языка и разговора, которые другому легче принять и выдержать, даже при требовательном содержании; выражать критику, не раздражаясь гневом в качестве своего рода мщения, избегать морализаторства, старающегося атаковать, высмеять, обвинить, ранить. В супружеской паре многие споры начинаются не из-за очень серьезных вопросов. Порой речь идет о незначительных, маловажных вещах, однако души переворачивает именно то, как эти проблемы озвучены, от отношения к ним со стороны ведущих диалог.

140. Проявлять знаки внимания к другому и показывать привязанность. Любовь преодолевает наихудшие преграды. Когда можно любить кого-то или когда мы чувствуем себя любимыми, нам удастся лучше понять, что он хочет выразить и дать нам понять. Преодолевать хрупкость, внушающую нам страх перед другим человеком, как перед «конкурентом». Очень важно основывать свою уверенность на глубоких решениях, убеждениях и ценностях, а не на победе в споре или требовании предоставить разъяснения.

141. Наконец, мы знаем, что для плодотворного диалога нужно иметь, что сказать, а для этого требуется внутреннее богатство, подкрепляемое чтением, личной рефлексией, молитвой и открытостью обществу. Иначе беседы оказываются скучными и бессодержательными. Если оба супруга не заботятся о своем духе, если отсутствуют разнообразные отношения с другими людьми, то семейная жизнь становится эндогамной, а диалог обедняется.

Страстная любовь

142. II Ватиканский Собор учил, что супружеская любовь «объемлет собою благо всей человеческой личности и потому может придать особое достоинство телесным и душевным проявлениям, а также облагородить их как составные части и особые знаки супружеской дружбы»^[138]. Должна быть причина, почему лишенная удовольствия и страсти любовь несостоятельна как символ союза человеческого сердца с Богом: «Все мистики утверждали, что сверхъестественная любовь и небесная любовь обретают искомые символы в большей мере именно в супружеской любви, а не в дружбе, не в сыновнем чувстве или в посвящении себя какому-либо делу. И причина заключается именно в ее всестороннем характере»^[139].

Отчего же не остановиться на разговоре о чувствах и сексуальности в браке?

Мир эмоций

143. Желания, чувства, эмоции, все, что классики называли «страстями», занимают в браке важное место. Они зарождаются, когда «другой» – рядом и проявляет себя в нашей жизни. Любому живому существу присуще стремиться к другой реальности, и эта склонность всегда проявляет базовые аффективные признаки: удовольствие либо боль, радость либо страдание, нежность либо страх. Это предпосылка простейшей психологической деятельности. Человеческое существо живет на этой земле, и все, что оно совершает и чего ищет, наполнено страстями.

144. Иисус, будучи истинным человеком, переживал события с определенной степенью чувствительности. Поэтому Он скорбел, будучи отвержен Иерусалимом (см. Мф 23, 27), и проливал слезы (см. Лк 19, 41). Равным образом Он испытывал сострадание, став свидетелем страданий народа (см. Мк 6, 34). Видя других плачущими, скорбел, и возмущался духом (см. Ин 11, 33), и Сам оплакивал кончину друга (см. Ин 11, 35). Эти проявления чуткости свидетельствуют, насколько Его человеческое сердце было открыто в отношении других людей.

145. Сами по себе эмоции нельзя с позиций морали назвать благими или дурными^[140]. Начало желания или неприятия чего-либо не греховно и не достойно порицания. Благим или дурным оказывается поступок, совершенный вследствие импульса либо содействия одной из страстей. Но если мы даем чувствам подпитку и стремимся к ним, а из-за них поступаем плохо, то зло основывается на решении культивировать такие чувства и в вытекающих из этого дурных поступках. Подобным образом, влечение к кому-то само по себе еще не является благом. Если я своим влечением поработаю личность, это чувство служит моему эгоизму. Вера, что мы хорошие только потому, что «испытываем чувства» – чудовищный обман. Есть люди, ощущающие в себе способность сильно полюбить лишь потому, что сами очень нуждаются в привязанности. Они неспособны бороться за счастье других людей, их жизнь ограничена собственными желаниями. В этом случае чувства отрываются от великих ценностей и маскируют эгоцентризм, не позволяющий поддерживать в семье здоровую и счастливую жизнь.

146. С другой стороны, страсть, сопровождая свободный поступок, может проявлять глубину выбора. Супружеская любовь обращает всю эмоциональную жизнь на благо семьи и служит совместной жизни. Семья становится зрелой, когда эмоциональная жизнь ее членов трансформируется в чуткость, которая не довлеет и не затмевает серьезные решения и ценности, а поддерживает свободу выбора^[141], проистекает из нее, обогащает, совершенствует ее и делает более гармоничной на благо всем.

Бог любит радость Своих чад

147. Для этого необходим педагогический путь – процесс, требующий отречения. Уверенность Церкви в этом много раз отвергали как враждебную счастью человека. Бенедикт XVI очень ясно обобщил подобные вопрошания: «Разве своими приказаниями и запретами Церковь не делает горьким для нас то, что в жизни является самым прекрасным? Разве она не выставляет запретительных знаков именно там, где радость, предназначенная для нас Творцом, предлагает нам счастье, позволяющее предвкусить нечто Божественное?»^[142]. Однако Папа отвечал, что, хотя в христианстве было немало крайностей и искаженного аскетизма, официальное учение Церкви, верное Писанию, не отвергало «эрос как таковой, но объявило войну его разрушительному искажению, поскольку имеющее здесь место ложное обожествление эроса лишает его присущего ему достоинства, делая его бесчеловечным»^[143].

148. Воспитание эмоциональности и инстинкта необходимо, и поэтому порой обязательно устанавливать определенные границы. Избыток, отсутствие контроля, одержимость одним из типов наслаждений в итоге ослабляют и заражают удовольствием^[144], нанося ущерб семейной жизни. Но на самом деле со страстями можно пройти прекрасный путь, если все более направлять их к замыслу самопожертвования и полной самореализации, обогащающей межличностные отношения в семье. Нет необходимости отказываться от моментов особенно сильной радости^[145], но следует сочетать их с иными моментами – щедрой самоотдачи, терпеливой надежды, неизбежной усталости, стремления к идеалу. Все это – семейная жизнь, которая заслуживает того, чтобы быть прожитой во всей своей полноте.

149. Некоторые духовные течения настаивают на подавлении желания ради освобождения от скорби. Но мы верим, что Богу угодна радость человеческого существа, что Он сотворил все «для наслаждения» (1 Тим 6, 17). Пусть в Его нежности струится радость, Он Сам нам предлагает: «Сын мой! [...] делай добро себе. Не лишай себя доброго дня» (Сир 15, 11.14). Супружеская пара исполняет волю Божию, следуя библейскому призыву: «Во дни благополучия пользуйся благом» (Еккл 7, 14). Важно, чтобы, будучи свободным, согласиться с тем, что наслаждение по-разному проявляет себя в различные минуты жизни, в соответствии с потребностями взаимной любви. В этом смысле можно принять предложение некоторых восточных учителей расширить границы сознания ради избавления от оков ограниченного опыта, закрывающего перспективы. Расширение границ сознания – не отрицание и не разрушение желания, а, скорее, его увеличение и совершенствование.

Эротическое измерение любви

150. Все это побуждает нас поговорить о сексуальной жизни супругов. Сам Бог сотворил сексуальность как чудесный дар для Своих творений. Сексуальность совершенствуют и

стараятся не ослаблять контроль именно для воспрепятствования «обеднению истинной ценности»[146]. Святой Иоанн Павел II отверг идею, что учение Церкви якобы ведет к «отрицанию сексуальности человека» или просто терпит ее «из-за потребности в продолжении рода»[147]. Сексуальная потребность супругов – не объект презрения, и «эта потребность никоим образом не должна подвергаться сомнению»[148].

151. Опасающимся, что воспитание страстей и сексуальности наносит вред спонтанности сексуальной любви, святой Иоанн Павел II отвечал, что человеческое существо «призвано к полной и зрелой добровольности отношений», которая есть «постепенный плод распознавания побуждений своего сердца»[149]. Этого можно добиваться, поскольку любое человеческое существо «должно настойчиво и последовательно изучать значение и смысл тела»[150]. Сексуальность – не ресурс для награждения или удержания, поскольку представляет собой язык межличностного общения, в котором другого воспринимают серьезно, с его священной и неприкосновенной ценностью. Тем самым «человеческое сердце, можно сказать, становится участником спонтанности другого»[151]. В этом русле эротизм предстает специфически человеческим проявлением сексуальности. В нем можно обнаружить «супружеское значение тела и истинное достоинство дара»[152]. В катехетических беседах о богословии человеческого тела святой Иоанн Павел II учил, что сексуальная телесность «не только источник плодовитости и продолжения рода», но оно обладает «способностью выражать любовь – именно ту любовь, в которой человек-личность становится даром»[153]. Хотя здоровый эротизм и связан с поиском наслаждения, он предполагает также изумление и потому способен делать побуждения гуманными.

152. Поэтому мы никоим образом не можем считать эротическое измерение любви дурной предпосылкой или бременем, которое приходится нести ради блага семьи; скорее, нужно понимать его как дар Божий, украшающий встречу супругов. Будучи страстью, которая возвышена любовью, восхищающейся достоинством другого человека, это измерение становится «полным и кристально чистым утверждением любви», показывающим, на какие чудеса способно человеческое сердце. Тем самым мгновенно «становится понятно, что человеческая жизнь оказалась успешной»[154].

Насилие и манипуляция

153. В русле положительного видения сексуальности целесообразно затронуть тему во всей ее полноте, со здравым реализмом. Нельзя игнорировать того, что часто сексуальность деперсонализируется и наполняется патологиями, из-за чего «все больше и больше превращается в поле и орудие самоутверждения и себялюбивого удовлетворения желаний и влечений»[155]. В нашу эпоху существует большая опасность того, что и над сексуальностью будет доминировать ядовитый дух «используй и выбрось». Телом другого часто манипулируют как чем-то, что можно хранить, пока оно доставляет удовлетворение, и что следует ни во что не ставить, когда оно утратит свою привлекательность. Разве можно

игнорировать или замаскировать постоянные формы доминирования, давления, злоупотребления, извращения и сексуального насилия – плоды деформации смысла сексуальности, погребаящие достоинство других людей и призыв к любви под непонятным поиском самих себя?

154. Нелишне вспомнить, что даже в браке сексуальность может стать источником страдания и манипулирования. Поэтому мы должны ясно подчеркнуть, что «супружеский акт, навязанный супругу без какого-либо внимания к его условиям и оправданным желанием, не есть подлинный акт любви и, следовательно, противоречит тому, чего справедливо требует нравственный порядок в отношениях между супругами»^[156]. Акты, присущие сексуальному союзу супругов, отвечают природе сексуальности, угодной Богу, если «совершаются воистину по-человечески»^[157]. Поэтому святой Павел наставлял: «Никто из вас в сем пусть не обижает и не обманывает своего брата» (*Vlg.*: 1 Фес 4, 6). И хотя он писал в эпоху доминирования патриархальной культуры, где женщину считали существом, совершенно подчиненным мужчине, он все же учил, что сексуальность – проблема, требующая обсуждения между супругами: он предусматривал возможность временного воздержания от сексуальных отношений, но только «по согласию» (1 Кор 7, 5).

155. Святой Иоанн Павел II сделал очень тонкий намек, сказав, что мужчине и женщине «угрожает ненасытность»^[158]. Это значит, что они призваны ко все более тесному союзу, однако есть опасность пытаться стереть различия и неизбежную дистанцию между ними двумя, потому что каждый обладает собственным, неповторимым достоинством. Когда драгоценная взаимная принадлежность трансформируется в господство, «по сути [...] меняется структура общения в межличностных отношениях»^[159]. По логике господства господин начинает отрицать и собственное достоинство^[160] и, в конечном счете, позволяет себе «субъективно отождествляться со своим телом»^[161], так как лишает тело какой бы то ни было значимости. Он воспринимает секс как бегство от себя и как отказ от красоты союза.

156. Важно ясно отрицать любую форму сексуального подчинения. Поэтому целесообразно избегать неверного толкования отрывка из Послания к Эфессянам, требующего: «Жены, повинуйтесь своим мужьям» (Еф 5, 22). Святой Павел здесь выражает свою мысль в культурных категориях, присущих той эпохе, но мы должны усвоить не эту культурную оболочку, а заключенное в тексте послание, проистекающее из всей перикопы. Вспомним мудрое объяснение святого Иоанна Павла II: «Любовь исключает любого рода подчинение, ввиду которого жене надлежало бы стать служанкой или рабыней мужа [...]. Общность или союз, который они должны построить в силу брака, реализуется через взаимное дарование, представляющее собой взаимное подчинение»^[162]. Поэтому также сказано: «Должны мужья любить своих жен, как свои тела» (Еф 5, 28). На самом деле, библейский текст призывает преодолеть удобный индивидуализм, чтобы жить, обратившись к другим: «Повинуйся друг другу» (Еф 5, 21). Между супругами это взаимное «подчинение»

приобретает особый смысл и понимается как добровольно избранная взаимная принадлежность, с совокупностью всех качеств верности, уважения и заботы. Сексуальность неотделима от служения такой супружеской дружбы, поскольку стремится делать так, чтобы другой жил в полноте совершенства.

157. Тем не менее отказ от искажения сексуальности и эротизма ни в коем случае не должен заставлять нас пренебрегать ими или не обращать на них внимание. Идеал брака нельзя обрисовать лишь как щедрую и жертвенную самоотдачу, при которой каждый отказывается от всех личных потребностей и заботится лишь о том, как сделать благое для другого, не получая никакого удовлетворения. Вспомним, что истинная любовь умеет брать от другого, способна принять себя как ранимую и нуждающуюся личность, с искренней и счастливой благодарностью не отказывается от телесных знаков любви: ласки, объятия, поцелуя и сексуального соития. Бенедикт XVI ясно высказался на сей счет: «Если человек стремится быть лишь духом и желает отвергнуть плоть как некое исключительно животное наследие, тогда дух и тело утрачивают свое достоинство»^[163]. По этой причине «человек не может также жить исключительно в самоотверженной, нисходящей любви. Он не может всегда только отдавать, он должен также и получать. Желаящий дарить любовь должен и сам получать ее в дар»^[164]. В любом случае, стоит помнить, что человеческое равновесие шатко, что в человеке всегда что-то сопротивляется очеловечиванию и в любой момент может вновь вырваться из-под контроля, вернув себе самые примитивные и эгоистичные склонности.

Брак и девство

158. «Многие люди, не вступившие в брак, не только преданы своей родной семье, но часто исполняют важное служение в кругу друзей, в церковной общине и в профессиональной жизни. [...] Многие посвящают свои таланты служению христианской общине в духе милосердия и добровольчества. Есть и те, кто не вступают в брак, посвятив свою жизнь любви ко Христу и к братьям. Благодаря их самоотречению семья, в Церкви и в обществе, значительно обогащается»^[165].

159. Девство – одна из форм любви. Как знак оно напоминает нам об угождении Царствию, о необходимости без остатка посвящать себя делу евангелизации (ср. 1 Кор 7, 32); оно – отражение полноты Небес, где «ни женятся, ни выходят замуж» (Мф 22, 30). Святой Павел рекомендовал хранить девство, поскольку ожидал неизбежного второго пришествия Иисуса и желал, чтобы все сконцентрировались исключительно на евангелизации: «Время уже коротко» (1 Кор 7, 29). Тем не менее было ясно, что это его личная точка зрения и его собственное желание (см. 1 Кор 7, 6-8), а не требование Христа: «Я не имею повеления Господня» (1 Кор 7, 25). При этом он признавал ценность различных призваний: «Каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе» (1 Кор 7, 7). В этом ключе святой Иоанн Павел II утверждал, что библейские тексты «не предоставляют нам причину

настаивать ни на «низменности» брака, ни на «превосходстве» девства или безбрачия»[166] по причине сексуального воздержания. Вместо разговора о каком бы то ни было превосходстве девства представляется уместным показать, что разные состояния жизни комплементарны, поэтому какое-то из них может быть совершеннее в одних аспектах, а другое – в чем-то своем. Александр Гэльский, например, утверждал, что в определенном смысле брак может считаться выше прочих таинств: ведь он символизирует нечто высокое, как «союз Христа с Церковью или союз божественной природы и человеческой»[167].

160. Поэтому «речь не идет о снижении ценности брака в пользу воздержания»[168], и «здесь нет никакой основы для воображаемого противопоставления [...]. Если, в определенной богословской традиции воздержание называется состоянием совершенства [*status perfectionis*], то не из-за собственно воздержания, а в связи со всей совокупностью жизни, построенной на евангельских советах»[169]. Тем не менее человек, состоящий в браке, может переживать милость в наивысшей степени. Итак, «он, благодаря верности духу евангельских советов, достигает совершенства, проистекающего из милости. Подобное совершенство возможно и доступно любому человеку»[170].

161. Девство имеет символическую ценность любви, не нуждающейся в обладании другим, и тем самым отражает свободу Небесного Царства. Оно призывает супругов переживать супружескую любовь в перспективе окончательной любви ко Христу, как совместный путь к полноте Царства. В свою очередь, любовь супругов представляет иные символические ценности: с одной стороны, она – своеобразное отражение Троицы. Троица – полное единство, в котором при этом наличествует и различие. Семья – христологический знак, так как в ней явлен знак близости Бога, разделяющего жизнь человеческого существа: в Воплощении, на Кресте и в Воскресении. Каждый супруг становится «единой плотью» с другим и отдает себя самого, чтобы полностью разделить этот знак с другим вплоть до конца. И если девство – «эсхатологический» знак воскресшего Христа, то брак – «исторический» знак для тех, кто следует по земле – знак земного Христа, Которому было угодно соединиться с нами и отдать Себя вплоть до пролития крови. Девство и брак – разные способы любить, и они должны быть такими, потому что «человек остается сам для себя существом непонятым, а его жизнь – лишенной смысла, если ему не будет дано откровения любви»[171].

162. Безбрачию угрожает опасность оказаться комфортным одиночеством, предоставляющим свободу для самостоятельного передвижения, смены места, обязанностей и решений, позволяющим распоряжаться своими деньгами, встречаться с разными людьми, в зависимости от их привлекательности в определенный момент. В таком случае сияет свидетельство женатых людей. Те, кто призван к девству, могут встретить в некоторых супружеских парах ясное знамение бескорыстия и нерушимой верности Бога Своему Завету, что может подтолкнуть их сердца к более конкретной жертвенной отзывчивости. Ведь многие люди, состоящие в браке, несмотря на множество

возможностей, склоняющих к неверности или отречению, хранят верность супругу, даже если тот стал физически неприятным, не удовлетворяющим их потребностям. Женщина заботится о своем больном муже и, предстоя у Креста, не прекращает повторять ему «да» своей любви вплоть до смерти. В такой любви великодушно проявляется достоинство любящего – достоинство, как отблеск милосердия, ведь именно милосердию присуще более любить, чем искать любви[172]. Во многих семьях мы также можем встретить жертвенное и нежное служение трудным и даже неблагодарным детям. Тем самым родители становятся знаком добровольной и бескорыстной любви Иисуса. Все это призывает безбрачных лиц более щедро и отзывчиво переживать свое посвящение Царству. Сегодня секуляризация затуманила ценность союза на всю жизнь и обесценила богатство брачной преданности, поэтому «необходимо глубже исследовать положительные аспекты супружеской любви»[173].

Преображение любви

163. Увеличение продолжительности жизни проявило феномен, не распространенный в прошлом: интимная связь и взаимная самоотдача должны сохраняться четыре, пять или даже шесть десятилетий, следовательно, изначальное решение требуется обновлять вновь и вновь. Возможно, один из супругов уже больше не испытывает сильное сексуальное влечение к другому, однако ему приятно принадлежать другому супругу и знать, что тот тоже принадлежит ему, знать, что он не одинок, что у него есть «сообщник», который все знает о его жизни и истории и все разделяет с ним. Он – спутник на жизненном пути, с которым можно преодолевать трудности и наслаждаться прекрасным. И это рождает удовлетворение, сопутствующее желанию, присущему супружеской любви. Мы не можем обещать себе, что всю жизнь будем испытывать одни и те же чувства. Но, безусловно, мы можем построить устойчивый совместный план, стараться любить друг друга и жить в единстве, пока смерть не разлучит нас, и всегда переживать насыщенную близость. Обещанная нами любовь выше любых эмоций, чувств и настроений, хотя и может включать их в себя. Она – желание сокровенного блага, решение, принятое сердцем, вовлекающее все существование. Так, и в разгар неразрешенного конфликта, хотя в сердце бурлит множество чувств, день за днем сохраняется решение любить, принадлежать, разделить всю жизнь и продолжать любить и прощать друг друга. Каждый из двоих проходит путь личного развития и перемен. На этом пути любовь прославляет каждый шаг и каждый новый этап.

164. В ходе истории конкретного брака физический аспект меняется, но это не причина для ослабления интереса, пронизанного любовью. Человек влюбляется во всю личность, наделенную собственной идентичностью, а не только телом, хотя тело, несмотря на изнашивание со временем, никогда не перестанет некоторым образом выражать личностную идентичность, покорившую сердце. И даже когда другие больше не могут видеть красоту этой идентичности, влюбленный супруг по-прежнему способен улавливать

ее инстинктом любви, и привязанность не исчезает. Он подтверждает свое решение принадлежать этой идентичности, вновь выбирает ее и выражает это верной, преисполненной нежности близостью. Благородство его решения в пользу этой идентичности, будучи насыщенным и глубоким, пробуждает новую форму чувства в исполнении супружеской миссии, поскольку «эмоция, вызванная другим человеческим существом как личностью [...], сама по себе не стремится к супружескому акту»^[174]. Она приобретает чувственное выражение, так как любовь «является единой реальностью, имеющей пусть даже разные измерения; иногда то одно, то другое из них может проявляться в большей степени»^[175]. Связь находит новые формы выражения и заставляет все время вновь принимать решение для его укрепления. Не только чтобы сохранить его, но чтобы позволить ему возрасть. Этот путь нужно строить день за днем. Но ничто из этого не возможно, если не молить Святого Духа излить благодать, сверхъестественную силу и духовный огонь ради укрепления, направления и преобразования нашей любви в любой новой ситуации.

ГЛАВА V

ЛЮБОВЬ, СТАНОВЯЩАЯСЯ ПЛОДОНОСНОЙ

165. Любовь всегда дает жизнь. Поэтому супружеская любовь «не ограничивается рамками только пары [...]. Супруги,веряясь друг другу, производят на свет новую реальность – дитя, живой образ их любви, неизменное знамение их супружеского единства, живое и неотъемлемое свидетельство их отцовства и материнства»^[176].

Принять новую жизнь

166. Семья – сфера не только зарождения, но и приема жизни, появляющейся как дар Божий. Всякая новая жизнь «позволяет нам открыть наиболее бескорыстное измерение любви, никогда не прекращающее нас изумлять. Это прекрасно – быть любимым изначально: ведь детей любят еще до их появления на свет»^[177]. В этом отражается первенство любви Бога, всегда берущего на Себя инициативу, ведь детей «любят прежде, чем они сделают что-то, чтобы заслужить любовь»^[178]. Тем не менее «многих детей с самого начала отвергают, бросают, лишают детства и будущего. Кто-то осмелится сказать в свое оправдание, что появление этих детей на свет было ошибкой. Какой позор! [...] Зачем мы принимаем торжественные хартии прав человека и прав ребенка, если затем наказываем детей за ошибки взрослых»^[179]. Если ребенок приходит в мир в нежелательных условиях, то родители или другие члены семьи должны сделать все возможное, чтобы принять его как дар Божий, взять на себя ответственность за его прием в духе открытости и любви, потому что, «когда речь идет о приходящих в мир детях, никакую жертву взрослых нельзя считать слишком дорогой или великой, лишь бы ребенок не считал себя ошибкой, ничего не стоящим существом, и не был предоставлен ранам, наносимым

жизнью, и самоуправству взрослых»[180]. Дар нового ребенка, доверяемый Господом папе и маме, начинается с принятия, продолжается защитой в течение земной жизни, а его окончательное предназначение – радость вечной жизни. Спокойный взгляд на реализацию человеческой личности позволит родителям еще лучше осознать драгоценность вверенного им дара: ведь Бог позволяет им выбрать имя, по которому Он позовет каждого из Своих чад в вечность[181].

167. Многодетные семьи – радость для Церкви. В них любовь выражает свою щедрую плодородность. Но это не означает, что можно забыть здравое предупреждение святого Иоанна Павла II, объяснявшего, что ответственное родительство – это «не неограниченное воспроизводство и не отсутствие понимания того, что значит – вырастить детей, но, в первую очередь, возможность, данная парам, мудро и ответственно использовать их неприкосновенную свободу с учетом социальных и демографических реалий, равно как собственного положения и законных пожеланий»[182].

Любовь в ожидании, присутствии беременности

168. Беременность – трудный период и при этом чудесное время. Мать сотрудничает с Богом в совершении чуда новой жизни. Материнство исходит из «особого творческого потенциала женского организма, нацеленного на зачатие и зарождение человеческого существа»[183]. Каждая женщина участвует «в тайне творения, обновляющейся с рождением нового человека»[184]. Как сказано в Псалме, «Ты соткал меня во чреве матери моей» (Пс 139 (138), 13). Всякий ребенок, формирующийся в матери, есть вечный замысел Бога Отца и Его вечной любви: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер 1, 5). Всякий ребенок всегда заключен в сердце Бога, и в мгновение зачатия исполняется вечная мечта Творца. Давайте подумаем, насколько ценен эмбрион с мгновения своего зачатия! Необходимо смотреть на него любящим взглядом Отца, всегда видящего суть за внешностью.

169. Беременная женщина может участвовать в замысле Божиим, представляя себе своего ребенка: «Все мамы и все папы девять месяцев мечтали о своем ребенке. [...] Семья без мечты невозможна. Когда семья утрачивает способность мечтать, дети не растут, и любовь не растет, жизнь ослабевает и угасает»[185]. Для христианской супружеской пары Крещение – обязательный элемент этой мечты. Родители готовятся к нему своей молитвой, вверяя еще до рождения ребенка Иисусу.

170. Благодаря научному прогрессу сегодня заранее можно узнать, какой цвет волос будет у ребенка, какими заболеваниями он может страдать в будущем, так как все соматические характеристики личности вписаны в генетический код на этапе эмбрионального развития. Но лишь сотворивший личность Отец знает ее до конца. Лишь Он знает, что ценнее, важнее всего, ведь Он знает, кто этот ребенок, какова его сокровенная идентичность. Матери,

носящей в лоне ребенка, необходимо испрашивать у Бога свет, чтобы глубже узнать своего ребенка и ожидать его появления таким, каким он есть на самом деле. Бывает, родители считают, что ребенок появляется не в лучшее время. Им нужно просить Господа об исцелении и укреплении, чтобы безоговорочно принять такого ребенка, чтобы всем сердцем ждать его появления. Важно, чтобы ребенок чувствовал, что его ждали. Он – не дополнение и не удовлетворение личного желания. Он – бесценное человеческое существо, и его нельзя использовать ради собственной выгоды. Итак, не важно, нужна или не нужна тебе эта новая жизнь, наделена ли она характеристиками, которые тебе нравятся или не нравятся, отвечает или не отвечает она твоим планам и мечтам, потому что «дети – дар. Каждый уникален и неповторим [...]. Ребенка любят, потому что он ребенок: не за красоту, не за одно или другое; нет, потому что – ребенок! Не потому что он думает, как я, или воплощает мои желания. Ребенок есть ребенок»^[186]. Родительская любовь – орудие любви Бога Отца, с нежностью ожидающего рождения каждого ребенка, принимающего его безоговорочно и бескорыстно.

171. Каждую беременную женщину я хочу просить с любовью: заботься о своей радости, которая ничего не отбирает у внутренней радости материнства. Этот ребенок заслуживает твоей радости. Не позволяй себе бояться, беспокоиться, не разрешай чужим комментариям или проблемам угасить счастье быть орудием Божиим, приносящим в мир новую жизнь. Занимайся тем, что нужно сделать и подготовить, но без одержимости, и прославляй, как Дева Мария: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моем, ибо призрел Он на смирение рабы Своей» (Лк 1, 46-48). Живи со спокойным энтузиазмом среди твоих невзгод и моли Господа сохранить твою радость, чтобы ты могла передать ее ребенку.

Любовь матери и отца

172. «Сразу после рождения дети начинают получать в дар вместе с питанием и уходом за ними подтверждение духовных качеств любви. Деяния любви совершаются через дар личного имени, общий язык, намерения взглядов, свет улыбок. Так дети постигают, что красота связи между человеческими существами формирует нашу душу, устремляется к нашей свободе, принимает отличия другого человека, признает и уважает его как собеседника. [...] Именно это – любовь, несущая в себе искру любви Божией!»^[187]. У каждого ребенка есть право получать любовь матери и отца, оба важны для его целостного и гармоничного развития. По заявлению епископов Австралии, «каждый по-своему вносит вклад во взросление ребенка. Уважать достоинство ребенка – значит подтверждать его потребность и естественное право иметь мать и отца»^[188]. Речь идет не только о любви отца и о любви матери по отдельности, но и о любви между ними, воспринимаемой ребенком в качестве источника своего существования, принимающего гнезда и фундамента семьи. Без этого ребенок окажется сведен на уровень игрушки. Оба, мужчина и женщина, отец и мать, «соратники любви Бога-Творца и как бы Его толкователи»^[189]. Они

показывают детям материнский и отеческий лик Господа, вместе учат ценности взаимности, встречи отличающихся друг от друга людей, в которую каждый привносит свою идентичность, при этом принимая идентичного другого. Если по какой-либо причине один из родителей неизбежно отсутствует, важно стараться отчасти компенсировать его функции ради надлежащего развития ребенка.

173. Чувство сиротства, которое сегодня испытывают многие дети, юноши и девушки, намного глубже, чем мы думаем. Сегодня мы признаем совершенно законным и даже желательным стремление женщин получить образование, работать, развивать свои способности и ставить личные цели. Но одновременно мы не можем игнорировать потребность детей в материнском присутствии, особенно в первые месяцы жизни. Реальность такова, что «женщина стоит перед мужчиной как мать, субъект новой человеческой жизни, которая в ней зачинается и развивается и от нее рождается на свет»^[190]. Сокращение материнского присутствия с присущими ему женскими качествами представляет собой серьезную угрозу для нашей земли. Я ценю феминизм, не претендующий на однородность и не отрицающий материнство. Величие женщины охватывает все права, проистекающие из неотъемлемого человеческого достоинства и из присущего ей женского гения, необходимого обществу. Именно женские способности – в особенности, материнство – налагают на нее обязанности, поскольку быть женщиной – значит исполнить на этой земле особую миссию, которую общество должно защищать и сохранять ради блага всех^[191].

174. Действительно, «матери – самое сильное противоядие от распространения эгоистичного индивидуализма. [...] Им надлежит свидетельствовать о красоте жизни»^[192]. Несомненно, «общество без матерей станет бесчеловечным обществом, поскольку матери умеют всегда, даже в худшие минуты, свидетельствовать о нежности, самоотдаче, нравственной силе. Матери часто передают глубокое чувство религиозной практики: в первых молитвах, в первых жестах благочестия, которым учится ребенок [...]. Без матерей не только не было бы новых верующих, но сама вера утратила бы добрую часть своего простого и глубокого тепла. [...] Дорогие мамы, благодарю, благодарю вас за то, кем вы есть в семье, и за все, что вы даете Церкви и миру»^[193].

175. Мать, защищающая ребенка своей нежностью и состраданием, помогает ему проявлять доверие, воспринимать мир как доброе, принимающее его место, и это позволяет развить самоуважение как способность к близости и эмпатии. С другой стороны, фигура отца помогает принять границы реальности, ему больше присуща функция ориентации и вывода в открытый мир, наполненный вызовами, функция призыва проявлять усилия и бороться. Отец наделен ясной и спокойной мужественной идентичностью, проявляющей любовь и внимание к супруге, и это столь же необходимо, как и материнские заботы. Их роли и задачи гибкие, они адаптируются к конкретным обстоятельствам каждой семьи, но ясное и четко определенное присутствие двух фигур, женской и мужской, создает наиболее

подходящую среду для взросления ребенка.

176. Говорят, что наше общество – «общество безотцовщины». В западной культуре фигура отца символически отсутствует, искажена, побледнела. Сама мужественность словно подвергается сомнению. Проявилось понятное смешение, поскольку «поначалу это воспринималось как освобождение: освобождение от отца-хозяина, от отца как представителя навязываемого извне закона, от отца как цензора радости детей и препятствия к эмансипации и самостоятельности молодежи. Порой в некоторых случаях в прошлом довлел авторитаризм, в некоторых случаях – самый настоящий произвол»^[194]. Однако, «как часто бывает, из одной крайности впали в другую. Проблема наших дней – не столько навязчивое присутствие отцов, сколько, скорее, их отсутствие, отстранение. Отцы настолько концентрируются на себе самих и своей работе, а порой – на индивидуальной самореализации, что даже забывают о семье. И оставляют в одиночестве детей и молодежь»^[195]. На присутствие отца, а значит, и на его власть влияет и то, что все больше времени уделяется средствам коммуникации и технологии досуга. К тому же сегодня к любой власти относятся с подозрением, авторитет взрослых – под большим сомнением. Они сами отказываются от ясности и не предлагают детям надежные, обоснованные ориентиры. Обмен ролями между родителями и детьми нельзя назвать здоровым: это вредит необходимому процессу взросления, через который детям нужно пройти, и удушает в них любовь, способную направлять и помогающую созреть^[196].

177. Бог ставит отца в семью, чтобы тот своими драгоценными мужскими качествами «был рядом с супругой, разделял с ней все – радости и печали, трудности и надежды. И [чтобы] быть рядом с детьми по мере их взросления: когда они играют и занимаются, когда они беззаботны или встревожены, когда выражают себя и когда молчат, когда дерзают и когда боятся, когда делают ошибочный шаг и когда возвращаются на дорогу; отец всегда присутствует рядом. «Присутствовать рядом» – не то же самое, что «контролировать», потому что отцы – излишне суровые контролеры – сводят детей на нет»^[197]. Некоторые отцы ощущают себя бесполезными, ненужными, но истина заключена в том, что «детям необходимо встретить отца, ожидающего их возвращения после падения. Дети сделают все, чтобы не признать этого, чтобы отец об этом не узнал, но им он необходим»^[198]. Плохо, когда дети остаются без отца и из-за этого раньше времени перестают быть детьми.

Неограниченная плодовитость

178. Многие супружеские пары не могут иметь детей. Мы знаем, какие страдания вызваны этим обстоятельством. С другой стороны, мы также знаем, что «брак установлен не только ради деторождения [...]. Поэтому даже в том случае, если отсутствует потомство, зачастую столь желанное, брак как тесная связь и общность всей жизни продолжается и сохраняет свою ценность и нерасторжимость»^[199]. К тому же «материнство – не исключительно биологическая реальность, и она проявляется по-разному»^[200].

179. Усыновление – в высшей степени бескорыстный путь реализации материнства и отцовства, я хотел бы ободрить тех, кто не может иметь детей, раскрыть свою супружескую любовь и принять к себе тех, кто лишен необходимой семейной обстановки. Вы никогда не пожалеете о своей щедрости. Усыновление – деяние любви, дарящее семью тем, кто ее лишен. Важно настаивать на законодательной поддержке процедуры усыновления, особенно нежеланных детей, в качестве противодействия абортам и отказам от новорожденных. Те, кто соглашаются с вызовом усыновления, безоговорочно и безвозмездно принимают человека, становятся посредниками любви Бога, говорящего: «Даже если бы и мать твоя забыла тебя, то Я никогда не забуду тебя» (Vlg.: Ис 49, 15).

180. «Выбор в пользу усыновления и опеки выражает собой особую плодovitость супружеского опыта, и не только в случаях, когда он болезненно отмечен бесплодием. [...] В ситуациях, когда ребенок нужен любой ценой, как претензия на собственную самодостаточность, правильно понимаемые усыновление и опека проявляют важный аспект родительства и сыновства, так как позволяют понять, что ребенок – биологический, усыновленный или взятый под опеку – самостоятельная личность и нужно принять, любить его, заботиться о нем, а не просто произвести на свет. Решение в пользу усыновления и опеки должно всегда вдохновляться преимущественным интересом ребенка»[201]. С другой стороны, «целесообразные законопроекты и государственный контроль должны препятствовать торговле детьми между странами и континентами»[202].

181. Целесообразно напомнить, что деторождение и усыновление – не единственные возможности переживать плодovitость любви. Многодетная семья также призвана оставить отпечаток на окружающем ее обществе, развивая другие формы плодovitости, как продолжение поддерживающей ее любви. Пусть христианские семьи не забывают, «что вера не вырывает нас из мира, а еще глубже в него погружает. [...] Ведь каждый из нас играет особую роль в приуготовлении пришествия Царствия Божия»[203]. Семья не должна воспринимать себя как убежище от общества, но, напротив, выходить из своего дома в поисках солидарности. Так она становится пространством интеграции личности с обществом и связующим звеном между общественным и частным. При этом любовь, соединяющая членов семьи, не уменьшается, а наполняется новым светом. Как писал один поэт,

«Твои руки – это моя нежность,
 Мои повседневные аккорды.
 Я люблю тебя, потому что твои руки
 Трудятся ради справедливости.
 Если я люблю тебя, то потому, что ты
 Моя любовь, мой единомышленник, моё всё,
 И на улице плечом к плечу
 Мы намного больше, чем просто двое»[204].

182. Никакая семья не может стать плодотворной, если ощущает себя совсем непохожей на другие семьи, «особенной». Во избежание этой опасности напомним, что семья Иисуса, исполненная благодати и мудрости, не воспринималась как «инородная», как чуждый и далекий народу дом. Вот почему людям было непросто признать мудрость Иисуса, они удивлялись: «Откуда у Него это? [...] Не плотник ли Он, сын Марии?» (Мк 6, 2-3). «Не плотников ли Он сын?» (Мф 13, 55). Это подтверждает, что семья была простая, близкая ко всем, как и все, включенная в народ. Сам Иисус не установил закрытую, исключительную связь с Марией и Иосифом, но с удовольствием общался с «расширенной» семьей – с родственниками и друзьями. Тем самым объясняется, почему, когда они были в Иерусалиме, его родители с пониманием отнеслись к тому, что двенадцатилетний подросток на целый день затерялся в толпе, слушая рассказы и разделяя заботы всех прочих: «Думая, что Он идет с остальными спутниками, провели целый день в пути» (ср. Лк 2, 44). Однако порой христианские семьи из-за языка, которым пользуются, из-за того, как говорят о чем-то, из-за образа поведения, постоянного повторения двух-трех тем, воспринимаются далекими, отделенными от общества, и даже их родственники ощущают с их стороны презрение и осуждение.

183. Супружеская пара, испытавшая силу любви, знает, что любовь призвана исцелять раны отверженных, созидать культуру встречи, бороться за справедливость. Бог вверил семье задачу «одомашнивания» мира^[205], чтобы все научились относиться по-братски к любому человеческому существу: «Внимательный взгляд на повседневную жизнь современных мужчин и женщин сразу же обнаруживает повсеместную потребность в щедрой инъекции дозы семейного духа. [...] Не только организация общей жизни все больше погрязает в совершенно чуждой фундаментальным человеческим узам бюрократии, но сами социальные и политические обычаи зачастую демонстрируют признаки деградации»^[206]. Напротив, открытые и солидарные семьи принимают бедных, умеют дружить с теми, чье положение хуже. По-настоящему нося в своем сердце Евангелие, невозможно забыть о словах Иисуса: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25, 40). Своей жизнью они исполняют красноречивую просьбу следующего отрывка: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь» (Лк 14, 12-16). Блажен будешь! Вот секрет счастливой семьи.

184. Свидетельством и словом семьи говорят об Иисусе другим людям, передают веру, пробуждают жажду Бога и являют красоту Евангелия и предлагаемого в нем образа жизни. Так супруги-христиане раскрашивают монохромное общественное пространство красками братства, социальной чуткости, защиты слабых людей, светозарной веры, активной надежды. Их плодотворность открывается другим и воплощается тысячами способов, являя присутствие Бога в обществе.

«Рассуждая» о Теле

185. В этом русле стоит очень серьезно отнестись к библейскому тексту, который часто толкуют в отрыве от контекста, очень общо, не улавливая прямое, ярко выраженное социальное значение. Я имею в виду отрывок 1 Кор 11, 17-34, в котором святой Павел разбирает постыдную ситуацию в общине: обеспеченные люди дискриминировали бедняков, причем на трапезе, сопровождавшей священноприобщение Евхаристии. Богатые наслаждались любимыми блюдами на глазах у голодных бедняков: «Иной бывает голоден, а иной упивается. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих?» (1 Кор 11, 21-22).

186. Евхаристия предполагает соединение в едином церковном теле. Приобщающийся Тела и Крови Христа не может одновременно оскорблять Его Тело, сея искусительные разделения и унижение среди членов. Следует «рассуждать» о Теле Господа, распознавать его с верой и любовью – как в sacramентальных знаках, так и в общине, иначе человек ест и пьет осуждение себе (см. 1 Кор 11, 29). Этот библейский отрывок – серьезное предупреждение семьям, закрывающимся, изолирующимся в собственном комфорте, особенно семьям, безразличным к страданиям бедных, нуждающихся семей. Священноприобщение Евхаристии – неизменный, обращенный к каждому призыв: «испытай себя» (см. 1 Кор 11, 28), чтобы открыть врата своей семьи ради большего общения с теми, кто отвергнут обществом, и поистине принять Таинство евхаристической любви, собирающей нас в единое тело. Нельзя забывать, что «"мистика" этого Таинства имеет социальный характер»^[207]. Причастники, не согласные с призывом открыться неимущим и страждущим, допускающие всевозможные формы разделения, пренебрежения и несправедливости, приступают к Евхаристии недостойно. Семьи же, праведно и регулярно приобщающиеся Святым Дарам, укрепляют желание братства, социальное сознание и внимание к нуждающимся.

Жизнь в «расширенной» семье

187. Маленькая семейная ячейка не должна изолироваться от семьи, понимаемой как общность людей, связанных кровными и социальными узами, то есть, от родителей, дядей, тетей, двоюродных братьев и сестер и даже соседей. В такой широко понимаемой семье кто-то может нуждаться в помощи или хотя бы в дружеском общении и в проявлениях симпатии, а кто-то, испытывая сильные страдания, нуждается в утешении^[208]. Индивидуализм нашей эпохи порой заставляет закрываться в маленьком гнездышке и воспринимать других как неизбежную угрозу. Однако изоляция не приносит мир и счастье, а закрывает сердце семьи и лишает ее открытого горизонта бытия.

Быть детьми

188. В первую очередь, давайте поговорим о наших родителях. Иисус напоминал фарисеям, что отказ от родителей нарушает Закон Божий (см. Мк 7, 8-13). Никому не полезно забывать о себе как о ребенке. В каждой личности, «даже у взрослого, пожилого человека, ставшего родителем, занимающего ответственную должность, за всем этим остается идентичность ребенка. Все мы – дети. И поэтому всегда возвращаемся к тому, что жизнь дана нам не просто сама по себе, а что мы ее получили. Великий дар жизни – первый полученный нами подарок»[\[209\]](#).

189. Поэтому «четвертая заповедь требует от детей [...] почитать отца и мать (см. Исх 20, 12). Эта заповедь следует сразу за заповедями об отношении к Самому Богу. Действительно, в ней заключено нечто священное, Божественное, нечто, в чем заключен корень любых проявлений уважения между людьми. В библейской формулировке к четвертой заповеди добавлено: «... чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Крепкая связь между поколениями – обещание будущего и подлинно человеческой истории. Общество детей, не почитающих родителей, – бесстыдное общество[...]. Такое общество наполнится черствой и алчной молодежью»[\[210\]](#).

190. Но у медали есть и обратная сторона: «Оставит человек отца своего и мать свою» (Быт 2, 24), как утверждает Слово Божие. Порой это не исполняется, и брак не принимается до конца, пока такое отречение и самоотдача не станут реальностью. Родителей нельзя ни бросать, ни забывать, однако, чтобы сочетаться браком, нужно оставить их, чтобы новый дом стал обителью, защитой, фундаментом и замыслом, чтобы можно было стать по-настоящему «одной плотью» (*там же*). Случается, что в браке от супруга утаивают многое из того, о чем рассказывают родителям, в итоге более ценным оказывается мнение родителей, чем чувства и точка зрения супруга. Долгое время терпеть такое положение дел нелегко, оно возможно лишь временно, пока не создадутся условия для развития доверия и диалога. Брак заставляет мужа и жену найти новые выражения для сыновних и дочерних чувств.

Пожилые

191. «Не отвергни меня во время старости; когда будет оскудевать сила моя, не оставь меня» (Пс 71 (70), 9). Крик пожилого человека, боящегося забвения и пренебрежения. Как Бог призывает нас быть Его орудиями, чуткими к мольбам бедных, так Он ждет от нас внимания к крику пожилых людей[\[211\]](#). Вот напоминание семьям и общинам: «Церковь не может и не желает соразмеряться с менталитетом нетерпимости, а тем более – безразличия и презрения, в отношении к старости. Нам нужно пробудить коллективный дух благодарности, ценности, гостеприимства, благодаря чему пожилой человек ощущает себя живой частицей общины. Пожилые люди – это мужчины и женщины, отцы и матери, предвосхитившие нас на той же самой дороге, в нашем же доме, в нашей повседневной битве за достойную жизнь»[\[212\]](#). Поэтому «как бы я хотел, чтобы Церковь приняла вызов

«культуры отбросов», переполненная радости нового объятия молодых с пожилыми!»[213].

192. Святой Иоанн Павел II призвал нас обратить внимание на место пожилого человека в семье, ведь есть культуры, которые «вследствие беспорядочного промышленного и урбанистического развития применяли и продолжают применять недопустимые меры вытеснения пожилых людей на обочину жизни»[214]. Пожилые помогают понять «непрерывность поколений» своей «харизмой исцеления разрывов»[215]. Нередко именно бабушки и дедушки заботятся о передаче великих ценностей внукам, «многие люди признают, что именно бабушке и дедушке они обязаны посвящением в христианскую жизнь»[216]. Их слова, ласка и само их присутствие позволяют детям понять, что история мира началась не с них, что они – наследники длинного пути, что следует уважать всех, кто был до них. Разрывающим связи с историей трудно установить крепкие отношения и отказаться от желания быть владыкой реальности. «Внимание к пожилым людям проводит демаркационную линию в обществе. Считается ли общество с пожилым человеком? Есть ли в нем место для пожилого человека? Общество сможет развиваться, если научится уважать житейский опыт и мудрость пожилых людей»[217].

193. Отсутствие исторической памяти – серьезный дефект нашего общества. Незрелое мышление в стиле «тогда и теперь». Знать и уметь занять позицию в отношении событий прошлого – единственная возможность построить осмысленное будущее. Нельзя воспитывать без памяти: «Вспомните прежние дни ваши» (Евр 10, 32). Рассказы пожилых очень полезны детям и молодежи, поскольку связывают их с историей, пережитой семьей, определенным регионом или же всей страной. Семья, не уважающая и обделяющая заботой стариков, свою живую память, распадается; у семьи, сохраняющей память, есть будущее. «Общество, где нет места пожилым людям, где их отбрасывают из-за, якобы, создаваемых проблем, поражено смертельным вирусом»[218], поскольку «отрывается от собственных корней»[219]. Современный феномен ощущения сиротства как утраты преемственности, выкорчевывания своих корней и разрушения четких ориентиров, то есть всего, что влияет на образ жизни, побуждает нас превратить наши семьи в пространство, где дети смогут укорениться в почве коллективной истории.

Быть братьями и сестрами

194. Отношения между братьями и сестрами со временем углубляются, «братские и сестринские узы, формирующиеся в семье между детьми при условии воспитания в атмосфере открытости к другим людям – великая школа свободы и мира. В семье братья и сестры учатся человеческому общежитию [...]. Возможно, мы не всегда это осознаем, но именно семья несет в мир братство! На основе первого опыта братства, питаемого привязанностью и семейным воспитанием, братское отношение, как обетование, освещает все общество»[220].

195. Взросление среди братьев и сестер дает прекрасный опыт заботы друг о друге, учит помогать и получать помощь. «Братство в семье заметно особенно ярко, когда мы видим заботу, терпение, расположение, которыми окружен брат или сестра – тот, кто слаб, болен, ограничен в возможностях здоровья и развития»[221]. Необходимо признать, что «любящий брат или любящая сестра подарят серьезный, неоценимый, незаменимый опыт»[222], однако нужно терпеливо учить детей по-братски относиться друг к другу. Порой это трудно, братские отношения становятся самой настоящей школой социализации. В некоторых странах довлеет тенденция ограничиться только одним ребенком, поэтому жизненный опыт в качестве брата или сестры становится все более редким. При невозможности родить более одного ребенка необходимо найти возможность для того, чтобы он не рос в одиночестве и изоляции.

Великодушие

196. Помимо маленького круга супругов и их детей, нельзя игнорировать семью, понимаемую в широком смысле как общность людей, связанных родственными и социальными узами. «Супружеская любовь мужчины и женщины, а также исходящая из нее и являющаяся ее продолжением любовь между членами одной семьи, между родителями и детьми, братьями и сестрами, родственниками и домочадцами, вдохновляется и поддерживается неустанным внутренним движением, ведущим семью ко все более глубокому и прочному общению, которое является основой и душой супружеской и семейной общины»[223]. Сюда включаются друзья и дружеские семьи, вместе с общинами семей, поддерживающих друг друга в трудностях, в социальном служении и в вопросах веры.

197. «Расширенная» семья, понимаемая как общность людей, связанных кровными и социальными узами, должна с безграничной любовью принимать молодых одиноких матерей, детей, оставшихся без родителей, одиноких женщин, самостоятельно занимающихся воспитанием детей, лиц с ограниченными возможностями, требующих внимания и близости, юношей и девушек, борющихся с зависимостью, страдающих от одиночества – тех, кто не состоит в браке, кто разведен или овдовел, – пожилых и больных, не получающих помощь от собственных детей. Такая семья должна принять в свое лоно «даже тех, кто окончательно сбился с жизненного пути»[224]. Семья, понимаемая как общность людей, связанных кровными и социальными узами, способна компенсировать слабости родителей, выявить и своевременно сообщить о фактах жестокого обращения с детьми и сексуальном надругательстве, подарить детям здоровую любовь и семейную поддержку, когда родители не в состоянии этого сделать.

198. Наконец, нельзя забывать о том, что в «расширенную» семью включены все родственники супруга или супруги. Деликатность любви не позволяет видеть в них конкурентов, опасных людей, захватчиков. Супружеский союз требует уважения к их

традициям и обычаям, побуждает понять их язык, сдерживать критику, заботиться о них и привязываться к ним душой, сохраняя законную самостоятельность и интимность супружеской пары. Такая позиция представляет собой деликатное выражение бескорыстия преданности в любви к своему супругу.

ГЛАВА VI

НЕКОТОРЫЕ ПАСТЫРСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

199. Диалог в процессе Синода выявил необходимость в новых путях пастырства, которые попробую сейчас описать в общих чертах. Разным общинам необходимо выработать более практические и эффективные предложения, уважающие учение Церкви и учитывающие местные потребности и вызовы. Не претендуя на то, чтобы представить здесь пастырское попечение о семье, я ограничусь перечислением некоторых основных проблем пастырства.

Возвещать сегодня Евангелие о семье

200. Отцы Синода настаивали на том, что христианские семьи по благодати брачного таинства – главные субъекты пастырского попечения о семье, прежде всего потому, что они предлагают «радостное свидетельство супругов и семей, домашних церквей»^[225]. Вот почему Отцы Синода подчеркнули, что «необходимо на опыте почувствовать, что Евангелие о семье – радость, которая «наполняет сердце и всю жизнь», потому что во Христе мы «избавлены от греха, грусти, внутренней пустоты, замкнутости» (*Evangelii Gaudium*, 1). В свете притчи о сеятеле (см. Мф 13, 3-9) наша задача – сотрудничать в сеянии, а остальное – дело Бога. Ни в коем случае нельзя забывать, что Церковь, проповедующая о семье, оказывается знаменем противоречия»^[226]. Однако супруги ценят, что пастыри поддерживают их в мужественной преданности сильной, крепкой, длительной любви, способной поддержать их в любых превратностях, встречающихся на их пути. Церковь со смиренным пониманием желает быть рядом с семьями и стремится «сопровождать каждую из них и все семьи, чтобы те открыли лучший путь для преодоления трудностей, встречающихся на их пути»^[227]. Недостаточно включить общую заботу о семьях в масштабные пастырские проекты. Чтобы семьи все больше становились активными субъектами пастырского попечения о семье, необходимы «усилия по евангелизации и катехизации, направленные внутрь семьи»^[228], которые давали бы ей ориентиры в этой области.

201. «Поэтому от всей Церкви требуется миссионерское обращение: необходимо не останавливаться на чисто теоретическом возвещении, оторванном от реальных человеческих проблем»^[229]. Пастырское попечение о семье «должно давать возможность испытать, что Евангелие семьи отвечает на самые сокровенные чаяния человеческой личности: на признание ее достоинства и полноценную самореализацию во взаимности,

единстве и деторождении. Речь идет не только о представлении каких-либо норм, но и о предложении ценностей, потребность в которых сегодня ощущается даже в самых секуляризованных странах»[230]. К тому же, «равноценно подчеркивалась необходимость в евангелизации, искренне обличающей такие культурные, социальные, политические и экономические условия, как чрезмерное пространство, отведенное рыночной логике. Оно препятствует подлинной семейной жизни и обуславливает дискриминацию, нищету, отверженность, насилие. Поэтому следует развивать диалог и сотрудничество с социальными структурами, необходимо воодушевлять и поддерживать мирян, которые в качестве христиан ведут активную деятельность в культурной и социально-политической сферах жизни»[231].

202. «Принципиальный вклад в пастырское попечение о семьях предлагает приход, семья семей, где обретают гармонию инициативы малых общин, движений и церковных ассоциаций»[232]. Наряду с пастырским попечением, ориентированным именно на семьи, необходима «более надлежащая подготовка пресвитеров, диаконов, мужчин и женщин, посвятивших свою жизнь Богу, катехизаторов и других лиц, занимающихся пастырской работой»[233]. Ответы, собранные в ходе предшествовавших Синоду консультаций, выявили, что у рукоположенных служителей зачастую отсутствует подготовка, необходимая для работы со сложными актуальными семейными проблемами. В этом смысле может быть полезным опыт многовековой восточной традиции женатого духовенства.

203. Семинаристы должны иметь доступ к разносторонней междисциплинарной подготовке по вопросам обручения и брака, а не только к основам учения. Формация не всегда позволяет им выражать свой собственный психоэмоциональный мир. Некоторые приносят в жизнь опыт своей израненной семьи, отсутствия родителей и эмоциональной нестабильности. Во время подготовки будущих служителей необходимо обеспечить возможности для достижения ими требуемого служением психического равновесия. Семейные узы – фундамент для укрепления здорового самоуважения семинаристов. Вот почему важно, чтобы семьи сопровождали весь процесс обучения в семинарии и священнического служения, помогая реалистично укреплять самооценку. В связи с этим полезно сочетать периоды жизни в семинарии с пребыванием в приходе, позволяющим больше контактировать с конкретными реалиями семей, ведь в течение всей своей пастырской жизни священник встречается преимущественно с семьями. «Участие мирян и семей, особенно женщин, в священнической формации развивает благодарность за разнообразие и сочетаемость разных призваний в Церкви»[234].

204. Ответы, собранные в ходе предшествовавших Синоду консультаций, подчеркивают необходимость в подготовке сотрудников пастырского попечения о семье из числа мирян, при участии педагогов-психологов, семейных и участковых врачей, социальных работников, адвокатов по делам несовершеннолетних и семейному праву. Необходима открытость к знаниям по психологии, социологии, сексологии и даже по *психологическому*

консультированию. Профессиональные работники, особенно те, у кого есть опыт сопровождения, помогают воплотить пастырские планы в реальных ситуациях, с учетом того, что на самом деле беспокоит семьи. «Подготовительные программы и курсы, предназначенные специально для пастырских работников, смогут помочь им включить собственно подготовку к браку в широкую динамику церковной жизни»[235]. Хорошая пастырская подготовка важна «и с учетом специфических чрезвычайных ситуаций, вызванных домашней жестокостью и сексуальным насилием»[236]. Все это никоим образом не уменьшает, а, скорее, дополняет фундаментальную ценность духовного руководства, бесценных духовных ресурсов Церкви и таинства примирения.

Подготовка обрученных пар к браку

205. Отцы Синода неоднократно заявляли о необходимости помочь юношам и девушкам открыть достоинство и богатство брака[237]. Им нужно уловить притягательность полного союза, возвышающего и совершенствующего социальное измерение бытия, сообщающего сексуальности высокий смысл и одновременно содействующего благу детей и дающего им наилучшие условия для взросления и воспитания.

206. «Сложная социальная реальность и вызовы, которые сегодня семья призвана преодолевать, требуют большего участия всей христианской общины в подготовке вступающих в брак. Необходимо напоминать о важности добродетелей. Среди них драгоценным условием для развития искренней межличностной любви остается целомудрие. В связи с необходимостью целомудрия Отцы Синода единодушно подчеркнули потребность в большем привлечении всей общины, считая, что предпочтение следует отдавать свидетельству самих семей, а также укреплению подготовки к браку на пути христианского посвящения, отмечая связь брака с крещением и другими таинствами. Кроме того, выявлена необходимость в специальных программах по непосредственной подготовке к браку, представляющих собой подлинный опыт участия в церковной жизни и углубляющих разные аспекты семейной жизни»[238].

207. Призываю христианские общины признать, что сопровождение обрученных пар на пути любви – благо для них самих. Епископы Италии хорошо сказали, что брачующиеся для христианской общины – «драгоценный ресурс, ведь, искренне обнявшись возрастать в любви и во взаимном даре, они могут помочь обновить саму ткань всего церковного тела: переживаемая ими особая форма дружбы может стать «заразительной» и заставить христианскую общину, к которой они принадлежат, возрасти в дружбе и братстве»[239]. Существует множество оправданных способов организовать подготовку непосредственно к браку, и пусть каждая местная Церковь решает, какой из них подходит лучше всего, обеспечив надлежащую формацию, которая при этом не отдалит молодежь от таинства. Не нужно преподавать им весь Катехизис или перегружать разными темами. И в этом случае действует истина: «не обильное познание питает душу и ее удовлетворяет, но внутреннее

прочувствование вещи и наслаждение ее содержанием»[240]. Интереснее качество, а не количество. Наряду с обновленным возвещением *керигмы* нужно определять приоритеты содержания, которое, передаваемое увлекательно и сердечно, поможет «с великодушием и щедростью»[241] взять на себя обязательство следовать по этому пути всю жизнь. Это своего рода «посвящение» в таинство брака, сообщающее вступающим в брак элементы, необходимые, чтобы приступить к таинству в наилучшем расположении и начать семейную жизнь с определенной стабильности.

208. Также целесообразно через миссионерские семьи, родные семьи обрученных пар и различные пастырские ресурсы найти возможности для долгосрочной подготовки, которая примером и свидетельством поможет обрученным возрастая в любви. Очень часто полезными оказываются группы, объединяющие обрученные пары, факультативные конференции по разнообразным темам, действительно интересующим молодежь. Кроме того, остаются обязательными и личные встречи, учитывая, что главная цель – помочь каждому научиться любить конкретного человека, с которым ты желаешь разделить всю жизнь. Научиться любить кого-то – не импровизация, и это не может быть целью краткого пути, предшествующего заключению брака. На самом деле, каждый человек готовится к браку с самого рождения. Все, что ему дала его семья, должно позволить ему узнать собственную историю и сделать его способным к принятию на себя полного и окончательного обязательства. Наверное, лучше всего подготовлены к бракосочетанию те, кто усвоил от собственных родителей, что такое христианский брак, от родителей, выбравших друг друга без условий и продолжающих день за днем обновлять свое решение. В этом смысле все пастырские инициативы, помогающие супругам возрастая в любви и жить в семье по Евангелию, – неоценимое подспорье для детей, готовящихся к своей будущей жизни в браке. Не стоит недооценивать и пастырское значение народной религиозной практики. Приведу простой пример с празднованием дня святого Валентина, хотя в ряде стран из него больше пользы извлекает торговля, нежели пастырская изобретательность.

209. Подготовка официально обрученных пар к браку заранее, при участии приходской общины, должна помочь распознать вероятные проблемы и опасности. Так, они могут прийти к выводу, что неразумно было бы им вступать в супружеские отношения, неудачный итог и болезненные последствия которых очевидны уже сейчас. Проблема в том, что изначальное увлечение заставляет утаивать или смягчать серьезность многих вещей, пары избегают расхождений и, как правило, раскалываются, столкнувшись с трудностями. Обрученные пары должны получать стимулы и помощь, стараться выражать, что каждый из обрученных ждет от будущего брака, как понимает любовь и обязательство, желаемые от партнера, какие планы строит на совместную жизнь. Беседы на эти темы могут помочь увидеть, что в реальности точек пересечения мало, что исключительно взаимной привлекательности не хватит для сохранения союза. Ничто так не переменчиво, ненадежно и непредсказуемо, как желание. Никогда нельзя поощрять решение заключить брак, пока

пара не рассмотрит глубинные причины, обеспечивающие союзу подлинную стабильность.

210. В любом случае, ясно представляя себе слабые стороны другого, следует реалистично надеяться помочь развить лучшие стороны, уравнивающие слабости, и тем самым содействовать развитию человека. Для этого необходимо твердое намерение принять возможные жертвы, трудности и конфликтные ситуации, а также неизменное решение готовиться к этому. Следует замечать сигналы об опасностях, угрожающих отношениям, чтобы его до бракосочетания найти средства для их успешного преодоления. К сожалению, многие пары женятся, не зная друг друга по-настоящему. Они с удовольствием проводили вместе время, что-то делали, но не приняли вызов проявить себя такими, какие они есть на самом деле, и узнать, что на самом деле представляет собой партнер.

211. Как непосредственная подготовка, так и долгосрочное сопровождение должны помочь обрученным парам не видеть в бракосочетании окончание пути, а относиться к браку как к призванию, влекущему вперед и требующему твердого и реалистичного решения вместе преодолеть любые испытания и проблемы. Пастырское попечение о готовящихся к браку и о тех, кто уже заключил брак, должно быть, прежде всего, пастырской заботой об узлах, включать в себя элементы, помогающие как углублять любовь, так и преодолевать трудные минуты. То есть необходимо не только помочь парам принять основы учения и получить доступ к неизменным духовным богатствам Церкви, но также предлагать практические программы, проверенные стратегии и психологическое руководство. Все это составляет педагогику любви, которая не может игнорировать нынешнюю восприимчивость юношей и девушек, чтобы внутренне мобилизовать их. В то же время при подготовке обрученных пар следовало бы указать им места и людей, консультантов и отзывчивые семьи, к которым они могли бы обращаться за помощью в трудную минуту. Но никогда нельзя забывать о том, чтобы предлагать им таинство примирения, позволяющее подвергнуть грехи и ошибки прошлого, а также сами отношения, действию милосердия прощающего Бога и Его исцеляющей силы.

Подготовка к совершению таинства брака

212. Непосредственная подготовка к браку фокусируется на приглашениях, нарядах, празднике и бесчисленных деталях, поглощающих как материальные средства, так и силы, и радость. Жених и невеста вместо того, чтобы посвятить свои лучшие силы подготовке к важному совместному шагу в паре, доходят до церемонии бракосочетания истощенными и обессиленными. Этот менталитет отмечается и в некоторых фактических союзах, так и не увенчивающихся бракосочетанием из-за подсчета расходов на дорогостоящее празднования, хотя приоритетом должны быть взаимная любовь и придание ей официального характера в присутствии других людей. Дорогие обрученные, имейте мужество быть другими, не позволяйте обществу потребления и погони за видимостью поглотить себя. Важнее всего – соединяющая вас любовь, укрепленная и освященная

благодатью. Вы можете предпочесть скромный и простой праздник, ставя любовь превыше всего. Пастырские сотрудники и вся община могут помочь, чтобы приоритет любви был правилом, а не исключением.

213. В непосредственной подготовке к браку важно поощрять пару глубже переживать литургическое священнопродновение, помогая понять и прочувствовать смысл каждого жеста. В случае двух крещеных людей обязательство, выраженное в словах согласия, и телесное единение, окончательно закрепляющее брак, можно интерпретировать лишь как знаки любви Сына Божьего, принявшего плоть и соединившегося в завете любви с Церковью. У крещеных слова и жесты трансформируются в язык выражения веры. Тело, наполненное по воле сотворившего его Бога глубинными смыслами, «преображается в язык служителей таинства, осознающих, что в супружеском договоре проявляется и воплощается тайна»[\[242\]](#).

214. Порой обрученные не понимают богословской и духовной значимости согласия, выявляющего смысл всех последующих жестов. Необходимо подчеркнуть, что слова не могут ограничиваться настоящим; их полнота охватывает будущее: «пока смерть не разлучит нас». Смысл согласия показывает, что «свобода и верность не противоречат друг другу, а, скорее, взаимно поддерживают друг друга как в межличностных, так и в социальных отношениях. Вспомним о том, какой вред цивилизации глобальной коммуникации наносит обесценивание невыполненных обещаний [...]. Ценность данного слова, верность обещанию нельзя ни купить, ни продать. Их нельзя навязать силой, но нельзя и сохранить без жертвенности»[\[243\]](#).

215. Епископы Кении отметили, что «будущие супруги, чрезмерно концентрируясь на дне свадьбы, забывают, что готовятся принять обязательство на всю свою жизнь»[\[244\]](#). Следует помогать понять, что таинство – не мгновение прошлого, ставшее воспоминанием, поскольку оно неизменным образом влияет на всю жизнь в браке[\[245\]](#). Направленное на деторождение значение сексуальности, «язык тела» и знаки любви, присутствующие в истории супружеской пары, становятся «непрерываемой последовательностью литургического языка», а «супружеская жизнь становится, в определенном смысле, литургией»[\[246\]](#).

216. Углубить понимание смысла колец, которыми обмениваются супруги, и других знаков, включенных в обряд, можно, размышляя над чтениями из Библии. Однако неверно приближаться к бракосочетанию без совместной молитвы друг за друга, им надо молить Бога помочь быть верными и великодушными, вместе спрашивая Бога, чего Он ожидает от них, и вверяя Ему свою любовь перед образом Девы Марии. Сопровождающие жениха и невесту во время подготовки к браку должны научить их, как надо жить совместной молитвой, извлекая из нее огромную пользу. «Литургия бракосочетания – уникальное событие, переживаемое в семейном и социальном контексте празднования. Первое чудо

Иисус совершил на брачном пиру в Кане: доброе вино чуда Господнего, наполняющее радостью рождение новой семьи, – новое вино завета Христа с мужчинами и женщинами всех времен. [...] Часто священник имеет возможность обратиться к собранию, состоящему из людей, мало участвующих в церковной жизни, принадлежащих к иной христианской конфессии или религиозному сообществу. Это ценная возможность возвестить Евангелие Христово»[\[247\]](#).

Сопровождать в первые годы жизни в браке

217. Важной ценностью можно считать понимание того, что брак – это вопрос любви, то есть что вступить в брак могут только те, кто без принуждения выбирает и любит друг друга. Несмотря на это, если любовь оказывается всего лишь влечением или пустой чувственностью, то супруги становятся очень ранимыми, когда наступает кризис чувственности или физическая привлекательность ослабевает. Поскольку такое встречается часто, необходимо сопровождать супругов в первые годы жизни в браке, обогащая и углубляя осознанное и добровольное решение принадлежать друг другу и взаимно любить до конца жизни. Нередко периода помолвки недостаточно, по разным причинам решение вступить в брак принимается в спешке, при этом современной молодежи требуется больше времени для взросления. В результате уже после бракосочетания молодые супруги завершают процесс, который следовало бы довести до конца на этапе обручения.

218. С другой стороны, я намеренно настаиваю на том, что вызов пастырского попечения о семье заключается в том, чтобы помочь супругам понять, что брак нельзя понимать как своего рода завершение. Союз реален, неотменяем, подтвержден и освящен таинством брака. Соединяясь, супруги становятся протагонистами, владыками истории своей жизни и творцами замысла, который следует исполнять вместе. Взгляд обращен на будущее, созидаемое день за днем по благодати Божией, именно поэтому не стоит требовать от супруга совершенства. Нужно отбросить иллюзии и принимать другого таким, какой он есть: несовершенный, призванный расти, следовать по своему пути. Если все время критически смотреть на супруга, то значит, брак не был воспринят как совместный проект, развивать который следует с терпением, пониманием, снисхождением и бескорыстием. Из-за отсутствия такого отношения любовь мало-помалу сменяется враждебным и неумолимым взглядом, контролем за заслугами и правами каждого, протестами, состоятельностью и самооправданием. Тем самым супруги оказываются неспособны поддерживать друг друга в процессе достижения зрелости и углубления взаимной любви. С самого начала нужно реалистично и ясно показать это новобрачным, чтобы те осознали, что бракосочетание – лишь начало. «Да», которым они обменялись, это начало пути, требующего способности преодолевать любые обстоятельства и возникающие препятствия. Полученное благословение на брак – благодать и приглашение в путешествие. Часто помогает обсуждение друг с другом конкретного плана, его целей, средств для достижения, деталей.

219. Я вспоминаю поговорку: не проточная вода портится, а стоячая. То же самое происходит, если «жизнь любви» в первые годы брака «застаивается», перестает быть движением, отказывается от здорового, вдохновляющего волнения. Юная любовь, чьи изумленные глаза полны надежды, не должна прекращать свой устремленный в будущее танец. Во время помолвки в первые годы в браке именно надежда обладает силой закваски, позволяет видеть дальше противоречий, конфликтов, случайностей, видеть широкую перспективу. Именно она приводит в движение все ожидания, чтобы устоять на пути развития. Надежда призывает нас полноценно жить настоящим, отдавать сердце семейной жизни, так как насыщенное переживание настоящего позволяет наилучшим образом подготовить и упрочить будущее.

220. Путь пролегает через разные этапы, требующие бескорыстной самоотдачи: от первого впечатления, с присущей ему выраженной чувственной привлекательностью, он ведет к потребности в другом человеке, ощущаемом частицей собственной жизни. Отсюда путь ведет к удовольствию взаимной принадлежности, затем – к пониманию всей жизни как общего замысла, к способности ставить счастье другое над своими потребностями, к радости восприятия своего брака как блага общества. Созревание любви заставляет учиться «вести переговоры». Речь идет не об эгоистичной позиции и коммерческом расчете, а о проявлении взаимной любви на практике, о переплетении даров и жертв на благо семьи. На каждом новом этапе супружеской жизни следует вновь обсудить соглашения, так, чтобы не было победителей и побежденных, но чтобы выиграли обе стороны. Дома решения не принимаются в одностороннем порядке, оба супруга несут ответственность за семью, но каждая семья уникальна и каждый брачный союз по-своему находит подходящие в его ситуации решения.

221. Одна из причин, ведущих к распаду брака, – завышенные ожидания от супружеской жизни. Когда человек видит, что реальность намного более ограничена и проблематична, чем он мечтал, не нужно сразу же безответственно задумываться о расставании с супругом. Решение следует искать в отношении к браку как к процессу достижения зрелости, в котором каждый из супругов – орудие Бога, помогающее партнеру развиваться. Перемена, возрастание, развитие положительного потенциала, присущего каждому, возможны. Каждый брак – это «история спасения», которая из хрупкого начала, благодаря дару Бога и творческому, бескорыстному ответу с нашей стороны, со временем становится чем-то более ценным и устойчивым. Возможно, величайшая миссия мужчины и женщины в любви заключается в том, чтобы помогать друг другу становиться все более мужчиной и женщиной. Дать развиваться – значит помочь другому придать форму собственной идентичности. Поэтому любовь – это своего рода искусство. Читая отрывок из Библии о сотворении мужчины и женщины, мы сначала видим Бога, создающего мужчину (см. Быт 2, 7), после чего, понимая, что мужчине не хватает чего-то важного, Он создает Еву и видит изумление Адама: «Да, именно она мне нужна!». Мы словно слышим удивительный диалог, начатый мужчиной и женщиной друг с другом. В жизни женатых людей, даже в трудные

минуты, один из супругов всегда может удивить другого, и тем самым в их отношениях могут открываться врата в новое, словно они встретились в первый раз. На новом этапе супруги продолжают «придавать форму» друг другу. Любовь заставляет их ждать друг друга с терпением мастера – с терпением, унаследованным от Бога.

222. Пастырское попечение о новобрачных должно побуждать супругов к щедрости в передаче жизни. «Сообразно личному и человечески полноценному характеру супружеской любви, правильный путь к планированию семьи – путь согласного диалога между супругами, уважение к плодным периодам и принятие во внимание достоинства партнера. В связи с этим необходимо заново открыть для себя учение Энциклики *Humanae vitae* (см. пп. 10-14) и Апостольского обращения *Familiaris consortio* (см. пп. 14, 28-35), чтобы противопоставить враждебному жизни менталитету открытость деторождению [...]. Ответственный выбор в пользу родительства предполагает воспитание совести, которая есть «самое потаенное ядро человека, его святая святых, где он остается наедине с Богом, Чей голос звучит во глубине его души» (*Gaudium et spes*, 16). Если супруги стараются слушать в своей совести Бога и Его заповеди (ср. Рим 2, 15), прибегают к духовному руководству, то тем больше их решение становится внутренне свободным от субъективного суждения и приспособления к нравам, распространенным в их окружении»[248]. По-прежнему действительно ясное утверждение II Ватиканского Собора: «Супруги [...] во взаимном согласии и старании составлять себе верное суждение, стремясь как к собственному благу, так и ко благу детей, которые уже родились или еще могут родиться, учитывая при этом материальные и духовные условия времени и жизненного статуса и, наконец, руководствуясь соображениями блага семьи, мирского общества и самой Церкви. В конечном счете, это решение супруги должны сами принимать перед Богом»[249]. С другой стороны, «следует поощрять использование методов, основанных на «естественных ритмах плодности» (*Humanae vitae*, 11). Отметим, что «применение этих методов основано на уважении к телу супругов, поощряет нежность между супругами и способствует воспитанию подлинной свободы» (*Катехизис Католической Церкви*, 2370). Следует всегда настаивать на том, что дети – чудесный Божий дар, радость для родителей и Церкви. Через них Господь обновляет мир»[250].

Некоторые ресурсы

223. Отцы Синода указали, что «первые годы брака – жизненно важный и деликатный период, когда пары возрастают в понимании смысла брака и брошенных ему вызовов. Следовательно, необходимо пастырское сопровождение и после совершения таинства (см. *Familiaris Consortio*, часть III). В этой пастырской работе важнейшую роль играет присутствие опытных супружеских пар. Приход рассматривается как место, где умудренные пары могут быть в распоряжении молодых семей, при возможном соучастии ассоциаций, церковных движений и новых общин. Следует поощрять супругов занимать фундаментальную позицию открытости к приему великого дара – детей. Нужно

подчеркивать важность семейной духовности, молитвы, участия в воскресной Евхаристии, побуждать пары регулярно встречаться для постоянного возрастания в духовной жизни и в солидарности в конкретных жизненных потребностях. Литургии, практики благочестия, Евхаристия для семей, особенно в годовщину бракосочетания, упомянуты как жизненно необходимые меры по содействию евангелизации через семью»[251].

224. Этот путь – вопрос времени. Любви необходимо достаточное, безвозмездное время, отодвигающее все прочее на второй план. Нужно время для диалога, для неспешных объятий, для составления совместных планов, для того, чтобы выслушать, оценить друг друга, укреплять отношения. Порой проблемой оказывается безудержный ритм общества или временные рамки, налагаемые рабочими обязанностями. Порой проблема заключается в том, что мы безрезультатно проводим вместе время: делим пространство, даже не обращая друг на друга внимания. Пастырские сотрудники и семейные группы должны помогать молодым или «израненным» супружеским парам учиться встречаться друг с другом, задерживаться друг перед другом и даже вместе молчать, ощущая присутствие супруга.

225. Супруги, хорошо научившиеся всему этому, могут поделиться полезными практическими приемами: планирование совместного досуга, время отдыха с детьми, различные способы отмечать важные события, возможности для совместного духовного развития. Они также могут предоставить новобрачным ресурсы, позволяющие наполнить эти минуты содержанием и значимостью, чтобы улучшить общение. Все это крайне важно, когда угаснет новизна брачной жизни, потому что, не зная, как проводить вместе время, один из супругов или даже оба в итоге будут искать утешения в гаджетах, найдут себе другие занятия, устремятся в чужие объятия, избегая неприятной близости.

226. У новобрачных следует поощрять развитие собственных обычаев, дающих здоровое чувство стабильности и защищенности, последовательность общих повседневных «ритуалов». Такими ритуалами могут стать необходимый утренний поцелуй, ежевечернее благословение, ожидание другого и встреча по возвращении, совместные выходы, совместное выполнение домашних дел. Но при этом хорошо прерывать рутину праздником, не терять способность праздновать в семье, радоваться, ликовать. Супружеским парам необходимо вместе удивляться дарам Божиим и совместно подпитывать энтузиазм жизни. У людей, умеющих праздновать, эта способность обновляет энергию любви, освобождает от монотонности, наполняет красками и надеждой повседневные привычки.

227. Мы, пастыри, должны увещевать семьи возрастая в вере. Для этого полезно призывать их к частой исповеди, духовному руководству, участию в духовных упражнениях. Но не следует забывать приглашать их находить время для семейной молитвы в течение недели, так как «молящаяся семья остается сплоченной». Посещая дома, мы должны призывать всех членов семьи молиться друг о друге и вверять семью в руки Господа. При

этом целесообразно поощрять каждого супруга находить время для самостоятельной молитвы перед Господом, ведь каждый несет свой сокровенный крест. Почему бы не поведать Богу, что беспокоит сердце, не испросить у Него силы для исцеления своих ран, не молить о свете, необходимом каждому для исполнения своих обязанностей? Отцы Синода также указали, что «Слово Божие – источник жизни и духовности для семьи. Пастырское попечение о семье должно позволить людям измениться внутренне и формировать членов домашней Церкви с помощью ежедневного молитвенного и церковного чтения Священного Писания. Слово Божие – не просто благая весть для частной жизни людей, а критерий рассуждения и свет для распознавания разных вызовов, с которыми сегодня сталкиваются супруги и семьи»^[252].

228. Бывает, что один из супругов не крещен либо не хочет быть практикующим верующим. В этом случае, его безразличие причиняет страдания другому супругу, желающему жить и развиваться по-христиански. Несмотря на это, можно разделять друг с другом общие ценности и сохранять их с энтузиазмом. Любить неверующего супруга, дарить ему счастье, облегчать его страдания и разделять с ним жизнь – значит следовать по настоящему пути освящения. С другой стороны, любовь – дар Божий, и, распространяясь, она дает ощутить свою преобразующую силу, порой сакраментальным образом, вплоть до того, что «неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» (1 Кор 7, 14).

229. Приходы, движения, школы и другие церковные учреждения могут по-разному поддерживать семьи и восстанавливать их силы. Например, с помощью собраний живущих рядом или дружащих пар, кратких духовных упражнений для супругов, выступлений специалистов по практическим проблемам семейной жизни, консультативных центров по вопросам брака, миссионерских работников, подготовленных к беседе с супругами о трудностях и ожиданиях, консультаций по разным семейным ситуациям (разные формы зависимости, неверность, семейное насилие), программ по духовному развитию, центров обучения родителей, воспитателей проблемных детей, семейных ассамблей. Сотрудники приходской канцелярии должны уметь оказывать сердечный прием, заниматься безотлагательными потребностями семьи и при необходимости направить туда, где можно получить помощь. Свой вклад вносят супружеские группы – как своим служением, так и миссией, молитвой, формацией и взаимовыручкой. Такие группы предлагают возможность отдавать, сохранять открытость семьи к другим людям, делиться верой и одновременно укрепляют супругов и позволяют им расти.

230. Правда, что многие супружеские пары после бракосочетания исчезают из христианской общины, но нередко, когда они возвращаются, мы сами упускаем возможность напомнить им о прекрасном идеале христианского брака и показать, какую поддержку могут оказать наши приходы. Я имею в виду, например, крещение ребенка, первое причастие, когда мы присутствуем на погребении или бракосочетании их родственника или друга. Почти все

супруги возвращаются в общину в связи с такими поводами, и нам следует извлекать из этих ситуаций больше пользы. Возможности для сближения, развития пастырского диалога о положении семьи предоставляют также обряд благословения жилища, посещение дома «странствующим» образом Пресвятой Девы. Может оказаться полезным доверить старшим супружеским парам задачу сопровождать живущих поблизости новобрачных: встречаться с ними, предлагать поддержку в первые годы, помогать в процессе развития. При ритме современной жизни большинство супругов не могут часто посещать собрания, а мы не можем ограничиваться пастырством узких *элитарных кругов*. Сегодня пастырское попечение о семье должно быть по сути миссионерским, в состоянии исхода, сближения, а не превращаться в фабрику, штампующие курсы, которые мало кто посещает.

Пролить свет на кризисы, тревоги и трудности

231. Необходимо сказать слово и о тех, у кого «молодое вино» венчания превратилось в выдержанное вино любви. Совсем как качественное вино с возрастом начинает «дышать», так и ежедневный опыт верности в малом придает жизни в браке богатство и «тело». Верность, связанная с ожиданиями и терпением, верность, наполненная жертвами и радостями, приносит плоды в возрасте «выдержки», когда пара радуется, глядя на детей своих детей. Как учил святой Иоанн Креста, «старые влюбленные – уже подготовленные и испытанные в служении». Они «не подвержены ни прежнему бурлению чувств, ни внешним пламенным и пылким вдохновениям. Теперь они в самой глубине души вкушают сладость вина любви, которое уже созрело в своей сути»^[253]. Это предполагает умение преодолевать кризисы и периоды тревоги, храня единство, не избегая вызовов и не утаивая трудностей.

Вызов кризисов

232. История каждой семьи отмечена всевозможными кризисами, однако кризисы – неотъемлемая часть ее драматической красоты. Необходимо помогать супружеским парам понять, что преодоленный кризис не делает отношения менее насыщенными, а, напротив, может улучшить, сделать выдержанным, зрелым вино союза. Супруги живут вместе не для того, чтобы становиться все несчастнее, но чтобы учиться по-новому испытывать счастье, с учетом возможностей, открывающихся на новом этапе. Любой кризис дает практику, делающую совместную жизнь насыщеннее, позволяет обрести новый смысл брачного опыта. Парам ни в коем случае нельзя смиряться со скольжением вниз по спирали, с неизбежностью упадка и заурядностью, которую приходится терпеть. Напротив, когда брак воспринимается как обязанность, заставляющая преодолевать препятствия, любой кризис понимается как возможность в итоге вместе «испить лучшее вино». Нужно сопровождать супругов, помогать им, чтобы они принимали возможные кризисы, отвечая на вызов, и отводили им надлежащее место в семейной жизни. Опытные и подготовленные супруги должны быть готовы оказать друг другу поддержку, чтобы кризисы их не пугали и не

заставляли принимать поспешные решения. Всякий кризис скрывает благую весть, которую нужно уметь расслышать, тренируя слух сердца.

233. Столкнувшись с кризисом, мы склонны поначалу реагировать оборонительной позицией, чувствуя, что теряем контроль вследствие несостоятельности нашего образа жизни, и нам становится тяжело. Тогда мы применяем методику отрицания проблем, утаиваем их, приуменьшаем их значимость, надеясь, что со временем они рассеются сами собой. Но тем самым человек откладывает решение, тратит много сил, а тем временем изоляция, вредящая близости, усугубляется. Если не преодолевать кризис, то больше всего пострадает общение. Таким образом, мало-помалу тот, кто был «человеком, которого я люблю», становится «тем, кто всегда сопровождает меня по жизни», затем лишь «отцом или матерью моих детей» и, наконец, чужаком.

234. Кризис нужно преодолевать рядом друг с другом. Это сложно, поскольку иногда люди избегают других, чтобы не обнаружить свои чувства, закрываются в малодушном и обманчивом молчании. В такие минуты необходимо найти возможность побеседовать «по душам». Проблема в том, что чем меньше человек умеет общаться в момент кризиса, тем труднее ему это сделать. Искусство общения постигают в спокойное время и воплощают на практике в сложный период. Нужно помогать супругам находить в своем сердце самые потаенные мысли и чувства. Подобно рождению ребенка, это болезненный процесс, но после него остается новое сокровище. Однако ответы, собранные в ходе консультаций, предшествовавших Синоду, выявили, что в трудных, критических ситуациях большинство людей не обращаются за пастырской помощью, так как не находят в ней понимания, близости, реализма, внимания к каждому отдельному случаю. Поэтому сейчас мы постараемся рассмотреть кризисные ситуации брака, не игнорируя их болезненную и мучительную составляющую.

235. Кризисы бывают общими, с которыми обычно сталкиваются все пары, заключившие брак: кризис первых лет, когда необходимо научиться принимать различия друг друга и дистанцироваться от родителей; кризис после рождения ребенка с сопутствующими новыми эмоциональными сложностями; кризис во время ухода за малолетним ребенком, когда меняются привычки родителей; поглощающий много сил кризис в переходном возрасте ребенка, дестабилизирующий родителей, а порой сталкивающий их друг с другом; кризис «опустевшего гнезда», заставляющий пару по-новому пересмотреть свои отношения; кризис, вызванный старением родителей супругов, когда приходится чаще бывать с ними, окружать вниманием, принимать непростые решения. Все эти требующие реакции ситуации вызывают страх, чувство вины, подавленность, усталость, и они могут серьезно затронуть супружеский союз.

236. К перечисленному выше присовокупляются сказывающиеся на паре личные кризисы: материальные трудности, проблемы на работе, эмоциональные, социальные, духовные

сложности. К тому же добавляются непредвиденные обстоятельства, способные изменить семейную жизнь и заставляющие избрать путь прощения и примирения. Делая шаг к прощению, каждый должен спокойно и смиренно спросить себя, не ответственен ли он сам за создание условий, побудивших другого совершить те или иные ошибки. Некоторые семьи распадаются из-за взаимных обвинений супругов, однако «опыт показывает, что при должной помощи и благодаря примиряющему действию благодати большой процент браков преодолевает свой кризис удовлетворительно. Умение прощать и чувствовать прощение – основополагающий опыт в семейной жизни»[254]. «Сложное искусство примирения нуждается в помощи благодати, в бескорыстном сотрудничестве родственников и друзей, а порой – в профессиональной помощи извне»[255].

237. Все больше распространяется мысль, что если один из партнеров не получает желаемое или не исполнились его мечты, то это достаточная предпосылка для прекращения брака. При таком отношении ни один брак не может сохраниться. Порой для решения о том, что все окончено, достаточно минутного разочарования, отсутствия партнера, когда он был нужен, уязвленной гордости или непонятного страха. Подобными ситуациями, присущими неизбежной человеческой слабости, объясняется эмоциональная перегрузка. Например, один из супругов может чувствовать, что его недооценивают, или увлечься другим человеком. Ревность, возможное несогласие между двумя людьми, новые, поглощающие сердце интересы, физические изменения в облике супруга и многое другое не столько угрожают любви, сколько дают возможность обновить ее еще раз.

238. В этих обстоятельствах у некоторых хватает зрелости, чтобы подтвердить выбор в пользу другого в качестве спутника жизни, несмотря на ограничения в отношениях. Такие супруги реалистично признают, что партнер не может исполнить все лелеемые ими мечты. Они избегают того, чтобы считать себя мучениками, ценят малые и ограниченные возможности, предлагаемые жизнью в семье, и терпеливо укрепляют брачные узы, что требует времени и усилий. Они это делают, потому что в глубине души признают, что каждый кризис, словно новое «да», позволяет любви возродиться укрепленной, преображенной, созревшей, просвещенной. Когда наступает кризис, они не боятся искать глубокие корни происходящего, заново обсуждать основные договоренности, находить новое равновесие и вместе пройти еще один этап. Благодаря позиции постоянной открытости можно преодолеть множество трудных ситуаций! В любом случае, признавая, что примирение возможно, сегодня мы открываем «острую необходимость в служении тем, чьи брачные узы разбиты»[256].

Старые раны

239. Понятно, что семьи часто сталкиваются со многими трудностями, если кто-то из членов семьи не созрел эмоционально для супружеских взаимоотношений либо не исцелился от ран, полученных на других этапах жизни. Несчастливое детство и отрочество –

плодотворная почва для кризисов личности, в конце концов, разрушающих брак. Если бы все созревали нормально, то кризисы были бы не такими частыми и болезненными. Дело в том, что некоторые люди только в сорок лет обретают ту зрелость, которую должны были достичь к концу отрочества. Некоторые любят эгоцентричной, капризной любовью ребенка, остановившегося на этапе искаженного восприятия реальности, требующего, чтобы весь мир вращался вокруг его эго. Такая ненасытная любовь, не получив желанного, разражается криками и рыданиями. Другие порой любят любовью, «застрявшей» в отрочестве, с присущими этому этапу противоречиями, острой критикой, привычкой обвинять других, логикой, подчиненной эмоциям и фантазии. Другие же обязаны заполнять нашу пустоту и терпеть наши капризы.

240. Многие вырастают из детства, так и не ощутив себя безоговорочно любимыми, что ранит их способность к доверию и самоотдаче. Если не исцелить ущербные отношения с родителями, братьями и сестрами, они вновь дадут о себе знать и нанесут вред супружеской жизни. Итак, необходимо пройти неизведанным путем освобождения. Если отношения между супругами не ладятся, прежде чем принимать серьезные решения, нужно убедиться, что каждый из них справился со своей личной историей. Для этого необходимо признать потребность в исцелении, настойчиво спрашивать благодать прощать и быть прощенным, принимать помощь, стремиться не сдаваться, а решительно продолжать снова и снова. Каждый должен очень искренне сам самому признаться в незрелом восприятии любви. Каким бы очевидным ни казалось, что во всем виноват другой, невозможно преодолеть кризис, ожидая перемены только от партнера. Следует спрашивать себя, что нужно развить или исцелить в собственной жизни ради преодоления конфликта.

Сопровождение после разрыва и развода

241. В некоторых случаях внимание к собственному достоинству и к благу детей заставляет твердо ограничить чрезмерные требования другого, поставить барьер жестокой несправедливости, насилия, хроническому неуважению. В таких случаях «раздельное проживание неизбежно. Порой оно может даже оказаться нравственно необходимым, если необходимо оградить более уязвимого супруга или маленьких детей от тяжелых ран, наносимых насилием, жестокостью, унижением, эксплуатацией, пренебрежением и безразличием»^[257]. Однако его «следует рассматривать в качестве крайнего средства, к которому прибегают после того, как любая другая попытка оказывается тщетной»^[258].

242. Отцы Синода указали, что «особое различие обязательно при пастырском сопровождении лиц, расставшихся с супругом, разведенных, покинутых. Прежде всего, нужно принять и оценить страдания тех, кто несправедливо подвергся разлучению, разводу и оставлению, или же был вынужден прекратить совместную жизнь из-за жестокого обращения со стороны супруга. Простить несправедливо нанесенную обиду нелегко, но благодать делает этот путь возможным. Здесь необходимо пастырство примирения и

посредничества, в том числе – в специализированных консультативных центрах, которые следует учреждать в епархиях»[259]. При этом «разведенные, не заключившие новый союз, часто свидетельствуют о супружеской верности. Их следует поощрять обретать в Евхаристии пищу, поддерживающую в их положении. Местная община и пастыри должны усердно сопровождать таких людей, особенно, если у них есть дети или если они оказались в тяжелом, бедственном положении»[260]. Распад брака в условиях бедности травмирует намного болезненнее, поскольку в этом случае перестраивать жизнь приходится, имея в распоряжении очень мало ресурсов. Бедный человек, утратив защитную среду семьи, вдвойне рискует стать отверженным и утратить внутреннюю целостность.

243. Разведенным, живущим в новом союзе, важно чувствовать себя частицей Церкви. Они «не отлученные», с ними нельзя обращаться как с отлученными, поскольку они по-прежнему состоят в церковном общении[261]. Положение этих верующих «требует внимательного распознавания и сопровождения в духе уважения. Ради поощрения участия таких лиц в общинной жизни следует отказаться от любых терминов и позиций, усугубляющих у них чувство дискриминации. Забота о них – не признак ослабления веры христианской общины или ее свидетельства о нерасторжимости брака, скорее, именно в таком попечении воплощается милосердие общины»[262].

244. С другой стороны, большое число Отцов Синода «подчеркнуло необходимость сделать более доступными и простыми, а по возможности – полностью бесплатными, процедуры признания недействительности брака»[263]. Медлительность процесса раздражает и утомляет людей. Два моих недавних документа на эту тему[264] упрощают процедуры по признанию недействительности брака. В них я хотел «сделать ясным, что сам епископ в своей Церкви, в которой поставлен пастырем и главой, тем самым является и судьей вверенных ему верных»[265]. Поэтому «следование предписаниям этих документов – огромная ответственность для епархиальных ординариев, призванных самостоятельно выносить решение по некоторым делам и, в любом случае, облегчать доступ верующих к правосудию. Для этого необходима подготовка достаточного количества персонала из числа духовенства и мирян, посвящающего себя, в первую очередь, этому церковному служению. Поэтому будет необходимо предоставить лицам, проживающим отдельно с супругом, и парам, испытывающим кризис, услуги связанной с пастырским попечением о семье Службы по информированию, консультированию и посредничеству, которая сможет также принимать людей на этапе расследования, предшествующего процессуальному рассмотрению действительности бракосочетания (см. *Mitis Iudex*, ст. 2-3)»[266].

245. Отцы Синода также подчеркнули «влияние последствий расставания или развода родителей на детей – те, в любом случае, оказываются невинными жертвами обстоятельств»[267]. Независимо от прочих соображений, благо детей – главная забота, и она не может оказаться в тени каких-либо других интересов и целей. К расставшимся родителям я обращаюсь с призывом: «Никогда, никогда, никогда не берите ребенка в

заложники! Вы расстались из-за многих трудностей и причин, жизнь уготовала вам это испытание, но пусть дети не несут на себе бремя вашего расставания, пусть они не будут использованы в качестве заложников против супруга, пусть они вырастут, слыша, что мама по-доброму говорит об отце, пусть они и не вместе, а папа – по-доброму отзывается о маме» [268]. Безответственно разрушать образ отца или матери, чтобы заручиться любовью сына или дочери, мстя за себя или защищаясь. Это разрушит внутреннюю жизнь ребенка и нанесет ему раны, с трудом поддающиеся исцелению.

246. Церковь, хотя и понимает конфликтные ситуации, с которыми приходится столкнуться супругам, не может перестать быть голосом самых слабых – детей, страдающих зачастую в молчании. Сегодня, «несмотря на мнимое развитие нашей чувствительности и весь наш отточенный психоанализ, я задаю себе вопрос: не получили ли мы анестезию, ведущую к невосприимчивости в отношении душевных ран детей? [...] Ощущаем ли мы огромное психологическое бремя, давящее на душу ребенка в семьях, где с ним дурно обращаются, где ему причиняют зло, вплоть до разрыва уз супружеской верности?» [269] Такой вредоносный опыт не поможет этим детям созреть для способности брать на себя окончательные обязательства. Поэтому христианские общины не должны оставлять в одиночестве разведенных родителей, живущих в новом союзе. Напротив, их нужно вовлекать в выполнение воспитательной функции и поддерживать в ней. «Как мы можем рекомендовать этим родителям сделать все ради воспитания детей для христианской жизни, подавать им пример убежденной, практикуемой веры, если мы держим их на дистанции от общинной жизни, как, якобы, отлученных? никоим образом нельзя усугублять тяготы бремена, которое в таких ситуациях дети и так вынуждены нести!» [270] Помогать родителям исцелять их раны, духовно принимать их – все это пойдет во благо детям, нуждающимся в семейном облике Церкви, принимающей их в этом болезненном испытании. Развод – это зло, и увеличение числа разводов вызывает серьезные опасения. Поэтому, несомненно, наша самая важная пастырская задача в отношении семей – укреплять любовь и помогать исцелять раны, предотвращая распространение этой трагедии нашей эпохи.

Некоторые сложные ситуации

247. «Особого внимания требуют проблемы, связанные со смешанными браками. Браки между католиками и крещеными других вероисповеданий “благодаря своему особенному облику содержат много элементов, которые следовало бы ценить и развивать – как в силу их внутренней ценности, так и по причине вклада, который они способны внести в экуменическое движение”. Вот почему “необходимо добиваться [...] сердечного сотрудничества между католическими и некатолическими служителями, начиная с момента подготовки к браку и венчанию” (*Familiaris consortio*, 78). Что касается евхаристического общения, то “решение допустить или не допустить некатолическую сторону в браке к евхаристическому общению следует принимать в соответствии с общими предписаниями по этому вопросу – как для восточных христиан, так и для прочих христиан, учитывая особую

ситуацию, то есть что таинство христианского брака получают двое крещеных христиан. Хотя супругов в смешанном браке объединяют таинства крещения и брака, совместное приобщение Евхаристии может быть только исключением из правила и в любом случае при этом должны соблюдаться указанные предписания” (Папский Совет по содействию христианскому единству, *Руководство по применению принципов и норм об экуменизме*, 25 марта 1993 г., пп. 159-160)»[\[271\]](#).

248. «Браки последователей разных религий представляют собой особое пространство для межрелигиозного диалога [...], они сопряжены с определенными специфическими трудностями, касающимися как христианской идентичности семьи, так и религиозного воспитания детей. [...] Число семей, созданных на основе брачного союза последователей разных религий, увеличивается на миссионерских землях и даже в странах с долгой христианской традицией. Поэтому возникла необходимость заботиться о пастырском попечении, различном, в зависимости от разных социальных и культурных контекстов. В некоторых странах, где нет свободы вероисповедания, супруг-христианин обязан для вступления в брак принять другую религию, он не может ни заключить канонический брак в условиях различия религий, ни крестить детей. Поэтому необходимо подчеркнуть необходимость соблюдать свободу вероисповедания в отношении всех людей»[\[272\]](#). «Необходимо уделять особое внимание лицам, вступающим в такой брак, не только в период, предшествующий венчанию. Специфические вызовы преодолевают пары и семьи, в которых один из партнеров – католик, а второй – неверующий. В подобных случаях необходимо свидетельствовать, что Евангелие применимо к этим ситуациям, и потому воспитание детей в христианской вере возможно»[\[273\]](#).

249. «Особые трудности создают ситуации, касающиеся крещения лиц, находящихся в сложной брачной ситуации. Речь идет о лицах, заключивших устойчивый брачный союз в то время, когда, по крайней мере, одна из сторон не знала христианскую веру. В таких случаях епископы призваны проявлять пастырское распознавание соразмерно духовному благу сторон»[\[274\]](#).

250. Церковь соразмеряет свою позицию с Господом Иисусом – Тот в безграничной любви отдал Себя каждому человеку без исключений[\[275\]](#). Вместе с Отцами Синода я рассмотрел положение семей, имеющих опыт присутствия в них лиц с гомосексуальными наклонностями – опыт, не простой ни для родителей, ни для детей. Поэтому мы хотели бы прежде всего подчеркнуть, что нужно уважать достоинство и принимать с уважением любую личность, независимо от ее сексуальной ориентации, стараясь избегать «всякого проявления несправедливой дискриминации»[\[276\]](#) и, особенно, каких бы то ни было форм агрессии и насилия. Необходимо обеспечить таким семьям достойное сопровождение, чтобы и лица, выражающие гомосексуальные наклонности, могли получить необходимую помощь, чтобы понять и до конца исполнить волю Божию в своей жизни[\[277\]](#).

251. В ходе обсуждения достоинства и миссии семьи Отца Синода заметили: «... в отношении планов уравнивать брак и союзы гомосексуальных лиц не существует каких-либо оснований для отождествления и признания даже отдаленного сходства между гомосексуальными союзами и замыслом Бога о браке и семье»; недопустимо, «что на местные Церкви оказывается давление по этим вопросам, а международные организации оказывают финансовую помощь бедным странам в ответ на принятие законов, признающих “брак” между лицами одного пола»[\[278\]](#).

252. Семьи, где присутствует только один из родителей, часто начинаются «с биологических матерей или отцов, никогда не желавших интегрироваться в семейную жизнь, с насилия, из-за которого родитель был вынужден бежать с детьми, со смерти одного из родителей, с отказа от семьи со стороны одного из родителей и других обстоятельств. Какова бы ни была причина, проживающий с ребенком родитель должен встретить поддержку и утешение у других семей, образующих христианскую общину, равно как и у приходских пастырских структур. Кроме всего, такие семьи зачастую отягощены бременем экономических проблем, неуверенностью из-за нестабильной трудовой занятости, испытывают трудности с содержанием детей, не имеют жилья»[\[279\]](#).

Когда в нас вонзается жало смерти

253. Порой семейную жизнь потрясает смерть любимого человека. Мы не можем не приносить свет веры, поддерживая семьи, оплакивающие утрату[\[280\]](#). Оставить семью, израненную смертью, значит – проявить отсутствие милосердия, упустить пастырскую возможность. Такое отношение закрывает двери для любых попыток евангелизации с нашей стороны.

254. Я понимаю мучения того, кто утратил любимого человека – супруга, с которым много пережил. Сам Иисус в скорби оплакивал кончину друга (см. Ин 11, 33.35). А как можно не понять плачь того, кто потерял ребенка? «Время словно остановилось: открывает бездна, поглощающая прошлое и даже будущее. [...] Порой доходит до обвинений против Бога. Сколько людей – я их понимаю – злятся на Бога»[\[281\]](#). «Вдовство – очень трудный опыт [...], некоторые проявляют способность с еще большей самоотдачей посвящать свои силы детям и внукам, обретая в таком выражении любви новую воспитательную миссию. [...] Те, кто не может рассчитывать на присутствие родных – тех, кому можно посвятить себя и от кого получить любовь и близость, – должны находить поддержку в христианской общине: следует окружать особым вниманием и отзывчивостью вдов и вдовцов, особенно если они оказались в стесненных обстоятельствах»[\[282\]](#).

255. Как правило, скорбь по умершему длится долго; сопровождающему семью пастырю необходимо считаться с особенностями каждого этапа. Весь период оплакивания утраты пронизан вопросами: о причинах смерти, о том, что можно было предпринять, что

переживает человек за мгновение до кончины... Следуя искренне и с терпением по пути молитвы и внутреннего освобождения, можно восстановить умиротворение. В определенный момент нам нужно помочь скорбящим понять, что после утраты любимого человека наша миссия все еще не завершена и что не следует намеренно продлевать страдания, словно воздавая таким образом честь. Любимому человеку не нужны наши страдания, ему не льстит саморазрушение нашей жизни. Жить, думая об усопших, ежеминутно обращаться к ним по имени – значит оставаться привязанным к прошлому, которого больше нет, а не продолжать любить реального человека, находящегося теперь в ином мире. Он больше не может физически быть рядом, но, хотя смерть могущественна, «крепка, как смерть, любовь» (Песн 8, 6). Любовь наделена интуицией, позволяющей слышать беззвучное и всматриваться в невидимое. Это не значит – представлять себе любимых такими, какими они были, а уметь принимать их изменившимися, такими, какие они теперь. Воскресший Иисус, когда подруга Мария попыталась обнять Его, велел не прикасаться к Нему (см. Ин 20, 17), чтобы подвести ее к иной встрече.

256. Нас утешает знание, что умирающие исчезают не полностью, вера убеждает нас в том, что Воскресший никогда нас не оставит. Так можно воспрепятствовать смерти «отравлять нам жизнь, обесценивать наши чувства, сталкивать нас в темную пустоту»^[283]. Библия повествует о Боге, сотворившем нас из любви и сделавшем так, что наша жизнь не оканчивается со смертью (ср. Прем 3, 2-3). Святой Павел говорит нам о встрече со Христом сразу же после смерти: «Имею желание разрешиться и быть со Христом» (Флп 1, 23). Вместе с Ним после смерти нас ждет уготованное Богом любящим Его (ср. 1 Кор 2, 9). Об этом торжественно возвещает Префация Мессы за усопших: «... чтобы, опечаленные неотвратимостью смерти, мы утешились обещанием будущего бессмертия. Ибо у верных Твоих, Господи, жизнь преобразуется, но не отнимается...». «Наши любимые не исчезли в темноте пустоты: надежда убеждает нас, что они – в добрых и сильных руках Божиих»^[284].

257. Молитва за усопших близких – один из способов общения с ними^[285]. Библия говорит, что «молиться за умерших» – «святое и благочестивое дело» (см. 2 Мак 12, 44-45). Молитва за них «может не только им помочь, но и сделать успешным их заступничество за нас»^[286]. В Апокалипсисе представлены мученики, заступающиеся за страдающих от несправедливости на земле (см. Откр 6, 9-11), солидарные с нашим странствующим миром. Некоторые святые перед смертью утешали своих близких, обещая свою близость и помощь после кончины. Святая Тереза из Лизьё ощущала желание продолжать творить добро с Неба^[287]. Святой Доминик говорил, что «принесет больше пользы после смерти, [...] что скорее испросит благодати»^[288]. Таковы узы любви^[289], ведь «единство странствующих со своими братьями, почившими в мире Христовом, отнюдь не прерывается [...], а лишь укрепляется через общение в духовных благах»^[290].

258. Принимая смерть, можно подготовиться к ней. Это возможно, возрастая в любви к тем, кто странствует вместе с нами до того дня, когда «смерти не будет уже; ни плача, ни вопля»

(Откр 21, 4). Так мы подготовимся ко встрече с нашими умершими близкими. Как Иисус вернул матери ее усопшего сына (см. Лк 7, 15), так же Он поступит и с нами. Не будем терять силы, останавливаясь на прошедших годах. Чем лучше мы проживем на этой земле, тем большей радостью сможем поделиться с близкими на небе. Чем больше сможем созреть и развиваться в этом мире, тем больше прекрасного мы принесем с собой на небесную трапезу.

ГЛАВА VII

УКРЕПИТЬ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

259. Родители всегда влияют на нравственное развитие своих детей, в хорошем и в дурном. Поэтому им необходимо принимать свою неизбежную ответственность и последовательно исполнять ее, с энтузиазмом, разумно и надлежащим образом. Воспитательная функция семей настолько важна и так сильно усложнилась, что я хочу особо остановиться на этой проблеме.

Где дети?

260. Семья не может отказаться от того, чтобы быть пространством поддержки, сопровождения, наставничества, даже если ей придется изобретать собственные методы и изыскивать новые ресурсы. Родителям необходимо понять, что они хотят предложить своим детям, а это неизбежно предполагает внимание к следующим вопросам: кто организует досуг детей, кто появляется дома на экране телевизора, кому доверяют детей в свободное время? Достаточно посвящать детям время, просто и с любовью обсуждать с ними важные вещи, и мы найдем здоровые пути для досуга и сможем оградить их от вредоносного вмешательства. Бдительность необходима всегда. Пренебрежение никогда не доведет до добра. Родители должны направлять и учить детей и подростков понимать, как нужно действовать в возможных ситуациях, например, при угрозе агрессии, насилия, вовлечения в наркотическую зависимость.

261. Однако навязчивая бдительность не способствует воспитанию. Нельзя контролировать все ситуации, в которых может оказаться ребенок. Здесь действует принцип «время выше пространства»^[291], то есть важнее начинать процессы, чем занимать пространство. Родитель, одержимый стремлением знать, где сейчас его ребенок, и контролировать все его движения, стремится овладеть его личным пространством. Так он его не воспитает, не разовьет в нем силу, не научит противостоять вызовам. Важнее всего способность с любовью пробудить в ребенке процессы созревания свободы, подготовки, полноценного взросления, развития истинной самостоятельности. Лишь так ребенок найдет в себе необходимые элементы, помогающие защитить себя, действуя в трудных ситуациях разумно и осторожно. Поэтому главный вопрос – не где физически находится ребенок, с кем

он сейчас, а в чем он ищет смысл бытия, на что обращены его убеждения, цели, желания, планы на жизнь. Вот почему я задаю родителям такие вопросы: «Мы стараемся понять, “где” на самом деле дети на пути странствия? Мы действительно знаем, где их душа? И, главное: мы хотим знать об этом?»^[292].

262. Если бы зрелость представляла собой развитие того, что изначально вписано в генетический код, можно было бы особо не беспокоиться. Благоразумие, правильное суждение, здравый смысл зависят не от чисто количественных факторов взросления, а от цепочки элементов, соединяющихся в глубине личности, или, лучше сказать, в ядре ее свободы. Любой ребенок обязательно изумит нас планами, рожденными свободой, разрушающей наши схемы. И это хорошо. Воспитывать – значит поощрять ответственное использование свободы, позволяющее в нужную минуту делать осмысленный и умный выбор. Необходимо воспитывать людей, понимающих, что их собственная жизнь и существование общества – в их руках, а свобода – великий дар.

Этическое воспитание детей

263. Родители могут полагаться на помощь учебных заведений в процессе получения детьми общего образования, однако ни в коем случае нельзя полностью делегировать им нравственное воспитание. Для эмоционального и этического становления личности требуется фундаментальный опыт: уверенность в том, что на родителей можно положиться. В этом и состоит ответственность за воспитание: родители своей привязанностью и свидетельством должны пробуждать у детей доверие, любящее уважение. Ребенок чувствует, когда из-за несовершенства родители его не ценят, не проявляют искреннего беспокойства о нем. Все это наносит глубокие раны, обуславливающие серьезные проблемы в процессе взросления. Физическая и эмоциональная отверженность причиняет более сильную боль, чем возможное наказание за плохой поступок.

264. Задача родителей включает воспитание воли, развитие хороших привычек и естественного стремления к благу. Родителям следует размышлять и поступать так, чтобы процесс взросления для детей стал привлекательным и плодотворным. Но в любом случае этот процесс должен вести от несовершенства к большей полноте. Желание приспособиться к обществу или привычка отказываться от немедленного удовольствия ради соответствия нормы и сохранения доброго общежития – изначальная ценность, помогающая открыться еще более высоким ценностям. Нравственное формирование обязательно должно быть активным, построенным на диалоге, воспитывающем чуткость при использовании доступных детям выразительных средств. Это формирование должно носить индуктивный характер, чтобы ребенок мог самостоятельно открыть для себя важность определенных ценностей, принципов и норм. Нельзя навязывать их ему в качестве непререкаемых истин.

265. Правильное поведение означает больше, чем «верное суждение» или четкое понимание, как следует сделать, скорее, это понимание приоритета. Мы часто поступаем вопреки даже собственным стойким убеждениям. Порой, когда совесть диктует нам ясное нравственное решение, другие факторы оказываются притягательнее и сильнее. Необходимо достичь понимания того, что усвоенное интеллектом благо укореняется в нас как глубокая эмоциональная расположенность, как жажда блага, перевешивающая другие влечения и помогающая нам осознать, что то, что мы считаем объективным благом, хорошо «для нас» здесь и сейчас. Действенное этическое воспитание основано на том, чтобы показать личности, что в ее же интересах поступать правильно. Сегодня зачастую бессмысленно призывать к тому, что требует усилий и жертв, если ясно не указывать, какого блага в итоге можно достичь.

266. Необходимо возвращать привычки. Обычаи, усвоенные детьми, играют положительную функцию, так как помогают воплощать усвоенные важные ценности во внешнем здоровом и устойчивом поведении. Ребенок может быть общительным и по-доброму расположенным к другим людям, но если он долго не может привыкнуть к требованию взрослых говорить «пожалуйста», «разрешите», «спасибо», то его доброе расположение ничем ему не поможет. Тренировка воли и повторение определенных действий создают нравственное поведение. Без осознанного, добровольного и поощряемого повторения определенных добрых поступков воспитание нравственного поведения так и не будет доведено до конца. Мотивация, влечение к определенной ценности не превратятся в добродетель без таких верно обусловленных поступков.

267. Свобода – нечто великое, но ее можно утратить. Нравственное воспитание позволяет возвращать свободу с помощью предложений, мотивации, практических мер, стимулов, вознаграждений, примеров, образцов, символов, размышлений, увещаний, пересмотра поведения и диалога, помогающих личности развивать внутренние непоколебимые принципы, помогающие без принуждения стремиться к благу. Добродетель – убежденность, преобразившаяся во внутренний и устойчивый принцип действия. Поэтому добродетельная жизнь создает, укрепляет и воспитывает свободу, избегая порабощения личности компульсивными, дегуманизирующими и антисоциальными наклонностями. Ведь само достоинство человека требует, чтобы он «действовал по сознательному и свободному выбору, то есть лично, движимый и побуждаемый изнутри личными убеждениями» [293].

Запрет как стимул

268. Столь же важно воспитывать у ребенка и подростка понимание того, что дурные поступки имеют последствия. Необходимо пробудить способность ставить себя на место другого и раскаиваться за причиненные ему страдания. Определенные запреты – антисоциального, агрессивного поведения – могут отчасти помочь достижению этой цели. Важно твердо учить ребенка просить прощение и возмещать ущерб, причиненный другим

людям. Если процесс воспитания приносит плоды созревания личностной свободы, то сам ребенок в определенный момент начнет с благодарностью признавать ценность воспитания в семье и мириться с требованиями, предъявляемыми процессом формирования личности.

269. Исправление служит стимулом, если одновременно признаются и ценятся усилия и если ребенок видит, что родители хранят терпеливое доверие. Ребенок, которого поправляют с любовью, чувствует заботу о себе, понимает свою ценность, видит, что родители признают его потенциал. Родителям необязательно быть безгрешными, нужно уметь смиренно признавать собственные слабости и стараться стать лучше. Но вот чему дети должны научиться у родителей, так это умению не терять голову в гневе. Ребенка, поступившего неправильно, нужно исправить, но ни в коем случае не относиться к нему как к врагу или объекту для проявления агрессии. Взрослый должен понимать, что определенные типы непослушания обусловлены слабостью и возрастным уровнем развития. Поэтому готовность постоянно наказывать сильно вредит, так как не позволяет ребенку научиться различать тяжесть проступков, вызывает у него уныние и раздражение: «Отцы, не раздражайте детей ваших» (Еф 6, 4; ср. Кол 3, 21).

270. Очень важно, чтобы дисциплина не уродовала желания, а оставалась стимулом двигаться дальше. Как соединить дисциплину и внутренний динамизм? Как сделать так, чтобы дисциплина была конструктивным ограничением поступков ребенка, а не преградой, задерживающей его на пути развития? Нужно уметь находить баланс между двумя одинаково вредными крайностями. Одна крайность – стремиться перестроить мир под желания ребенка, воспринимающего себя субъектом прав, не знающим ответственности. Другая – не позволять ему осознать собственное достоинство, свою исключительную идентичность и свои права, мучить его обязанностями и подчинять ради достижения чужих желаний.

Терпеливый реализм

271. Нравственное воспитание не заставляет ребенка или подростка идти на чрезмерные жертвы, необходимы некоторые усилия, не вызывающие негодования и не требующие принуждения. Обычно предлагаются маленькие шаги, которые можно понять, принять и оценить, включая соразмерную жертву. Требуя слишком многого, ничего не добьешься. Как только ребенок освободится от власти, он, скорее всего, перестанет вести себя хорошо.

272. Этическое формирование порой отвергается из-за опыта отверженности, разочарования, эмоциональной бедности, дурного образа родителей. На этические ценности проецируются искаженные образы отца и матери и слабости взрослых. Поэтому нужно помогать подросткам находить аналогии: этические ценности во всей полноте воплотили в себе некоторые люди, служащие примером, но несовершенным образом, в разной степени, их воплощают и другие люди. Поскольку сопротивление молодых людей

тесно связано с негативным опытом, нужно помогать им следовать по пути исцеления израненного внутреннего мира, чтобы достичь понимания и примирения с людьми и с обществом.

273. Предлагать ценности нужно постепенно, использовать разный подход с учетом возраста и конкретных возможностей людей, не претендуя на применение строгих и неизменных методов. Ценный вклад психологии и наук о воспитании подтверждает необходимость постепенного процесса изменения поведения. Не менее важно стимулировать и направлять свободу, поскольку, будучи предоставлена самой себе, свобода не гарантирует достижения зрелости. Состоятельная, реальная свобода ограничена и обусловлена. Это не просто способность совершенно спонтанно выбирать благо. Не всегда можно верно отделить «добровольное» действие от «свободного». Например, кто-то может изо всех сил стремиться совершить злодеяние, но лишь по причине непреодолимой страсти или дурного воспитания. В этом случае решение совершенно добровольно, не противоречит стремлению его воли, но несвободно, так как практически отсутствует возможность отказаться от зла. Именно такое компульсивное влечение к наркотику испытывает страдающий зависимостью человек. Желая принять наркотик, зависимый добивается его всеми силами, но это стремление обусловлено настолько, что в этот момент человек не способен принять другое решение. Вот почему его выбор добровольен, но не свободен. Нет смысла «позволить выбирать самостоятельно», поскольку на самом деле наркоман не в состоянии сделать выбор: предоставить ему наркотик – значит лишь еще более усугубить зависимость. Он нуждается в помощи других людей и в воспитательном процессе.

Семейная жизнь как среда воспитания

274. Семья – первая школа человеческих ценностей, в которой учатся правильно пользоваться свободой. Некоторые сложившиеся в детстве склонности накладывают глубокий отпечаток на личности и сохраняются в течение всей жизни, например, влечение к одной из ценностей или добровольный отказ от каких-то поступков. Многие люди думают и поступают определенным образом, потому что считают это правильным, они словно с первых лет жизни впитали *осмосом* такой стиль поведения: «Меня так учили». «Вот что мне привили». В семье можно научиться критически воспринимать содержание разных средств коммуникации. К сожалению, многие телевизионные программы и некоторые формы рекламы влияют негативно и ослабляют прививаемые в семье ценности.

275. В нынешнюю эпоху, когда господствуют стресс и стремительный технологический прогресс, важнейшая задача семей – воспитывать умение ожидать. Дело не в том, чтобы запрещать молодым людям играть с электронными устройствами, а в том, чтобы пробудить у них способность различать логические схемы и не действовать во всех сферах жизни с цифровой скоростью. Отложить – значит не отказаться от желания, а повременить с его

удовлетворением. Если у детей и подростков не воспитано понимание, что чего-то необходимо подождать, то они становятся назойливыми, подчиняют все удовлетворению своих непосредственных потребностей, растут в порочной атмосфере «все и сразу». Такой серьезный обман не поощряет, а отравляет свободу. Напротив, учась откладывать некоторые вещи до подходящего момента, человек приобретает самообладание и учится не поддаваться импульсам. Так, ребенок, совершенствуя навыки самообслуживания, развивает самоуважение и одновременно учится уважать свободу других. Естественно, это не означает, что дети должны поступать, как взрослые, но нельзя недооценивать их способность развивать и совершенствовать ответственную свободу. В здоровой семье это усваивается естественно, через требования совместного общежития.

276. Семья – среда первичной социализации, потому что именно в ней впервые человек учится встречаться с другими, слушать друг друга, делиться, терпеть, уважать, помогать, вместе жить. Задача воспитания – помочь нам ощутить мир и общество как «семейную среду», воспитать умение «сосуществовать» вне границ своего дома. В семье мы учимся близости, заботе, уважению к другим. Здесь разрывается первый круг пагубного эгоизма: мы понимаем, что живем вместе с другими людьми, достойными нашего внимания, нашей обходительности, нашей симпатии. Без этого первичного, повседневного, практически микроскопического измерения не бывает связи с обществом: без этой жизни бок о бок, без пересечения друг с другом в разные моменты дня, без беспокойства о том, что всех интересуют, без взаимовыручки в незначительных повседневных делах.

277. В кругу семьи можно также пересмотреть отношение к потреблению ради заботы об общем доме: «Семья – главное действующее лицо интегральной экологии, будучи первичным социальным субъектом, объединяющим в себе два основных принципа человеческой цивилизации на земле: принцип общности и принцип плодородия»^[294]. Точно так же трудные и мучительные минуты семейной жизни могут многому научить – например, когда кто-то заболел, ведь «по причине человеческой слабости в условиях болезни даже в семье возникают проблемы. Но в целом период болезни укрепляет семейные узы. [...] Воспитание, отдаляющее от чуткости в отношении болезни человека, ожесточает сердца. В итоге юноши и девушки получают «обезболивание» от чужого страдания, неспособны считаться со страданием и переживать связанные с ним ограничения»^[295].

278. Воспитательной встрече между родителями и детьми могут способствовать либо препятствовать все более изощренные технологии коммуникации и развлечения. Они могут быть полезными при правильном использовании – например, могут объединять членов семьи, несмотря на расстояние. С их помощью можно поддерживать контакты, решать проблемы^[296]. Однако нужно четко понимать, что средства коммуникации не замещают необходимость в более личном и глубоком общении, для чего необходим физический контакт или, по крайней мере, голос другого человека. Мы знаем, что порой средства коммуникации не сближают, а отдаляют – например, когда во время приема пищи все

сосредоточены на своих мобильных телефонах или когда один из супругов засыпает, пока другой часами играет со своим электронным гаджетом. В семье и это должно стать темой диалога для достижения согласия, чтобы приоритетом была встреча членов семьи, а не необоснованные запреты. Впрочем, нельзя игнорировать угрозу новых форм коммуникации для детей и подростков; порой они становятся апатичными и отключаются от реального мира. Из-за «техногенного аутизма» они легко оказываются жертвами манипуляции тех, кто стремится проникнуть в их личное пространство с эгоистичными интересами.

279. Но родители не должны доминировать над детьми. Воспитание у детей доверия только к родителям мешает необходимому процессу социализации и эмоционального созревания. «Христианские общины призваны поддерживать воспитательную миссию семей»^[297] для распространения отцовства и материнства за пределы семьи, прежде всего с помощью катехизации и подготовки к таинствам. Для интегрального воспитания нам необходимо «обновить союз между семьями и христианской общиной»^[298]. Синод подчеркнул важность католических школ, «играющих важную роль и помогающих родителям исполнять долг воспитания детей. [...] Нужно поощрять миссию католических школ, помогающих ученикам вырастать зрелыми людьми, смотрящими на мир любящим взглядом Иисуса и понимающими жизнь как призвание служить Богу»^[299]. В связи с этим «следует решительно подтвердить свободу Церкви преподавать свое учение и право педагогов на возражение по мотивам совести»^[300].

Необходимость сексуального воспитания

280. II Ватиканский Собор предвидел необходимость «позитивного и мудрого полового воспитания», прививаемого детям и подросткам «по мере взросления», «принимая во внимание прогресс психологии, педагогики и дидактики»^[301]. Нам следует задаться вопросом, приняли ли наши образовательные учреждения этот вызов. Трудно представить себе половое воспитание в эпоху банализации и обеднения сексуальности. Его можно понять лишь в рамках воспитания любви, взаимной самоотдачи. Тем самым язык сексуальности не прискорбно обедняется, а наполняется светом. Сексуальный импульс можно воспитать в процессе самопознания и развития самообладания, которые могут помочь развить ценное умение радоваться и встречать с любовью.

281. Сексуальное воспитание должно давать информацию, не забывая о том, что дети и подростки еще не достигли полной зрелости. Информацию нужно подавать надлежащим образом, адаптируя ее к этапу развития слушателей. Бессмысленно предоставлять данные, не развивая критическое отношение в условиях наплыва предложений, неконтролируемого распространения порнографии, переизбытка стимулов, способных изуродовать сексуальность. Юноши и девушки должны осознавать, что их со всех сторон бомбардируют информацией, не заботясь об их благе и созревании. Необходимо помочь им распознавать и искать положительные стороны и одновременно дистанцироваться от всего, что

деформирует способность любить. Равным образом нам следует согласиться с тем, что «потребность в новом, более подходящем языке возникает прежде всего в момент знакомства детей и подростков с темой сексуальности»[\[302\]](#).

282. Сексуальное воспитание, сохраняющее здоровую стыдливость, обладает высочайшей ценностью, хотя некоторые наши современники считают стыдливость уделом прошлого. Стыдливость – естественная защита внутреннего мира, реакция личности, избегающей превращения в объект. Без нее любовь и сексуальность можно свести к навязчивому влечению, сосредоточенному исключительно на половой сфере, на болезненном искажении нашей способности любить, на всевозможных формах сексуального насилия, подвергающего нас бесчеловечному обращению или заставляющего причинять вред другим.

283. Часто сексуальное воспитание фокусируется на призыве «предохраняться», стремиться к «безопасному сексу». Эти понятия отражают негативное отношение к естественному детородному предназначению сексуальности, словно возможный ребенок – враг, от которого следует защищаться. Тем самым вместо открытости к его принятию распространяется нарциссическая агрессивность. Любое приглашение подросткам играть со своим телом и желаниями безответственно: они еще не обрели зрелость, ценности, не приняли взаимное обязательство и не поставили перед собой цели, присущие браку. Их весело призывают воспользоваться другой личностью как подопытным образцом, чтобы компенсировать свои недостатки и слабости. Вместо этого важно учить разным выражениям любви, заботы друг о друге, уважительной нежности, наполненному смыслом общению. Все это подготавливает к полному и щедрому дарованию себя, выраженному после публичного принятия обязательства в телесном соединении. Сексуальный союз в браке, тем самым, предстает знаком всецелой самоотдачи, обогащенной всем, что ему предшествовало.

284. Не нужно обманывать юношей и девушек, заставляя путать уровни реальности: половое влечение «создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви это “единство” оставляет чужих такими же чужими друг другу, какими они были прежде»[\[303\]](#). Язык тела требует терпеливого овладения, позволяющего интерпретировать и воспитывать свои желания ради истинной самоотдачи. Претендуя на то, чтобы отдать все сразу, не отдашь ничего. Одно дело – понимать возрастную слабость, растерянность, другое дело – поощрять подростков как можно дольше оставаться незрелыми в любви. Но кто сегодня об этом говорит? Кто способен серьезно относиться к молодежи? Кто помогает им серьезно подготовиться к высокой и бескорыстной любви? Поверхностное сексуальное воспитание слишком многое ставит на карту.

285. Сексуальное воспитание должно включать в себя уважение и внимание к отличиям других людей как к возможности помочь молодежи преодолеть закрытость в себе и открыться к принятию других. Независимо от возможных понятных трудностей, следует

помогать принять свое тело таким, каким оно сотворено, так как «логика господства над своим телом трансформируется порой в слабую логику господства над творением [...]». Ценить свое тело – его женственность или мужественность – необходимо, чтобы уметь признавать самих себя во встрече с другим человеком, отличным от нас. Тем самым возможно с радостью принимать особый дар другого или другой – дело Бога Отца – и взаимно обогащаться»[304]. Лишь оставив страх перед отличиями, можно в итоге освободиться от имманентности собственного бытия и увлечения самим собой. Сексуальное воспитание должно помогать принять свое тело так, чтобы человек не претендовал «отменить сексуальное отличие, поскольку непонятно, что с ним делать»[305].

286. Нельзя игнорировать, что на конфигурацию образа бытия – женственного или мужественного – влияет не только сочетание биологических и генетических факторов, но и множество элементов, относящихся к темпераменту, истории семьи, культуре, приобретенному опыту, полученному воспитанию, влиянию друзей, родственников, тех, кем мы восхищаемся, а также другие конкретные обстоятельства, заставляющие подстраиваться под них. Правда, что мы не можем отделить мужское и женское начала от творения Божия, предшествующего всем нашим решениям и опыту, и что в этих началах присутствуют биологические элементы, которые невозможно игнорировать. Однако правда и то, что мужское и женское начало – не что-то незыблемое. К примеру, мужское начало мужа может гибко адаптироваться к условиям работы жены. Выполнение домашних обязанностей и забота об уходе за детьми не умаляет его мужественности, не означают неудачу, падение, позор. Нужно помогать детям принимать как вполне нормальный такой здоровый «взаимообмен», ни в коей мере не унижающий достоинство отца. Категоричность в этой области предполагает преувеличение мужского или женского начала, она не учит детей и молодежь взаимности, воплощаемой в реальных условиях брака. Такой категоричный подход может помешать развитию способностей и дойти вплоть до мнения, что занятия искусством и танцами – не мужское дело, а женщине не подобает быть лидером. Слава Богу, отношение изменилось, но в некоторых местах ограниченное понимание по-прежнему влияет на законную свободу и калечит настоящее развитие конкретной идентичности детей и их потенциала.

Передавать веру

287. Воспитание детей должно характеризоваться процессом передачи веры, затрудненным современным образом жизни, графиком работы, сложностью сегодняшнего мира, в котором многие, чтобы выжить, подчиняются безостановочному ритму[306]. Несмотря на это, семья должна оставаться пространством, где учатся принимать основы веры и ее красоту, молиться и служить ближнему. Все это начинается с крещения, в котором, по словам святого Августина, матери, принося детей, «соучаствуют в священном рождении»[307]. Затем начинается путь возрастания в новой жизни. Вера – дар Божий, полученный в крещении, а не результат человеческих действий, однако родители – орудия

Бога, содействующие созреванию и возрастанию веры. Поэтому «прекрасно, когда мамы учат маленьких детей приветствовать воздушным поцелуем Иисуса и Пресвятую Деву. Сколько нежности в этом жесте! В эту секунду детское сердце преобразуется в молитвенное пространство»^[308]. Передача веры предполагает, что родители переживают реальный опыт доверия к Богу, ищут Его, нуждаются в Нем, ведь только так «род роду будет восхвалять дела Твои и возвещать о могуществе Твоем» (Пс 144, 4), а «отец возвестит детям истину Твою» (Ис 38, 19). Это призывает нас молить Бога действовать в их сердцах, в тех местах, которых мы не можем достичь. Из крошечного горчичного зерна вырастает большой куст (см. Мф 13, 31-32), тем самым мы признаем непропорциональность действия и его эффекта. Будем помнить, что мы не господа дара, а его заботливые распорядители. Однако вклад нашего творческого усилия позволяет нам сотрудничать с инициативой Бога. Поэтому «нужно стараться видеть в супружеских парах, в матерях и отцах активных субъектов катехизации [...]. Очень полезна семейная катехизация как действенный метод воспитания молодых родителей, помогающий им осознать свою евангелизаторскую миссию в семье»^[309].

288. Воспитание в вере следует адаптировать к каждому ребенку, поскольку ранее освоенные орудия и рецепты могут не подействовать. Детям нужны символы, жесты, рассказы. Подростки обычно конфликтуют с авторитетом и нормами, поэтому следует стимулировать их личный опыт веры, предлагать им яркие свидетельства, привлекающие своей красотой. Родители, желающие сопровождать в вере детей, должны внимательно относиться к переменам в детях и помнить, что духовный опыт не навязывается, а предлагается их свободе. Важно, чтобы дети видели, что молитва действительно важна для родителей. Молитва в семье и практики народного благочестия обладают большей евангелизационной силой, чем все катехизации и беседы. Я хотел бы особо поблагодарить всех матерей, по примеру святой Моники не прекращающих молитву за детей, удалившихся от Христа.

289. Старание передать детям веру, в смысле облегчения ее выражения и ее возрастания, помогает всей семье исполнять миссию евангелизации. Для семьи становится естественным распространять веру повсюду, даже за пределами семейного круга. Дети, выросшие в миссионерских семьях, часто становятся миссионерами; взрослея в теплых, дружеских семьях, они учатся полагаться на мир, не отказываясь от своей веры и убеждений. Мы знаем, что Сам Иисус ел и пил с грешниками (см. Мк 2, 16; Мф 11, 19), беседовал с самарянкой (см. Ин 4, 7-26), принимал ночью Никодима (см. Ин 3, 1-21), позволил блуднице помазать Ему ноги (см. Лк 7, 36-50), без колебания возлагал руки на больных (см. Мк 1, 40-45; 7, 33). То же самое совершали Его апостолы, не смотря на других свысока, объединившись в малочисленные группы избранных, изолированные от жизни народа. Несмотря на гонения власти, апостолы пользовались симпатией всего народа (см. Деян 2, 47; 4, 21.33; 5, 13).

290. «Семья становится субъектом пастырского делания, открыто возвещая Евангелие и свидетельствуя о солидарности с бедными, об открытости в отношении различных людей, о сохранении творения, нравственной и материальной солидарности с другими семьями, особенно – с самыми нуждающимися. Семья стремится распространять общее благо, изменять несправедливые социальные структуры, начиная с территории, на которой проживает, практикуя дела телесного и духовного милосердия»[\[310\]](#). Все это выражает нашу глубокую христианскую веру в любовь направляющего и поддерживающего нас Отца – в любовь, явленную нам в полном самопожертвовании Иисуса Христа, живущего среди нас, помогающего нам в единстве преодолевать все бури на всех этапах жизни. В сердце каждой семьи в подходящее и не подходящее время должна вновь звучать *керигма*, освещающая наш путь. Благодаря опыту наших семей мы все должны суметь сказать: «Мы познали любовь, которую имеет к нам Бог» (1 Ин 4, 16). Лишь на основе этого опыта пастырское попечение о семьях может помочь им оставаться домашними Церквями и закваской благовестия в обществе.

ГЛАВА VIII

СОПРОВОЖДАТЬ, РАСПОЗНАВАТЬ И ВБИРАТЬ В СЕБЯ СЛАБОСТИ

291. Отцы Синода заявили, что, хотя Церковь считает любой разрыв брачных уз противоречащим «воле Божией, она также знает слабость многих своих чад»[\[311\]](#). Просвещенная взглядом Христа, она «с любовью обращается к тем, кто не в полной мере участвует в Его жизни, признавая, что благодать Божия действует и в их жизни, сообщая им мужество творить добро, с любовью заботиться друг о друге и служить сообществу, в котором они живут и работают»[\[312\]](#). С другой стороны, эта позиция укрепилась в Юбилейном году, посвященном Милосердию. Хотя Церковь всегда предлагает совершенство и призывает наиболее полно ответить Богу, она «должна внимательно и заботливо сопровождать своих самых слабых чад, страдающих из-за раненной и утраченной любви, чтобы вернуть им упование и надежду, словно свет портового маяка или факел среди народа, чтобы освещать тех, кто утратил направление или оказался застигнутым бурей»[\[313\]](#). Не забудем, что часто труды Церкви напоминают работу полевого госпиталя.

292. Христианский брак, отражение союза Христа и Церкви, полностью исполняется в союзе между мужчиной и женщиной, отдающих себя друг другу в исключительной любви и добровольной верности. Они принадлежат друг другу до смерти и открываются для передачи жизни; они освящены таинством, сообщаящим им благодать быть домашней Церковью и закваской новой жизни для общества. Какие-то союзы радикально противоречат этому идеалу, некоторые отчасти, по аналогии, приближаются к нему. Отцы Синода заявили, что Церковь всегда ценит конструктивные элементы в ситуациях, которые пока еще не соответствуют или больше не отвечают ее учению о браке[\[314\]](#).

Постепенность в пастырском попечении

293. Отцы Синода рассмотрели особенное положение гражданского брака и, с должным признанием различий, простого сожительства: «Если союз достигает крепкой стабильности благодаря публичным узам, если он отмечен глубокой любовью, ответственностью перед потомством, способностью преодолевать испытания, то такой союз справедливо воспринимать как возможность для сопровождения в развитии по пути к таинству брака»^[315]. С другой стороны, вызывает беспокойство, что многие современные юноши и девушки не доверяют браку, поэтому сожительствуют и постоянно откладывают принятие супружеского обязательства. Другие же быстро слагают с себя взятое обязательство и сразу же строят новые отношения. «Эти верные, будучи частицей Церкви, нуждаются в милосердном и ободряющем пастырском внимании»^[316]. Пастырям следует не только поддерживать христианский брак, но и «изучать положение многих, кто больше не живет этой реалией», чтобы «вступать в пастырский диалог с такими людьми для выявления элементов жизни, которые могли бы привести к большей открытости Евангелию о браке во всей его полноте»^[317]. Пастырям необходимо «выявлять элементы, способные содействовать евангелизации, человеческому и духовному развитию»^[318].

294. Выбор в пользу гражданского брака или, в других случаях, простого сожительства часто обусловлен не предрассудками или сопротивлением в отношении сакраментального союза, а культурной или временной ситуацией»^[319]. В этих ситуациях можно оценить знаки любви, некоторым образом отражающие любовь Божию^[320]. Мы знаем, что «постоянно увеличивается число тех, кто, прожив вместе длительное время, просит о заключении брака в Церкви. Простое сожительство нередко выбирается из-за общего мировоззрения, противящегося институтам и определенным обязательствам, но также и в ожидании жизненной стабильности (работа и фиксированная заработная плата). В некоторых странах, напротив, фактические союзы очень распространены не только из-за отказа от ценностей семьи и брака, но, в первую очередь, в силу того факта, что женитьба воспринимается как роскошь из-за социальных условий, поэтому материальная необеспеченность вынуждает жить в фактическом союзе»^[321]. «Все эти ситуации необходимо конструктивно разбирать, стараясь трансформировать их в возможность найти путь к полноте брака и к семье в свете Евангелия. Нужно принимать их, терпеливо и деликатно сопровождать»^[322]. Именно так поступил Иисус с самарянкой (см. Ин 4, 1-26): Он обратился к ней с пожеланием истинной любви, чтобы освободить ее от всего, что затмевало ее жизнь, и направить к совершенной радости Евангелия.

295. В русле этого святой Иоанн Павел II предлагал так называемый «закон постепенности», зная, что человек «познает, любит и творит нравственное благо в соответствии со степенью своего развития»^[323]. Это не «постепенность закона», а постепенное мудрое осуществление свободных актов в субъектах, которые не в состоянии понять, оценить и в полной мере исполнять объективные требования закона. Ведь закон –

это дар Божий, указующий путь, дар для всех без исключения, по которому можно жить благодаря силе благодати, хотя каждый человек «постепенно движется вперед со все более усиливающимся проникновением даров Божиих и требований Его совершенной и абсолютной любви во все аспекты личной и общественной жизни человека»[\[324\]](#).

Распознавание ситуаций, называемых «неупорядоченными»[\[325\]](#)

296. Синод обратился к различным ситуациям, отмеченным слабостью и несовершенством. В связи с этим я хотел бы напомнить пояснение, обращенное ко всей Церкви, чтобы мы не сбились с пути: «Всю историю Церкви пересекают два способа мышления: изгнание и восстановление [...]. Путь Церкви, от Иерусалимского Собора и далее, неизменно остается путем Иисуса: путем милосердия и восстановления [...]. Путь Церкви – не вечное осуждение кого-либо; это путь излияния милосердия Божия на всех, кто с искренним сердцем просит об этом [...], потому что истинное милосердие всегда незаслуженно, безусловно и безвозмездно!»[\[326\]](#). «Нужно избегать суждений, не учитывающих сложность разных ситуаций, необходимо быть внимательными к тому, как люди живут и страдают из-за своего положения»[\[327\]](#).

297. Необходимо всех собрать, помочь каждому найти свой способ участвовать в церковной общине, чтобы каждый ощутил себя объектом «незаслуженного, безусловного и безвозмездного» милосердия. Никто не может быть осужден навсегда, ведь это противоречит логике Евангелия! Я думаю не только о разведенных, живущих в новом союзе, но и обо всех, каково бы ни было их положение. Ясно, что человек, упорствующий в объективном грехе и считающий, что его позиция соответствует христианскому идеалу, или стремящийся навязать мысли, противоречащие учению Церкви, не может проводить катехизацию и проповедовать. В этом смысле что-то отделяет его от общины (см. Мф 18, 17). Ему необходимо вновь услышать евангельскую Благою Весть и призыв к обращению. Но даже такой человек может некоторым образом участвовать в жизни общины: в социальном служении, в молитвенных встречах, в инициативах, предлагаемых им после обсуждения с пастырем и тщательного изучения. Отцы Синода, обсуждая тактику отношения к разным, так называемым, «неупорядоченным» ситуациям, достигли общего согласия, и я их поддерживаю: «В плане пастырского подхода к людям, заключившим гражданский брак, состоящим в разводе и вступившим в новый союз или просто сожительствующим, Церковь должна открывать им Божественную педагогику благодати в их жизни и помогать достичь полноты замысла Божия»[\[328\]](#), что всегда возможно силой Святого Духа.

298. Например, положение разведенных, живущих в новом союзе, может сильно различаться, его невозможно подвергнуть строгой классификации, не оставляя пространства для надлежащего личного и пастырского распознавания. Одно дело – укрепившийся со временем новый союз, в котором родились дети, где верность, щедрая

самоотдача, христианское обязательство нашли свое подтверждение; и где присутствует осознание неупорядоченности своего положения и понимание, что очень трудно вернуться назад, не ощущая угрызений совести за то, что из-за этого другой может вновь согрешить. Церковь признает ситуации, в которых «мужчина и женщина по серьезным причинам, таким, например, как воспитание детей, не могут полностью удовлетворить требование жить врозь»[329]. Есть те, кто искренне пытался сохранить первый брак, но сам был незаслуженно оставлен, «есть и такие, кто заключил новый союз ради воспитания детей, часто в своей совести будучи субъективно убежден в том, что предыдущий брак, непоправимо разрушенный, никогда не был действительным»[330]. Совсем другое дело, когда новый союз заключен сразу после развода и, как следствие, причиняет страдание детям и целым семьям, смущает их. Или когда некто вновь и вновь пренебрегает своими семейными обязанностями. Должно быть ясно, что не такой идеал брака и семьи предлагает Евангелие. Отцы Синода подтвердили, что пастырское распознавание должно всегда опираться на «надлежащее различие»[331], необходимо тщательно рассматривать разные ситуации[332]. Мы знаем, что «простых рецептов нет»[333].

299. Я принимаю замечания немалого числа Отцов Синода, пожелавших заявить, что «разведенных крещеных, заключивших новый гражданский союз, следует всеми возможными способами привлекать к христианским общинам, избегая любых поводов для соблазна. Логика интеграции – ключ к пастырскому попечению об этих лицах, чтобы они не только знали о своей принадлежности к Телу Христову, которое есть Церковь, но и могли извлечь из этого радостный и плодотворный опыт. Они крещены, они братья и сестры, Святой Дух изливает на них дары и харизмы на благо всех. Их участие может воплощаться в различных формах церковного служения, поэтому необходимо различать, какие нынешние формы исключения можно устранить из литургической, пастырской, образовательной и институциональной сфер. Эти верные не только не должны чувствовать себя отлученными от причастия, но и могут жить и развиваться как живые члены Церкви, воспринимая ее как всегда принимающую мать, с любовью заботящуюся о них и ободряющую их на жизненном пути согласно Евангелию. Эта интеграция необходима и ради попечения о христианском воспитании их детей, именно дети важнее всего»[334].

300. Учитывая множество конкретных ситуаций, например, перечисленных выше, понятно, что от Синода или от настоящего Апостольского обращения нельзя было ожидать нового общего, применимого ко всем случаям, канонического предписания. Можно лишь обновить призыв к ответственному личному и пастырскому распознаванию в особых случаях, «поскольку степень ответственности неодинакова во всех ситуациях»[335], а значит, следствия и действие нормы необязательно должны всегда оставаться неизменными[336]. На пресвитеров возложена обязанность «сопровождать заинтересованных лиц на пути распознавания, согласно учению Церкви и указаниям епископа. Для этого полезно провести испытание совести с помощью размышлений и раскаяния. Разведенным, вступившим в новый союз, следует спросить себя, как они вели себя по отношению к детям, когда

проявился кризис супружества; пытались ли они примириться; каково положение оставленного партнера; как отражаются новые отношения на остальной семье и на общине верующих; какой пример можно предложить молодежи, готовящейся к таинству брака. Искреннее размышление способно укрепить упование на милосердие Божие, которым никто не обделен»[337]. Необходимо процесс сопровождения и распознавания, «направляющий таких верных к осознанию своего положения перед Богом. Беседа со священником на «внутреннем форуме» позволяет собрать информацию для вынесения правильного суждения о том, что препятствует возможности для более полноценного участия в жизни Церкви, и о том, какие шаги следует предпринять, чтобы укрепить это участие. Поскольку в законе нет постепенности (см. *Familiaris consortio*, 34), такое различие ни в коем случае не может пренебречь предлагаемыми Церковью Евангельскими призывами к истине и милосердию. Для этого обязательно необходимы смирение, конфиденциальность, любовь к Церкви и ее учению, искренний поиск воли Божией и желание прийти к совершенному итогу»[338]. Такое отношение играет фундаментальную роль, чтобы избежать серьезной угрозы ошибки, например, ложного представления о том, что любой священник может быстро пойти на «уступки» или что есть люди, которые могут получить сакраментальные привилегии в обмен на услуги. Когда ответственная и тактичная личность, не претендующая на то, что ее желания выше общего блага Церкви, встречается с пастырем, способным распознать серьезность обсуждаемой проблемы, нет никакой опасности, что определенное распознавание приведет к мысли, что Церковь поддерживает двойную мораль.

Смягчающие обстоятельства в пастырском распознавании

301. Для верного понимания, почему в некоторых ситуациях, называемых «неупорядоченными», возможно и необходимо особое различие, следует учитывать одну проблему, о которой не думают те, кто стремится приуменьшить требования Евангелия. Церковь совершает серьезное размышление о смягчающих условиях и обстоятельствах. Поэтому нельзя говорить, что пребывающие в какой-либо из так называемых «неупорядоченных» ситуаций живут в состоянии смертного греха и лишены освящающей благодати. Границы не зависят просто от игнорирования нормы. Субъект, даже хорошо зная норму, лишь с большим трудом может понять «ценности, заключенные в нравственной норме»[339], или может оказаться в конкретных условиях, не позволяющих ему действовать иначе и принимать иное решение, не совершив при этом нового греха. Как хорошо выразились Отцы Синода, «могут существовать факторы, ограничивающие способность принять решение»[340]. Еще святой Фома Аквинский признавал, что человек может обладать благодатью и милосердием, не будучи в состоянии строго придерживаться какой-нибудь добродетели[341], то есть, даже обладая в душе всеми нравственными добродетелями, не очевидно проявлять наличие какой-либо из них, поскольку ему трудно внешне выразить эту добродетель: «Говорят, что некоторые святые не обладают определенными добродетелями, так как им трудно подтвердить их наличие деяниями, [...] даже если им и свойственны все добродетели»[342].

302. В отношении смягчающих обстоятельств *Катехизис Католической Церкви* говорит решительно: «Вменение вины и ответственность за поступок могут быть смягчены или даже совсем сняты, если он совершен по незнанию, по оплошности, под угрозой насилия, из страха, по привычке, от бесконтрольных чувств или при возникновении других психических или социальных факторов»[343]. В другом пункте Катехизис вновь отсылает к обстоятельствам, смягчающим моральную ответственность, и относит к ним эмоциональную незрелость, силу привычек, состояние страха и другие психические и социальные факторы[344]. По этой причине негативное суждение об объективной ситуации не предполагает вменения вины вовлеченному в ситуацию человека[345]. В русле этих утверждения я считаю очень уместным мысль, с которой согласились многие Отцы Синода: «В определенных обстоятельствах людям очень трудно поступать иначе. [...] Пастырское распознавание, учитывая должным образом сформированную совесть личности, должно брать на себя ответственность за такие ситуации. Даже последствия совершенных поступков необязательно одинаковы во всех случаях»[346].

303. Признавая влияние конкретных условий, можно сделать вывод, что в ряде ситуаций, при которых объективно не реализуется наше понимание брака, совесть людей следует лучше включать в практику Церкви. Естественно, нужно поощрять созревание просвещенной совести, сформированной серьезным пастырским распознаванием, предлагать больше полагаться на благодать. Но эта совесть может не только признать, что ситуация объективно не отвечает общим требованиям Евангелия. Она может также искренне и честно признать, что сейчас именно таков самый великодушный ответ, который может быть дан Богу, с определенной нравственной уверенностью видя, что Сам Бог, учитывая конкретную сложность ограничений, просит об этом, несмотря на то, что объективный идеал пока не достижим в полной мере. В любом случае, давайте помнить, что процесс распознавания динамичен, что он всегда должен быть открыт для новых этапов развития и новых решений, позволяющих полнее воплотить идеал.

Нормы и распознавание

304. Недостаточно останавливаться на рассмотрении, соответствуют ли поступки личности закону или общей норме, так как этого недостаточно для распознавания и проявления полной верности Богу в конкретной жизни человеческого существа. Я горячо прошу всегда помнить, о чем учит святой Фома Аквинский, научиться воплощать его слова в пастырском распознавании: «Хотя существует потребность в общих принципах, чем более углубляешься в частности, тем больше становится неопределенности. [...] В практическом поле не для всех равна истина или практическая норма, касающаяся частности, но лишь та, что относится к общему. И среди тех, кто в частных случаях принимает одну и ту же практическую норму, не все ее одинаково знают. [...] И чем больше углубляешься в частное, тем больше становится неопределенности»[347]. Правда, что общие нормы представляют нам благо, которым ни в коем случае нельзя пренебрегать, однако их формулировка не может объять абсолютно все

частные ситуации. Следует сказать, что именно по этой причине практическое распознавание частной ситуации нельзя возводить до уровня нормы. Это приведет не только к неприемлемой казуистике, но и поставит под угрозу ценности, которые необходимо сохранять с особым вниманием[348].

305. Поэтому пастырь не может удовольствоваться применением исключительно нравственных законов к тем, кто живет в «неупорядоченной» ситуации, бросая эти законы, словно камни, в жизни людей. Так поступают закрытые сердца, нередко скрывающиеся даже за постулатами учения Церкви, «чтобы сидеть на кафедре Моисеевой и разбирать, порой высокомерно и поверхностно, трудные случаи и судить израненные семьи»[349]. В этом же русле высказалась Международная богословская комиссия: «Естественный закон нельзя представлять как устоявшийся свод правил, *априори* навязываемый нравственному субъекту. Естественный закон – источник объективного вдохновения неизбежно личного процесса принятия решения»[350]. Из-за условностей и смягчающих факторов можно в объективной ситуации греха – который может не быть субъективно вменен в вину или вменен не полностью – жить благодатью Божией, любить, возрастать в жизни благодати и милосердия, получая для этого помощь от Церкви[351]. Распознавание должно находить возможные пути ответа Богу и развития среди ограничений. Считая все белым или черным, мы порой закрываем путь благодати и возрастания, не поддерживаем пути освящения, воздающие славу Богу. Давайте помнить, что «маленький шаг в обстановке серьезных человеческих ограничений может оказаться более угодным Богу, чем внешне правильная жизнь того, кто проводит свои дни, не оказывая сопротивления серьезным трудностям»[352]. Конкретное пастырство служителей и общин не может отказываться от этой реальности.

306. В любых обстоятельствах, когда трудно полностью жить по закону Божию, должен вновь зазвучать призыв вступить на *via caritatis* – путь милосердия. Братская любовь – первый закон христиан (ср. Ин 15, 12; Гал 5, 14). Не забудем обещание Писания: «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (1 Петр 4, 8); «искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным» (Дан 4, 24); «вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи» (Сир 4, 30). Тому же учил святой Августин: «*Как при пожаре мы бежим искать воду, чтобы затушить его, [...] так, если от нашей соломы страстей разгорается пламя греха и это нас беспокоит, то когда представится возможность совершить дело милосердия, возрадуемся этому как источнику, данному нам, чтобы суметь угасить пожар*»[353].

Логика пастырского милосердия

307. Во избежание неверной интерпретации напоминаю, что Церковь никоим образом не должна отказываться от полного идеала брака, замысла Божия во всем его величии: «Молодых крещеных следует призывать не колебаться перед богатством, приносимым

таинством брака их любовным планам; поощрять их укрепляться поддержкой, получаемой от благодати Христа и от возможности полноценно участвовать в жизни Церкви»[354]. Равнодушие, какие-либо проявления релятивизма или неоправданное замалчивание этого идеала свидетельствовали бы об отсутствии верности Евангелию и даже об отсутствии любви у Церкви к юношам и девушкам. Понимание исключительных ситуаций отнюдь не означает утаивания света полноценного идеала: нельзя предлагать меньше того, что Иисус дает человеческому существу. Сегодня намного важнее пастырской работы с неудачными союзами именно пастырские усилия, направленные на укрепление брака и предотвращение разрывов.

308. Тем не менее из нашего осознания серьезности смягчающих обстоятельств – психологических, исторических и даже биологических – следует, что, «не уменьшая ценности евангельского идеала, надлежит с милосердием и терпением сопровождать всевозможные этапы возрастания личностей, формирующихся день за днем», отводя пространство для «милосердия Господня, поощряющего нас творить по возможности добро»[355]. Я понимаю тех, кто предпочитает более строгое пастырство, не допускающее какого-либо смещения. Но я искренне верю, что Иисусу угодна Церковь, внимательная к благу, расточаемому Духом среди слабости: Мать, которая, ясно выражая свое объективное учение, «не отказывается от возможного блага, но идет навстречу опасности испачкаться уличной грязью»[356]. Пастыри, предлагающие верным полный идеал Евангелия и учения Церкви, должны помогать им усвоить логику сострадания слабым людям, избегать преследований, суровых и нетерпеливых суждений. Само Евангелие призывает нас не судить и не осуждать (см. Мф 7, 1; Лк 6, 37). Иисус «ожидает, что мы перестанем искать себе убежища, личного или общинного, позволяющего держаться в стороне от узла человеческой драмы, что мы действительно согласимся вступить в контакт с конкретной жизнью других людей и познаем силу нежности. Когда мы так поступаем, жизнь обязательно усложняется»[357].

309. Провиденциально, что эти размышления звучат в рамках Юбилейного Года, посвященного милосердию, так как в условиях самых разных ситуаций, касающихся семьи, «на Церковь возложена миссия возвещать милосердие Бога, пульсирующее сердце Евангелия, которое через нее должно достичь сердца и разума каждой личности. Невеста Христова поступает, как Сам Сын Божий, идущий ко всем без исключения»[358]. Хорошо известно, что Сам Иисус называет себя Пастырем ста овец, а не девяносто девяти. Ему угодны все. Помня об этом, можно «всем, верующим и дальним, нести бальзам милосердия как знамение уже присутствующего среди нас Царствия Божия»[359].

310. Нельзя забывать, что «милость – не только дело Отца, она становится критерием, позволяющим понять, кто Его настоящие дети. Итак, мы призваны поступать милостиво, потому что прежде сами были помилованы»[360]. Это не романтическое предложение и не слабый ответ на любовь Бога, всегда желающего людям развития, ведь «жизнь Церкви

основана на милосердии. Вся пастырская деятельность, направленная на верующих, должна быть проникнута нежной любовью; весть и свидетельство, обращенные к миру, отнюдь не могут обойтись без милосердия»[361]. Правда, что «часто мы поступаем, как контролеры благодати, а не как наставники. Однако Церковь – не таможня, а отчий дом, где есть место для каждого, какой бы сложной ни была его жизнь»[362].

311. Учение нравственного богословия не должно пренебрегать этими замечаниями, ведь, хотя необходима забота о цельности нравственного учения Церкви, всегда нужно уделять особое внимание тому, чтобы открывать и приближать высшие и центральные ценности Евангелия[363], в первую очередь – первенство милосердия в качестве ответа на бескорыстную инициативу любви Бога. Порой нам дорогого стоит место, отведенное в пастырстве безусловной любви Бога[364]. Мы ставим столько условий для милосердия, что опустошаем его конкретное содержание и реальный смысл. Это наихудший способ размыть Евангелие. Например, милосердие не исключает справедливости и истины, но, в первую очередь, мы должны говорить, что милосердие – полнота справедливости и самое лучезарное проявление истины Божией. Поэтому всегда следует считать «несостоятельной любую богословскую концепцию, которая, в конечном счете, подвергает сомнению само всемогущество Бога и, особенно, Его милосердие»[365].

312. Все это дает нам рамки, не позволяющие развивать холодную бюрократическую мораль при разборе деликатных тем. Нам, скорее, необходимы условия для пастырского различения, исполненного милосердной любви, всегда готового понять, простить, сопровождать, надеяться и, самое главное, интегрировать. Именно эта логика должна преобладать в Церкви, чтобы «открыть сердца навстречу тем, кто находится на самых отдаленных задворках жизни»[366]. Призываю верующих, переживающих сложные ситуации, с доверием обратиться для беседы к пастырям либо к мирянам, живущим в преданности Господу. Вы не всегда найдете у них подтверждение своих идей и желаний, но, безусловно, обретете свет, позволяющий лучше понять происходящее и открыть для себя путь личностного созревания. Призывают пастырей слушать с любовью и спокойствием, искренне желая проникнуть в средоточие драмы людей, понять их точку зрения, чтобы помочь им жить лучше и найти свое место в Церкви.

ГЛАВА IX

СУПРУЖЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ДУХОВНОСТЬ

313. Милосердие обретает разные оттенки, соответственно жизненному статусу, к которому призван каждый из нас. Еще несколько десятилетий назад II Ватиканский Собор, говоря об апостольском служении мирян, подчеркивал духовность, находящую свое начало в семейной жизни. Собор отмечал, что духовность мирян «должна приобретать особое свойство, в зависимости от жизненного статуса каждого: от брака и семьи»[367], и что

семейные заботы не чужды их духовному образу жизни[368]. Поэтому стоит вкратце остановиться на описании некоторых основных черт этой специфической духовности, развивающейся в динамике отношений семейной жизни.

Духовность сверхъестественного общения

314. Мы всегда говорили о том, что в сердце человека, живущего по благодати Божией, Бог устраивает Себе обитель. Сегодня мы можем также сказать, что Святая Троица присутствует в храме супружеского общения. Как Троица пребывает в славословиях Своего народа (ср. Пс 22, 4), так же Она, сокровенным образом, пребывает и в прославляющей Ее супружеской любви.

315. Господь присутствует в реальной и конкретной семье, со всеми ее страданиями, борьбой, радостями и ежедневными планами. Живя в семье, трудно лгать и притворяться, нельзя спрятаться за маской. И если любовь одухотворяет такую искренность, то Господь царствует в семье Своей радостью и миром. Духовность семейной любви состоит из тысяч реальных и конкретных жестов. В этом многообразии даров и встреч, позволяющих развивать общение, пребывает Сам Бог. Самоотдача соединяет «человеческие и Божественные ценности»[369], так как преисполнена любви Божией. В конечном счете, духовность брака – это духовность уз, населенных Божественной любовью.

316. Правильно переживаемое семейное общение – истинный путь освящения в обычной жизни и мистическое развитие, средство для тесного соединения с Богом. Действительно, братские и общинные потребности семейной жизни дают возможность все больше открывать сердце, благодаря чему становится возможной все более полная встреча с Господом. Слово Божие гласит: «кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме» (1 Ин 2, 11), «пребывает в смерти» (1 Ин 3, 14) и «не познал Бога» (1 Ин 4, 8). Мой предшественник, Бенедикт XVI, сказал, что «невнимание к ближнему делает нас также слепыми по отношению к Богу»[370] и что любовь в итоге – единственный свет, «просвещающий вновь и вновь мрак мира»[371]. Лишь «если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» (1 Ин 4, 12). Поскольку «человеческая личность обладает естественным и структурным социальным измерением»[372] и «первое и основное выражение социального измерения личности есть супружеская чета и семья»[373], духовность воплощается в семейном общении. Поэтому те, кто испытывает глубокие духовные побуждения, не должны считать, что семья отдаляет их от возрастания в жизни Духа. Семья – путь, по которому Господь ведет их к вершинам мистического союза.

Соединенные в молитве в свете Пасхи

317. Если семье удастся сконцентрироваться на Христе, то Он объединяет и просвещает всю семейную жизнь. Скорби и проблемы переживаются в единении с Крестом Господа, Его

объятия позволяют пережить худшие моменты. В горькие дни семья представляет собой союз со Христом отверженным, помогающим избежать разрыва. Семьи постепенно «по благодати Святого Духа достигают святости через супружескую жизнь, в том числе, участвуя в тайне Креста Христова, преображающей трудности и страдания в жертву любви»[374]. С другой стороны, минуты радости, отдыха и празднования, и даже наслаждения сексуальностью, переживаются как участие в полноте жизни Воскресения. Супруги разными повседневными жестами сообщают форму «*просвещенному Богом пространству*, в котором можно испытать мистическое присутствие воскресшего Господа»[375].

318. Молитва в семье – особое средство для выражения и укрепления пасхальной веры[376]. Можно каждый день найти несколько минут, чтобы вместе предстоять перед живым Господом, поделиться с Ним своими заботами, помолиться за нужды семьи, за каждого, кто переживает трудный период, попросить Его помочь любить, поблагодарить Его за жизнь и за все доброе, попросить Пресвятую Деву защитить нас Своим материнским покровом. Простыми словами минуты молитвы могут принести огромное благо семье. Разные выражения народного благочестия – сокровищница духовности для многих семей. Путь общинной молитвы достигает кульминации в совместном участии в Евхаристии, особенно в условиях воскресного отдыха. Иисус стучит в дверь семьи, чтобы разделить с ней Евхаристическую трапезу (ср. Откр 3, 20). На ней супруги всегда могут скрепить соединивший их пасхальный завет, в котором отражается завет Бога с человечеством, скрепленный на Кресте[377]. Евхаристия – таинство Нового Завета, в котором вновь и вновь исполняется Христово дело искупления (см. Лк 22, 20). Так отмечают глубокие связи между супружеской жизнью и Евхаристией[378]. Евхаристическая пища – сила и стимул день за днем видеть в брачном завете «домашнюю Церковь»[379].

Духовность исключительной и добровольной любви

319. В браке человек переживает также смысл полной принадлежности одной единственной личности. Супруги принимают вызов и жажду вместе состариться и умереть, тем самым они отражают верность Бога. Твердое решение, знаменующее определенный образ жизни, составляет «внутреннее условие союза супружеской любви»[380], потому что «тот, кто не решается любить навсегда, вряд ли сможет искренне любить хотя бы один день»[381]. Но все это не имело бы духовного значения, если бы речь шла лишь о безропотном подчинении закону. Скорее, это принадлежность сердца, глубину которого видит только Бог (см. Мф 5, 28). Пробуждаясь каждое утро, супруги обновляют перед Богом решение хранить верность, что бы ни случилось в наступивший день. И каждый, ложась спать, надеется встать утром, чтобы продолжить свое приключение, уповая на помощь Господа. Так каждый супруг служит другому знамением и орудием близости не покидающего их Господа: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28, 20).

320. Любовь супружеской пары достигает наивысшего освобождения и становится пространством здоровой автономии, когда каждый открывает, что другой – не его собственность, что у него есть более важный владыка – его Единственный Господь. Никто не может претендовать на обладание самой личной и сокровенной близостью с любимым человеком, лишь Он может занять центральное место в его жизни. При этом принцип духовного реализма позволяет супругу не требовать от партнера полного удовлетворения своих потребностей. Важно, чтобы духовный путь каждого, как удачно указал Дитрих Бонхёффер, помогал ему «перестать обманываться» другим^[382], перестать ждать от человека того, что может дать лишь любовь Бога. Для этого необходимо «внутреннее обнажение». Исключительное пространство, которое супруги оставляют для личных отношений с Богом, не только позволяет исцелить раны совместной жизни, но и обрести в любви Божией смысл собственного существования. Нам необходимо ежедневно призывать действие Святого Духа, чтобы достичь такой внутренней свободы.

Духовность заботы, утешения и поощрения

321. «Христианские супруги – сотрудники благодати и свидетели веры друг для друга, для своих детей и для других родственников»^[383]. Бог призывает их к деторождению и уходу. Вот почему семья «всегда была самой близкой “больницей”»^[384]. Будем заботиться друг о друге, поддерживать и взаимно ободрять друг друга. Будем относиться ко всему этому как к частице нашей семейной духовности. Жизнь супружеской четы – участие в плодородном деле Бога, каждый для другого выступает в качестве постоянного вызова со стороны Святого Духа. Любовь Божия выражается «живыми и конкретными словами, с помощью которых мужчина и женщина говорят друг другу о своей супружеской любви»^[385]. Таким образом, двое являются друг для друга отражением Божественной любви, утешающей словом, взглядом, помощью, нежностью, объятиями. Потому «желание создать семью требует мужества стать частью мечты Бога, мужества мечтать вместе с Ним, мужества строить вместе с Ним, мужества творить вместе с Ним эту историю, созидать мир, в котором никто не будет чувствовать себя одиоко»^[386].

322. Вся жизнь семьи – «выпас на пастбище» милосердия. Каждый с заботой рисует и пишет на жизни другого: «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших [...], написанное не чернилами, но Духом Бога живого» (2 Кор 3, 2-3). Каждый – «ловец человеков» (Лк 5, 10), во имя Иисуса забрасывающий сети (см. Лк 5, 5) к другим, или же крестьянин, обрабатывающий свежевспаханную землю, которая есть его близкие, поощряя лучшее в них. Супружеская плодоносность предполагает содействие друг другу, ведь «любить человека – значит ожидать от него чего-то неопределяемого, непредвиденного; и одновременно предлагать ему в некотором роде средство для ответа на это ожидание»^[387]. Это проявление почитания Богу, ведь именно Он посеял много добрых семян в других, надеясь, что мы поможем им вырасти.

323. Созерцание каждого дорогого человека очами Бога и распознавание в нем Христа – глубокий духовный опыт. Он требует бескорыстной отзывчивости, позволяющей оценить личность другого. В полной мере пребывать рядом с другим человеком можно, лишь когда отдаешь себя, не спрашивая «зачем», забывая о том, что тебя окружает. Любящий человек заслуживает всецелого внимания. Иисус был образцом, потому что, когда кто-нибудь подходил к Нему поговорить, Он обращал на него взгляд, смотрел с любовью (см. Мк 10, 21). В Его присутствии никто не ощущал себя ненужным, ведь Его слова и поступки были выражением вопроса: «Чего ты хочешь от Меня?» (Мк 10, 51). Это переживается в повседневной жизни в семье. В ней мы вспоминаем, что живущий с нами человек заслуживает всего, поскольку наделен безграничным достоинством как объект неисчерпаемой любви Отца. Так расцветает нежность, способная «пробудить в другом радость ощущения себя любимым. Она проявляется в деликатном внимании к слабостям другого, особенно когда они очевидны»[\[388\]](#).

324. Под действием Святого Духа семья не только принимает жизнь, зарождая ее в своем лоне, но и открывается, выходит из дома, чтобы излить свое благо на других, чтобы заботиться о них и искать их счастья. Такая открытость выражается, в частности, в гостеприимстве[\[389\]](#), вдохновленном красноречивым словом Божиим: «Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» (Евр 13, 2). Когда семья принимает других и идет им навстречу, особенно бедным и отверженным, она являет себя как «плод и знамение сверхъестественного материнства Церкви»[\[390\]](#). Социальная любовь, отражение Святой Троицы – реальность, соединяющая духовный смысл семьи и ее миссию среди тех, кто к ней не относится. Тем самым семья возвещает *керигму* со всеми требованиями, предъявляемыми благовестием к общине. Семья живет особой духовностью, будучи домашней Церковью и одновременно живой клеткой, преображающей мир[\[391\]](#).

325. Слова Учителя (см. Мф 22, 30) и святого Павла (см. 1 Кор 7, 29-31) о браке не случайно включены в последнее и окончательное измерение нашего бытия, которое нам необходимо восстановить. Так супруги могут понять смысл своего пути. Как мы неоднократно упоминали в настоящем Апостольском обращении, ни одна семья не является совершенной, раз и навсегда законченной реальностью, но требует от человека постепенного развития способности любить. К семье обращен постоянный призыв полного общения Троицы, удивительного союза Христа с Церковью, прекрасной общины – Назаретской семьи, незапятнанного братства святых на небесах. Тем не менее созерцание полноты, которой мы еще не достигли, позволяет нам видеть в верной перспективе исторический путь, по которому мы следуем как семьи, и перестать требовать от наших межличностных отношений совершенства, абсолютной чистоты намерений и последовательности, которые мы сможем встретить лишь в грядущем Царствии. Кроме того, созерцание полноты не

позволяет нам сурово судить тех, кто живет в очень нестабильных условиях. Все мы призваны стремиться к чему-то, что больше нас и наших границ, каждая семья должна ощущать этот постоянный стимул. Так давайте же, семьи, двинемся дальше, будем продолжать идти! Нам обещано намного большее. Не утратим надежды из-за наших слабостей, но и не откажемся стремиться к обетованной полноте любви и общения.

Молитва к Святому Семейству

Иисус, Мария и Иосиф,
в вас мы созерцаем
сияние истинной любви
и вам с доверием отдаем себя.

Святое Семейство из Назарета,
сделай и наши семьи
пространствами общения и горницами молитвы,
подлинными школами Евангелия
и малыми домашними Церквями.

Святое Семейство из Назарета,
пусть больше в семьях никогда
не случается насилия, закрытости и разделения;
пусть всякий, кто был изранен или введен в соблазн,
как можно быстрее утешится и исцелится.

Святое Семейство из Назарета,
помоги нам дать всем осознать
священный и нерушимый характер семьи,
ее красоту в замысле Божиим.

Иисус, Мария и Иосиф,
услышьте нас и внемлите нашей молитве.
Аминь

*Дано в Риме, у Святого Петра, в Экстраординарный Юбилейный год Милосердия, 18 марта,
в торжество Святого Иосифа, 2016 года, в четвертый год моего Понтификата*

Франциск

[1] III Внеочередная Генеральная Ассамблея Синода Епископов, *Relatio Synodi*, 18 октября 2014 г., 2.

[2] XIV Очередная Генеральная Ассамблея Синода Епископов, *Relatio finalis*, 24 октября 2015 г., 3.

[3] Речь на завершении XIV Очередной Генеральной Ассамблеи Синода Епископов (24 октября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 26-27 октября 2015 г., с. 13; ср. Папская Библейская Комиссия, *Вера и культура в свете Библии. Документы Пленарной сессии Папской Библейской Комиссии 1979 года*, Турин 1981; II Ватиканский Собор, Конституция *Gaudium et spes*, 44; Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptoris missio* (7 декабря 1990 г.), 52: AAS 83 (1991), 300; Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 69.117: AAS 105 (2013), 1049.1068-1069.

[4] Речь на встрече с семьями в г. Сантьяго-де-Куба (22 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 24 сентября 2015 г., с. 7.

[5] Jorge Luis Borges, "Calle desconocida", en *Fervor de Buenos Aires*, Buenos Aires 2011, 23 (Хорхе Луис Борхес, «Незнакомая улица», в *Жар Буэнос-Айреса*).

[6] Проповедь на Мессе в г. Пуэбла-де-лос-Анхелес (28 января 1979 г.), 2: AAS 71 (1979), 184.

[7] См. *ibid.*

[8] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 4: AAS 74 (1982), 84.

[9] *Relatio Synodi* 2014, 5.

[10] Конференция Епископов Испании, *Matrimonio y familia* (6 июля 1979 г.), 3.16.23.

[11] *Relatio finalis* 2015, 5.

[12] *Relatio Synodi* 2014, 5.

[13] *Relatio finalis* 2015, 8.

[14] Речь в Конгрессе Соединенных Штатов Америки (24 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 26 сентября 2015 г., 7.

[15] *Relatio finalis* 2015, 29.

[16] *Relatio Synodi* 2014, 10.

[17] III Генеральная Внеочередная Ассамблея Синода Епископов, Послание, 18 октября 2014 г.

[18] *Relatio Synodi* 2014, 10.

[19] *Relatio finalis* 2015, 7.

[20] *Ibid.*, 63.

[21] Конференция Католических епископов Кореи, *Towards a Culture of Life!* (15 марта 2007 г.).

[22] *Relatio Synodi* 2014, 6.

[23] Папский Совет по делам семьи, *Хартия прав семьи* (22 октября 1983 г.), 11.

[24] См. *Relatio finalis* 2015, 11-12.

[25] Папский Совет по делам семьи, *Хартия по делам семьи* (22 октября 1983 г.), Введение.

[26] *Ibid.*, 9.

[27] *Relatio finalis* 2015, 14.

[28] *Relatio Synodi* 2014, 8.

[29] См. *Relatio finalis* 2015, 78.

[30] *Relatio Synodi* 2014, 8.

[31] *Relatio finalis* 2015, 23; Ср. *Послание на Всемирный день мигрантов и беженцев 2016* (12 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 2 октября 2015 г., 8.

[32] *Relatio finalis* 2015, 24.

[33] *Ibid.*, 21.

[34] *Ibid.*, 17.

[35] *Ibid.*, 20.

[36] Ср. *ibid.*, 15.

[37] *Заключительная речь на XIV Очередной Генеральной Ассамблее Синода Епископов* (24 октября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 26-27 октября 2015, 13.

[38] Конференция Католических Епископов Аргентины, *Navega mar adentro* (31 мая 2003 г.), 42.

[39] Конференция Католических Епископов Мексики, *Que en Cristo Nuestra Paz México tenga vida digna* (15 февраля 2009 г.), 67.

[40] *Relatio finalis* 2015, 25.

[41] *Ibid.*, 10.

[42] *Катехетическая беседа* (22 апреля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 23 апреля 2015 г., 7.

[43] *Катехетическая беседа* (29 апреля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 30 апреля 2015 г., 8.

[44] *Relatio finalis* 2015, 28.

[45] *Ibid.*, 8.

[46] *Ibid.*, 58.

[47] *Ibid.*, 33.

[48] *Relatio Synodi* 2014, 11.

[49] Конференция Католических Епископов Колумбии, *A tiempos difíciles, colombianos nuevos* (13 февраля 2003 г.), 3.

[50] Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 35: AAS 105 (2013), 1034.

[51] *Ibid.*, 164: AAS 105 (2013), 1088.

[52] *Ibid.*

[53] *Ibid.*, 165: AAS 105 (2013), 1089.

[54] *Relatio Synodi* 2014, 12.

[55] Ibid., 14.

[56] Ibid., 16.

[57] *Relatio finalis* 2015, 41.

[58] Ibid., 38.

[59] *Relatio Synodi* 2014, 17.

[60] *Relatio finalis* 2015, 43.

[61] *Relatio Synodi* 2014, 18.

[62] Ibid., 19.

[63] *Relatio finalis* 2015, 38.

[64] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 13: AAS 74 (1982), 94.

[65] *Relatio Synodi* 2014, 21.

[66] Катехизис Католической Церкви, 1642.

[67] Ibid.

[68] Катехетическая беседа (6 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano* (7 мая 2015 г.), 8.

[69] Лев Великий, *Послание к Рустику, Епископу Нарбоннскому*, *inquis. IV: PL 54, 1205A*; Ср. Гинкмар Реймский, *Послан. 22: PL 126, 142*.

[70] См. Пий XII, Энциклика *Mystici Corporis Christi* (29 июня 1943 г.): AAS 35 (1943), 202: «*Matrimonio enim quo coniuges sibi invicem sunt ministri gratiae*».

[71] См. Кодекс Канонического Права, канн. 1116; 1161-1165; Кодекс Канонов Восточных Церквей, канн. 832; 848-852.

[72] Кодекс Канонического Права, кан. 1055 § 2.

[73] *Relatio Synodi* 2014, 23.

- [74] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 9: AAS 74 (1982), 90.
- [75] *Relatio finalis* 2015, 47.
- [76] Ibid.
- [77] Проповедь на Святой Мессе по случаю завершения VIII Всемирной встречи семей, Филадельфия (27 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 28-29 сентября 2015, 7.
- [78] *Relatio finalis* 2015, 53-54.
- [79] Ibid., 51.
- [80] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 48.
- [81] См. Кодекс Канонического Права, кан. 1055 §1: «*Ad bonum coniugum atque ad proles generationem et educationem ordinatum*».
- [82] Катехизис Католической Церкви, 2360.
- [83] Ibid., 1654.
- [84] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 48.
- [85] Катехизис Католической Церкви, 2366.
- [86] См. Павел VI, Энциклика *Humanae vitae* (25 июля 1968 г.), 11-12: AAS 60 (1968), 488-489.
- [87] Катехизис Католической Церкви, 2378.
- [88] Конгрегация вероучения, Инструкция *Donum vitae* (22 февраля 1987 г.), II, 8: AAS 80 (1988), 97.
- [89] *Relatio finalis* 2015, 63.
- [90] *Relatio Synodi* 2014, 57.
- [91] Ibid., 58.
- [92] Ibid., 57.

[93] *Relatio finalis* 2015, 64.

[94] *Relatio Synodi* 2014, 60.

[95] *Ibid.*, 61.

[96] Кодекс Канонического Права, кан. 1136; ср. Кодекс Канонов Восточных Церквей, кан. 627.

[97] Папский Совет по делам Семьи, *Человеческая сексуальность: истина и смысл* (8 декабря 1995 г.), 23.

[98] *Катехетическая беседа* (20 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 21 мая 2015 г., 8.

[99] См. Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 38: *AAS* 74 (1982), 129.

[100] См. *Речь на Ассамблее Римской епархии* (14 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 15-16 июня 2015 г., с. 8.

[101] *Relatio Synodi* 2014, 23.

[102] *Relatio finalis* 2015, 52.

[103] *Ibid.*, 49-50.

[104] Катехизис Католической Церкви, 1641.

[105] См. Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 2: *AAS* 98 (2006), 218.

[106] Игнатий Лойола, *Духовные упражнения, Созерцание ради обретения любви*, 230.

[107] Octavio Paz, *La llama doble*, Barcelona 1993, 35.

[108] Фома Аквинский, *Summa Theologiae* II-II, q. 114, a. 2, ad 1.

[109] *Катехетическая беседа* (13 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 14 мая 2015 г., 8.

[110] *Summa Theologiae* II-II, q. 27, a. 1, ad 2.

[111] *Ibid.*, a. 1.

- [112] Катехетическая беседа (13 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 14 мая 2015 г., 8.
- [113] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 21: AAS 74 (1982), 106.
- [114] Проповедь в баптистской церкви на Декстер-авеню, Монтгомери, штат Алабама, 17 ноября 1957 г.
- [115] Святой Фома Аквинский понимает любовь как «*vis unitiva*» (объединительная сила – прим. пер.) (*Summa Theologiae* I, q. 20, a. 1, ad 3), напоминая выражение Псевдо-Дионисия Ареопагита (*De divinis nominibus*, IV, 12: PG 3, 709).
- [116] Фома Аквинский, *Summa Theologiae* II-II, q. 27, a. 2.
- [117] Энциклика *Casti connubii* (31 декабря 1930 г.): AAS 22 (1930), 547-548.
- [118] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 13: AAS 74 (1982), 94.
- [119] Катехетическая беседа (2 апреля 2014 г.): *L'Osservatore Romano*, 3 апреля 2014 г., 8.
- [120] Ibid.
- [121] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 9: AAS 74 (1982), 90.
- [122] Фома Аквинский, *Summa contra Gentiles*, III, 123; ср. Аристотель, *Никомахова этика*, 8, 12.
- [123] Энциклика *Lumen fidei* (29 июня 2013 г.), 52: AAS 105 (2013), 590.
- [124] *De sacramento matrimonii*, I, 2: in Id. *Disputationes*, III, 5, 3 (ed. Giuliano, Napoli 1858, 778).
- [125] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 50.
- [126] Ibid., 49.
- [127] См. *Summa Theologiae* I-II, q. 31, a. 3, ad 3.
- [128] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 48.
- [129] Фома Аквинский, *Summa Theologiae* I-II, q. 26, a. 3.

[130] Ibid., q. 110, a. 1.

[131] *Исповедь*, VIII, 3, 7: PL 32, 752.

[132] *Выступление перед семьями мира по случаю их паломничества в Рим в Год Веры* (26 октября 2013 г.): AAS 105 (2013), 980.

[133] *Молитва Ангель Господень* (29 декабря 2013 г.): *L'Osservatore Romano*, 30-31 декабря 2013, 7.

[134] *Выступление перед семьями мира по случаю их паломничества в Рим в Год Веры* (26 октября 2013 г.): AAS 105 (2013), 978.

[135] *Summa Theologiae* II-II, q. 24, a. 7.

[136] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 48.

[137] Конференция Католических Епископов Чили, *La vida y la familia: regalos de Dios para cada uno de nosotros* (21 июля 2014 г.).

[138] Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 49.

[139] A. Sertillanges, *L'amour chrétien*, Paris 1920, 174.

[140] См. Фома Аквинский, *Summa Theologiae* I-II, q. 24, a. 1.

[141] См. Ibid., q. 59, a. 5.

[142] Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 3: AAS 98 (2006), 219-220.

[143] Ibid., 4 : AAS 98 (2006), 220.

[144] См. Фома Аквинский, *Summa Theologiae* I-II, q. 32, a. 7.

[145] См. ibid., II-II, q. 153, a. 2, ad 2: «*Abundantia delectationis quae est in actu venereo secundum rationem ordinato, non contrariatur medio virtutis*».

[146] Иоанн Павел II, *Катехетическая беседа* (22 октября 1980 г.), 5: *Insegnamenti* III, 2 (1980), 951.

[147] Ibid., 3.

- [148] Id., *Катехетическая беседа* (24 сентября 1980 г.), 4: *Insegnamenti* III, 2 (1980), 719.
- [149] *Катехетическая беседа* (12 ноября 1980 г.), 2: *Insegnamenti* III, 2 (1980), 1133.
- [150] Ibid., 4.
- [151] Ibid., 5.
- [152] Ibid., 1: 1132.
- [153] *Катехетическая беседа* (16 января 1980 г.), 1: *Insegnamenti* III, 1 (1980), 151.
- [154] Josef Pieper, *Über die Liebe*, München 2014, 174.
- [155] Иоанн Павел II, Энциклика *Evangelium vitae* (25 марта 1995 г.), 23: *AAS* 87 (1995), 427.
- [156] Павел VI, Энциклика *Humanae vitae* (25 июля 1968 г.), 13: *AAS* 60 (1968), 489.
- [157] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 49.
- [158] *Катехетическая беседа* (18 июня 1980 г.), 5: *Insegnamenti* III, 1 (1980), 1778.
- [159] Ibid., 6.
- [160] См. *Катехетическая беседа* (30 июля 1980 г.), 1: *Insegnamenti* III, 2 (1980), 311.
- [161] *Катехетическая беседа* (8 апреля 1981 г.), 3: *Insegnamenti* IV, 1 (1981), 904.
- [162] *Катехетическая беседа* (11 августа 1982 г.), 4: *Insegnamenti* V, 3 (1982), 205-206.
- [163] Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 5: *AAS* 98 (2006), 221.
- [164] Ibid., 7.
- [165] *Relatio finalis* 2015, 22.
- [166] *Катехетическая беседа* (14 апреля 1982 г.), 1: *Insegnamenti* V, 1 (1982), 1176.
- [167] *Glossa in quatuor libros sententiarum Petri Lombardi*, IV, XXVI, 2 (Quaracchi 1957, 446).
- [168] Иоанн Павел II, *Катехетическая беседа* (7 апреля 1982 г.), 2: *Insegnamenti* V, 1 (1982), 1127.

[169] Id., *Катехетическая беседа* (14 апреля 1982 г.), 3: *Insegnamenti V*, 1 (1982), 1177.

[170] Ibid.

[171] Id., Энциклика *Redemptor hominis* (4 марта 1979 г.), 10: *AAS 71* (1979), 274.

[172] См. Фома Аквинский, *Summa Theologiae* II-II, q. 27, a. 1.

[173] Папский Совет по делам семьи, *Семья, брак и “фактические союзы”* (26 июля 2000 г.), 40.

[174] Иоанн Павел II, *Катехетическая беседа* (31 октября 1984 г.), 6: *Insegnamenti VII*, 2 (1984), 1072.

[175] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 8: *AAS 98* (2006), 224.

[176] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 14: *AAS 74* (1982), 96.

[177] *Катехетическая беседа* (11 февраля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 12 февраля 2015 г., 8.

[178] Ibid.

[179] *Катехетическая беседа* (8 апреля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 9 апреля 2015 г., 8.

[180] Ibid.

[181] См. II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 51: «Да будет всем известно, что человеческая жизнь и долг ее передачи не ограничиваются веком сим. Они измеряются не только его мерками и постигаются не только его разумом: их следует всегда соотносить с вечным назначением человека».

[182] *Письмо к Генеральному секретариату Международной конференции Организации Объединенных Наций по населению и развитию* (18 марта 1994 г.): *Insegnamenti XVII*, 1 (1994), 750-751.

[183] Иоанн Павел II, *Катехетическая беседа* (12 марта 1980 г.), 3: *Insegnamenti III*, 1 (1980), 543.

[184] Ibid.

- [185] Речь на встрече с семьями в Маниле (16 января 2015 г.): AAS 107 (2015), 176.
- [186] Катехетическая беседа (11 февраля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 12 февраля 2015 г., 8.
- [187] Катехетическая беседа (14 октября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 15 октября 2015 г., 8.
- [188] Конференция Католических Епископов Австралии, Пастырское послание *Don't Mess with Marriage* (24 ноября 2015 г.), 11.
- [189] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 50.
- [190] Иоанн Павел II, Катехетическая беседа (12 марта 1980 г.), 2: *Insegnamenti* III, 1 (1980), 542.
- [191] См. Id. Апостольское послание *Mulieris dignitatem* (15 августа 1988 г.), 30-31: AAS 80 (1988), 1727-1729.
- [192] Катехетическая беседа (7 января 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 7-8 января 2015 г., с. 8.
- [193] Ibid.
- [194] Катехетическая беседа (28 января 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 29 января 2015 г., 8.
- [195] Ibid.
- [196] См. *Relatio finalis* 2015, 28.
- [197] Катехетическая беседа (4 февраля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 5 февраля 2015 г., 8.
- [198] Ibid.
- [199] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 50.
- [200] V Генеральная Конференция Епископата Латиноамериканских стран и Карибского Бассейна, *Апаресидский документ* (29 июня 2007 г.), 457.
- [201] *Relatio finalis* 2015, 65.

[202] Ibid.

[203] Речь на встрече с семьями в Маниле (16 января 2015 г.): AAS 107 (2015), 178.

[204] Mario Benedetti, "Te quiero", in *Poemas de otros*, Buenos Aires 1993, 316.

[205] См. Катехетическая беседа (16 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 17 сентября 2015 г., 8.

[206] Катехетическая беседа (7 октября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 8 октября 2015 г., 8.

[207] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 14: AAS 98 (2006), 228.

[208] См. *Relatio finalis* 2015, 11.

[209] Катехетическая беседа (18 марта 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 19 марта 2015 г., 8.

[210] Катехетическая беседа (11 февраля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 12 февраля 2015 г., 8.

[211] См. *Relatio finalis* 2015, 17-18.

[212] Катехетическая беседа (4 марта 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 5 марта 2015 г., 8.

[213] Катехетическая беседа (11 марта 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 12 марта 2015 г., 8.

[214] Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 27: AAS 74 (1982), 113.

[215] Иоанн Павел II, Обращение к участникам Международного Форума по вопросам активности стареющих лиц (5 сентября 1980 г.), 5: *Insegnamenti* III, 2 (1980), 539.

[216] *Relatio finalis* 2015, 18.

[217] Катехетическая беседа (4 марта 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 5 марта 2015 г., 8.

[218] Ibid.

[219] Выступление на Встрече с лицами старшего возраста, (28 сентября 2014 г.): *L'Osservatore Romano*, 29-30 сентября 2014 г., 7.

[220] Катехетическая беседа (18 февраля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 19 февраля 2015

г., 8.

[221] Ibid.

[222] Ibid.

[223] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 18: AAS 74 (1982), 101.

[224] Катехетическая беседа (7 октября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 8 октября 2015 г., 8.

[225] *Relatio Synodi* 2014, 30.

[226] Ibid., 31.

[227] *Relatio finalis* 2015, 56.

[228] Ibid., 89.

[229] *Relatio Synodi* 2014, 32.

[230] Ibid., 33.

[231] Ibid., 38.

[232] *Relatio finalis* 2015, 77.

[233] Ibid., 61.

[234] Ibid.

[235] Ibid.

[236] Ibid.

[237] См. *Relatio Synodi* 2014, 26.

[238] Ibid., 39.

[239] Конференция Католических Епископов Италии. Епископская комиссия по вопросам семьи и жизни, *Orientamenti pastorali sulla preparazione al matrimonio e alla famiglia* (22 октября 2012 г.), 1.

[240] Игнатий Лойола, *Духовные упражнения*, примечание 2.

[241] Ibid., примечание 5.

[242] Иоанн Павел II, *Катехетическая беседа* (27 июня 1984 г.), 4: *Insegnamenti VII*, 1 (1984), 1941.

[243] *Катехетическая беседа* (21 октября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 22 октября 2015 г., 12.

[244] Конференция Католических Епископов Кении, *Послание на Великий пост* (18 февраля 2015 г.).

[245] См. Пий XI, Энциклика *Casti connubii* (31 декабря 1930 г.): *AAS* 22 (1930), 583.

[246] Иоанн Павел II, *Катехетическая беседа* (4 июля 1984 г.), 3.6: *Insegnamenti VII*, 2 (1984), 9.10.

[247] *Relatio finalis* 2015, 59.

[248] Ibid., 63.

[249] Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 50.

[250] *Relatio finalis* 2015, 63.

[251] *Relatio Synodi* 2014, 40.

[252] Ibid., 34.

[253] *Духовная песнь В*, XXV, 11 (Цит. по: Святой Иоанн Креста, Учитель Церкви. *Духовная песнь*. – Пер. Н. Серебровской, Бердичев, 2013. С. 230).

[254] *Relatio Synodi* 2014, 44.

[255] *Relatio finalis* 2015, 81.

[256] Ibid., 78.

[257] *Катехетическая беседа* (24 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 25 июня 2015 г., 8.

[258] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 83:

AAS 74 (1982), 184.

[259] *Relatio Synodi* 2014, 47.

[260] *Ibid.*, 50.

[261] См. *Катехетическая беседа* (5 августа 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 6 августа 2015 г., 7.

[262] *Relatio Synodi* 2014, 51; см. *Relatio finalis* 2015, 84.

[263] *Relatio Synodi* 2014, 48.

[264] См. *Motu proprio Mitis Iudex Dominus Iesus* (15 августа 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 9 сентября 2015 г., 3-4; *Motu proprio Mitis et Misericors Iesus* (15 августа 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 9 сентября 2015 г., 5-6.

[265] *Motu proprio Mitis Iudex Dominus Iesus* (15 августа 2015 г.), преамбула, III: *L'Osservatore Romano*, 9 сентября 2015 г., 3.

[266] *Relatio finalis* 2015, 82.

[267] *Relatio Synodi* 2014, 47.

[268] *Катехетическая беседа* (20 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 21 мая 2015 г., 8.

[269] *Катехетическая беседа* (24 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 25 июня 2015 г., 8.

[270] *Катехетическая беседа* (5 августа 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 6 августа 2015 г., 7.

[271] *Relatio finalis* 2015, 72.

[272] *Ibid.*, 73.

[273] *Ibid.*, 74.

[274] *Ibid.*, 75.

[275] См. Булла *Misericordiae Vultus*, 12: AAS 107 (2015), 409.

[276] Катехизис Католической Церкви, 2358; ср. *Relatio finalis* 2015, 76.

[277] См. *ibid.*

[278] *Relatio finalis* 2015, 76; Ср. Конгрегация вероучения, *Замечания в связи с законопроектами о юридическом признании союзов между гомосексуальными лицами* (3 июня 2003 г.), 4.

[279] *Relatio finalis* 2015, 80.

[280] См. *ibid.*, 20.

[281] *Катехетическая беседа* (17 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 18 июня 2015 г., 8.

[282] *Relatio finalis* 2015, 19.

[283] *Катехетическая беседа* (17 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 18 июня 2015 г., 8.

[284] *Ibid.*

[285] См. Катехизис Католической Церкви, 958.

[286] *Ibid.*

[287] См. *Последние беседы, "Желтая тетрадь" Матери Агнессы*, 17 июля 1897 г.: *Opere complete*, Città del Vaticano – Roma 1997, 1028. В связи с этим важно свидетельство сестер по Ордену о том, что святая Тереза обещала, что ее уход из этого мира будет подобен «дождю из роз» (*ibid.*, 9 июня, 991).

[288] Иордан Саксонский, *Libellus de principiis Ordinis prædicatorum*, 93: *Monumenta Historica Sancti Patris Nostri Dominici*, XVI, Roma 1935, 69.

[289] См. Катехизис Католической Церкви, 957.

[290] II Ватиканский Собор, Догматическая конституция *Lumen gentium*, 49.

[291] Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 222: *AAS* 105 (2013), 1111.

[292] *Катехетическая беседа* (20 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 21 мая 2015 г., 8.

[293] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 17.

[294] *Катехетическая беседа* (30 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 1 октября 2015 г.,

8.

[295] Катехетическая беседа (10 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 11 июня 2015 г., 8.

[296] См. *Relatio finalis* 2015, 67.

[297] Катехетическая беседа (20 мая 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 21 мая 2015 г., 8.

[298] Катехетическая беседа (9 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 10 сентября 2015 г., 8.

[299] *Relatio finalis* 2015, 68.

[300] Ibid., 58.

[301] Декларация *Gravissimum educationis*, 1.

[302] *Relatio finalis* 2015, 56.

[303] Erich Fromm, *The Art of Loving*, New York 1956, p. 54. (Русский пер.: Эрих Фромм, *Искусство любить*).

[304] Энциклика *Laudato si'* (24 мая 2015 г.), 155.

[305] Катехетическая беседа (15 апреля 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 16 апреля 2015 г., 8.

[306] См. *Relatio finalis* 2015, 13-14.

[307] *De sancta virginitate*, 7, 7: PL 40, 400.

[308] Катехетическая беседа (26 августа 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 27 августа 2015 г., 8.

[309] *Relatio finalis* 2015, 89.

[310] Ibid., 93.

[311] *Relatio Synodi* 2014, 24.

[312] Ibid., 25.

[313] Ibid., 28.

[314] Ср. *ibid.*, 41.43; *Relatio finalis* 2015, 70.

[315] *Relatio Synodi* 2014, 27.

[316] *Ibid.*, 26.

[317] *Ibid.*, 41.

[318] *Ibid.*

[319] *Relatio finalis* 2015, 71.

[320] См. *ibid.*

[321] *Relatio Synodi* 2014, 42.

[322] *Ibid.*, 43.

[323] Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 34: AAS 74 (1982), 123.

[324] *Ibid.*, 9: 90.

[325] См. *Катехетическая беседа* (24 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 25 июня 2015 г., 8.

[326] *Проповедь во время Евхаристии в сослужении с новопоставленными кардиналами* (15 февраля 2015 г.): AAS 107 (2015), 257.

[327] *Relatio finalis* 2015, 51.

[328] *Relatio Synodi* 2014, 25.

[329] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 84: AAS 74 (1982), 186. В подобных ситуациях многие, зная о предлагаемой им Церковью возможности проживать вместе «как брат и сестра» и соглашаясь на это, отмечают, что при отсутствии определенных проявлений близости «благо верности нередко может подвергнуться опасности, а благо детей – потерпеть ущерб» (II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 51)

[330] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 84: AAS 74 (1982), 186.

[331] *Relatio Synodi* 2014, 26.

[332] См. *ibid.*, 45.

[333] Бенедикт XVI, *Речь на VII Всемирной встрече семей в Милане* (2 июня 2012 г.), ответ 5: *Insegnamenti VIII, 1* (2012), 691.

[334] *Relatio finalis* 2015, 84.

[335] *Ibid.*, 51.

[336] То же самое касается дисциплины таинств, так как распознавание может не увидеть серьезной вины в особой ситуации. Здесь применяется принцип, о котором я говорил в другом документе: Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 44. 47: AAS 105 (2013), 1038-1040.

[337] *Relatio finalis* 2015, 85.

[338] *Ibid.*, 86.

[339] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 33: AAS 74 (1982), 121.

[340] *Relatio finalis* 2015, 51.

[341] См. *Summa Theologiae* I-II, q. 65, a. 3, ad 2; *De malo*, q. 2, a. 2.

[342] *Ibid.*, ad 3.

[343] N. 1735.

[344] См. *ibid.*, 2352; Конгрегация вероучения, Декларация об эвтаназии *Iura et bona* (5 мая 1980 г.), II: AAS 72 (1980), 546. Иоанн Павел II, критикуя категорию «фундаментального выбора», признавал, что, «несомненно, могут складываться очень сложные, неясные в психологическом аспекте ситуации, влияющие на субъективное вменение вины грешнику» (см. Апостольское обращение *Reconciliatio et poenitentia* (2 декабря 1984 г.), 17: AAS 77 (1985), 223).

[345] См. Папский Совет по законодательным актам, *Декларация о допущении к причастию разведенных и второбрачных* (24 июня 2000 г.), 2.

[346] *Relatio finalis* 2015, 85.

[347] *Summa Theologiae* I-II, q. 94, a. 4.

[348] Говоря об общем знании нормы и частном знании практического распознавания, святой Фома в итоге утверждает: «При отсутствии обеих форм знания предпочтительно в действии руководствоваться знанием частной реальности» (*Sententia libri Ethicorum*, VI, 6 [ed. Leonina, t. XLVII, 354]).

[349] *Выступление по случаю завершения XIV Очередной Генеральной Ассамблеи Синода Епископов* (24 октября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 26-27 октября 2015 г., 13.

[350] *В поисках всеобщей этики: новый взгляд на естественный закон* (2009), 59.

[351] В некоторых случаях можно помогать даже таинствами. Поэтому «напоминаю священникам, что исповедальня должна быть не пыточной камерой, а местом милосердия Господня» (Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 44: AAS 105 (2013), 1038). Равным образом подчеркиваю, что Евхаристия «служит не наградой для совершенных, а великодушным исцелением и подкреплением для немощных» (*ibid.*, 47: 1039).

[352] Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 44: AAS 105 (2013), 1038-1039.

[353] *De catechizandis rudibus*, I, 14, 22: PL 40, 327; Ср. Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 193: AAS 105 (2013), 1101.

[354] *Relatio Synodi* 2014, 26.

[355] Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 44: AAS 105 (2013), 1038.

[356] *Ibid.*, 45: AAS 105 (2013), 1039.

[357] *Ibid.*, 270: AAS 105 (2013), 1128.

[358] Булла *Misericordiae Vultus* (11 апреля 2015 г.), 12: AAS 107 (2015), 407.

[359] *Ibid.*, 5: 402.

[360] *Ibid.*, 9: 405.

[361] *Ibid.*, 10: 406.

[362] Апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24 ноября 2013 г.), 47: AAS 105 (2013), 1040.

[363] См. *ibid.*, 36-37: AAS 105 (2013), 1035.

[364] Возможно, из-за щепетильности, скрытой за сильной жаждой верности истине, некоторые священники требуют от кающихся прямолинейного намерения не грешить, поэтому милосердие растворяется в поиске гипотетически чистой справедливости. Поэтому стоит напомнить учение святого Иоанна Павла II, утверждавшего, что вероятность нового падения «не определяет искренность намерения» (*Письмо кард. Уильяму У. Бауму по случаю курса о внутреннем суде, организованном Апостольской Пенитенциарией* (22 марта 1996 г.), 5: *Insegnamenti* XIX, 1 (1996), 589).

[365] Международная Богословская комиссия, *Надежда на спасение для детей, умерших без крещения* (19 апреля 2007 г.), 2.

[366] Булла *Misericordiae Vultus* (11 апреля 2015 г.), 15: AAS 107 (2015), 409.

[367] Декрет *Apostolicam actuositatem*, 4.

[368] См. *ibid.*

[369] II Ватиканский Собор, Пастырская конституция *Gaudium et spes*, 49.

[370] Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 16: AAS 98 (2006), 230.

[371] *Ibid.*, 39: AAS 98 (2006), 250.

[372] Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988 г.), 40: AAS 81 (1989), 468.

[373] *Ibid.*

[374] *Relatio finalis* 2015, 87.

[375] Иоанн Павел II, Послесинодальное Апостольское обращение *Vita consecrata* (25 марта 1996 г.), 42: AAS 88 (1996), 416.

[376] Ср. *Relatio finalis* 2015, 87.

[377] Ср. Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 57: AAS 74 (1982), 150.

- [378] Не забудем, что завет Бога с народом выражается как обручение (см. Иез 16, 8.60; Ис 62, 5; Ос 2, 21-22), а Новый Завет представлен как брак (см. Откр 19, 7; 21, 2; Еф 5, 25).
- [379] II Ватиканский Собор, Догматическая конституция *Lumen gentium*, 11.
- [380] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 11: AAS 74 (1982), 93.
- [381] Id., *Проповедь на Святой Мессе для семей в г. Кордоба, Аргентина* (8 апреля 1987 г.), 4: *Insegnamenti X*, 1 (1987), 1161-1162.
- [382] См. *Gemeinsames Leben*, München 1973, 18.
- [383] II Ватиканский Собор, Декрет *Apostolicam actuositatem*, 11.
- [384] *Катехетическая беседа* (10 июня 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 11 июня 2015 г., 8.
- [385] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 12: AAS 74 (1982), 93.
- [386] *Речь на Празднике Семей и молитвенном бдении, Филадельфия* (26 сентября 2015 г.): *L'Osservatore Romano*, 28-29 сентября 2015 г., 6.
- [387] Gabriel Marcel, *Homo viator. Prolégomènes à une métaphysique de l'espérance*, Paris 1944, 63.
- [388] *Relatio finalis* 2015, 88.
- [389] См. Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 44: AAS 74 (1982), 136.
- [390] Ibid., 49: AAS 74 (1982), 141.
- [391] О социальных аспектах семьи, см. Папский Совет «Справедливость и Мир», *Компендиум Социального учения Церкви*, 248-254.
-

©Copyright - Libreria Editrice Vaticana